

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А.С. ПУШКИНА

**СОВРЕМЕННОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ
СИБИРЕВЕДЕНИЕ
XVIII – НАЧАЛА XX В.**

Выпуск V

*К 45-летию доктора исторических наук
Шайдунова Владимира Николаевича*

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2021

УДК 94(57)
ББК 63.3 (2)5
С56

**РОССИЙСКИЙ ФОНД
ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

*Издано при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ
в рамках научного проекта № 20-59-00010
«Этнические меньшинства в Беларуси и России в условиях
общественных трансформаций 19-20 в.» -
The reported study was funded by RFBR and BRFB, project number 20-
59-00010 «Ethnic minorities in Belarus and Russia in the conditions of
social transformations of the XIX-XX centuries»*

Ответственные редакторы:

доктор исторических наук, профессор Ю.М. Гончаров
доктор исторических наук, профессор В.А. Скубневский

**Современное историческое сибиреведение XVIII – начала
XX в. Выпуск V:** Сборник научных трудов / Под ред. Ю.М. Гончарова,
В.А. Скубневского. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2021. – 224 с.
ISBN 978-5-8290-1980-8

Сборник посвящен 45-летию доктора исторических наук Владимира Николаевича Шайдурова. В работах ведущих сибиреведов России, Германии, Польши, США рассматриваются актуальные проблемы современной исторической науки в Сибири.

Издание предназначено для преподавателей, научных работников, аспирантов, студентов исторических и других гуманитарных факультетов.

ISBN 978-5-8290-1980-8

© Авторы, 2021
© Ленинградский
государственный университет
(ЛГУ) имени А.С. Пушкина, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКТОРОВ	8
---------------------	---

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	10
--------------------------	----

<i>Скубневский В.А.</i>	10
-------------------------------	----

<i>В.Н. Шайдуров – исследователь истории западных национальных меньшинств в Сибири</i>	10
--	----

ИСТОРИОГРАФИЯ

Климова О.Г.

<i>Историография истории еврейского предпринимательства в Сибири второй половины XIX – начала XX в.</i>	15
---	----

Блинов А.В.

<i>Формирование этноконфессионального сегмента образовательного пространства Западно-Сибирского учебного округа в освещении постсоветских отечественных исследований</i>	27
--	----

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

И УПРАВЛЕНИЯ

Санкин Е.В., Зиновьев В.П.

<i>Рыбопромышленные пески Западной Сибири в XIX– начале XX в.</i>	40
---	----

Семёнова О.А., Жукова А.Е.

<i>Наем евреями христианской прислуги в Сибири во второй половине XIX в. на примере Томской губернии</i>	59
--	----

Колокольцева Н.Ю.

<i>Роль инородцев в развитии торговых отношений в Сибири во второй половине XIX в.</i>	68
--	----

Чуркин М.К.

*Имперские принципы управления Степным краем
во второй половине XIX в. в репрезентации эго-текстов
колониальных экспертов 75*

Шиловский М.В.

*Горный Алтай в контексте этнополитических процессов
в Азиатской России 1917–1918 гг. 91*

ПЕРЕСЕЛЕНИЯ И ССЫЛКА

Леончик С.

*Приенисейская Сибирь в воспоминаниях ссыльного поляка
Максимилиана Маркса (вторая половина XIX века) 105*

Никулина И.Н.

*Ссылные поляки – участники Январского восстания 1863 г.
в Кузнецке 114*

Деннингхаус В.

*В родную Сибирь или «на край света»?:
Эмиграция поволжских немцев в Америку
в конце XIX – начале XX века 121*

Пожарская К.А.

*Этнические группы в переселенческом движении на Алтай
времен реализации столыпинской переселенческой политики:
проблемы сохранения этнокультурной идентичности и
социокультурной адаптации 145*

СОЦКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ В СИБИРИ

Дамешек Л.М., Дамешек И.Л.

*Сибирские съезды православного духовенства о путях
насаждения «русскости» среди коренного населения 154*

Валитов А.А., Федотова Д.Ю.

*Тобольская классическая гимназия в период директора
П.М. Чигиринцева (1849–1856 гг.)* 170

Скачкова Г.К.

*Реформаторские идеи учителей Тобольской классической
гимназии на страницах губернской прессы и реакция
российского педагогического сообщества (1862–1865 гг.)* 177

Сулимов В.А., Гончаров Ю.М.

*Обучение польских беженцев в Западной Сибири
во время Первой мировой войны* 190

РЕЦЕНЗИИ

Кац Н.Г., Сторэлла К.Д.

*Новое в изучении народонаселения Сибири: К публикации
монографии В.Н. Шайдунова «Евреи, Немцы, Поляки
в Западной Сибири XIX – начала XX в.»* 196

Гончаров Ю.М.

*Мамкина И.Н., Блинов А.В. Региональные модели управления
образованием в императорской России: сибирский вариант:
монография. Чита: ЗабГУ, 2020. 280 с.* 210

Кальмина Л.В.

*Современное историческое сибиреведение XVIII – начала XX в.
Вып. IV: Сб. науч. тр. / Под ред. Ю.М. Гончарова, В.Н.
Шайдунова. СПб: Медианар, 2020. 294 с.* 212

Цыб С.В.

*Гончаров Ю.М. Историография, источники и методы
изучения городской семьи Западной Сибири второй половины
XIX – начала XX в.: Монография. Барнаул: Издательство
Алтайск. гос. ун-та, 2020. 168 с.* 217

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 221

ОТ РЕДАКТОРОВ

Данный выпуск продолжает издание серии сборников научных статей «**Современное историческое сибиреведение**».

Проблематика публикуемых статей, рецензий и другой научной информации имеет междисциплинарный характер и касается широкого круга проблем, связанных с историей Сибири: политических, экономических, социокультурных и др.

По сложившейся традиции, выпуски сборника посвящены годовщинам ведущих историков-сибиреведов Барнаульской исторической школы.

Первый выпуск сборника был посвящен 60-летию профессора Валерия Анатольевича Скубневского – главы Барнаульской научной школы исторического сибиреведения (Барнаул, 2005 г.), второй – 40-летию профессора Юрия Михайловича Гончарова (Барнаул, 2008 г.), третий – 65-летию В.А. Скубневского (Санкт-Петербург, 2010 г.), четвертый – 75-летию Валерия Анатольевича (Санкт-Петербург, 2020 г.).

В 2021 г. исполняется 45 лет доктору исторических наук **Владимиру Николаевичу Шайдурову**, – историку, сформировавшемуся в Барнауле, а в наши дни успешно работающему в Санкт-Петербурге.

Шайдуров Владимир Николаевич – доктор исторических наук, доцент – родился 15 апреля 1976 г. в г. Душанбе в семье служащих. В 1998 г. окончил с отличием исторический факультет Алтайского государственного университета (г. Барнаул) и поступил в аспирантуру к профессору В.А. Скубневскому, под научным руководством которого была написана и в 2001 г. успешно защищена в Алтайском государственном университете кандидатская диссертация по теме «Формирование и социально-экономическое развитие немецкой диаспоры на Алтае. Конец XIX – начало XX вв.»; в 2016 г., там же – докторскую диссертацию «Формирование и социально-экономическое развитие европейских общин в Западной Сибири в условиях общественных трансформаций XIX – начала XX в.».

Научная работа В.Н. Шайдурова связана с изучением этнических меньшинств. Результаты многолетних исследований отражены в более чем 150 публикациях, в том числе 4 монографиях. Научные изыскания под руководством В.Н. Шайдурова были поддержаны Советом по грантам при Президенте Российской Федерации, Российским фондом фундаментальных исследований, Фондом Генриха Бёлля (Германия),

Благотворительным фондам Genesis Philanthropy Group в рамках благотворительной программы CAF Россия «Еврейские сообщества» (США).

Педагогическая деятельность В.Н. Шайдурова началась в 2001 г. на кафедре отечественной истории Алтайского государственного университета. С 2006 г. Владимир Николаевич работает в Санкт-Петербурге. В настоящее время – руководитель научно-образовательного центра исторических исследований и анализа Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина.

Основной проблематикой пятого выпуска являются история национальных меньшинств и этноконфессиональных отношений в Сибири.

В сборнике представлены статьи ведущих ученых-сибиреведов России, Германии, Польши, посвященные историографии, проблемам экономического развития и управления региона, переселениям и ссылке в Сибирь, а также социокультурным аспектам этноконфессиональных взаимодействий в регионе. В заключительном разделе представлены рецензии на новейшие монографические исследования по историческому сибиреведению.

В.А. Скубневский, Ю.М. Гончаров

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Скубневский В.А.

Алтайский государственный университет (г. Барнаул)

В.Н. Шайдулов – исследователь истории западных национальных меньшинств в Сибири

***Аннотация.** В статье рассматривается вклад известного ученого, доктора исторических наук В.Н. Шайдулова в исследование национальных диаспор Сибири – еврейской, немецкой, польской. Отмечены главные его труды, написанные при подготовке кандидатской и докторской диссертаций, дан анализ источниковой основы работ, их новизны, итогов проведенных исследований.*

***Ключевые слова:** Сибирь, евреи, российские немцы, польская диаспора, В.Н. Шайдулов.*

Выпускник исторического факультета Алтайского государственного университета Владимир Николаевич Шайдулов уже в студенческие годы стал заниматься исследованием немецкой диаспоры на Алтае, позже эта тема стала предметом его кандидатской диссертации, защищенной в 2001 г. В 2003 г. он опубликовал монографию по данной теме [Шайдулов 2003] и значительное количество статей.

Позже круг исследований Шайдулова значительно расширился в хронологическом, территориальном и предметном отношении. Он включил в сферу научных интересов дополнительно ко второй половине XIX – началу XX в. и первую половину XIX в., территориально – всю Западную Сибирь, а в отдельных работах и Восточную Сибирь, а помимо немецкой диаспоры стал заниматься также еврейской и польской диаспорами. Итогом этой работы стала монография «Евреи, немцы, поляки в Западной Сибири XIX – начала XX в.» [Шайдулов 2013] и докторская диссертация, успешно защищенная в 2016 г. [Шайдулов 2016].

Итак, на начальном этапе В.Н. Шайдулов исследовал немецкую диаспору Алтая конца XIX – начала XX в. Выбор темы был оправдан тем, что именно в Алтайском округе Томской губернии сформировалась

наиболее значительная немецкая диаспора не только в Сибири, но и в целом в Азиатской России. В 1914 г. – 43 тыс. чел. из 84,5 тыс. общей численности немецких колонистов в Азиатской России [Шайдуrow 2003, 119], а также недостаточная изученность данной темы. Объектом исследования автора стала «немецкая сельская диаспора Алтая» [Шайдуrow 2003,3].

От предшествующих работ, в основном краеведческого характера, по истории немцев дореволюционного Алтая, работы В.Н. Шайдуrowа, прежде всего его монография по данной теме, отличаются грамотной постановкой и решением ключевых вопросов темы и репрезентативной источниковой базой, в которую вошли законодательные акты, статистические материалы, в том числе переписи населения 1897, 1916 и 1917 гг., земская статистика, делопроизводственная документация, мемуары, периодика, материалы этнографических экспедиций 1997 и 1998 гг., в которых непосредственное участие принимал и сам В.Н. Шайдуrow. Широко привлекались и архивные документы, особенно результативно документы Государственного архива Алтайского края, многие из которых вводились в научный оборот впервые. Особенно необходимо отметить использование первичных материалов Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. и Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. Материалы переписи 1917 г. редко используются исследователями, да во многих региональных архивах они и не отложились в отличие от Государственного архива Алтайского края в Барнауле.

В.Н. Шайдуrow пришел к выводу, что юридически правовой статус немецких колонистов в России был оформлен во второй половине XVIII– начале XIX в. Это новое правовое образование по всем своим критериям может быть рассмотрено как сельское сословие [Шайдуrow 2003, 108]. Автор рассмотрел причины и масштабы миграции немцев Поволжья и других регионов Европейской России за Урал, в том числе на Алтай, этапы этих переселений, семейный и имущественный состав переселенцев. Одно из ключевых мест в данной монографии (и диссертации) занял вопрос о хозяйственной деятельности немецких колонистов, включая землепользование, земледелие, животноводство, промыслы, а также расслоение крестьянства и др. Проведены интересные сопоставления социально-экономического положения немецких переселенцев различных исповеданий - меннонитов, католиков, лютеран и представителей других национальных групп - русских, украинцев, эстонцев.

Очень интересны данные об участии немецких колонистов в развитии маслоделия в начале XX в., которое стало одним из главных

направлений местной экономики и строительстве мукомольных мельниц, некоторые из которых находились на фабричном уровне, например, паровая мельница А. Цярста в Гальбштадте, Г. Винса в Гришковке и др.

В итоге автор пришел к выводу, что немецкая колония на Алтае шла «по пути формирования капиталистического фермерства американского образца» [Шайдунов 2003, 112]. И после защиты кандидатской диссертации автор продолжил заниматься историей немецкой диаспоры Западной Сибири [Шайдунов 2005, 181–191].

Одновременно исследователь обратился к исследованию еврейской и польской диаспор Западной Сибири XIX– начала XX в. Результаты данной работы нашли отражение в монографии, опубликованной в Петербурге в 2013 г. [Шайдунов 2013, 260]. Более полно в данной работе нашло отражение истории еврейской (глава 2) и немецкой (глава 3) диаспор и более сжато польской (глава 4). Значимость и новизна исследования в том, что осуществлено сопоставление трех западных (условно) диаспор Западной Сибири в правовом, демографическом, социально-экономическом отношениях. Самостоятельную ценность представляют приложения, в которых опубликованы выдержки из документов Российского государственного исторического архива, Государственного архива Российской Федерации, томских газет.

Источники формирования еврейской, немецкой и польской диаспор Сибири могли совпадать только отчасти, и были неодинаковыми в различные хронологические периоды. Вопросы численности, размещения и хозяйственной деятельности евреев, немцев и поляков в Западной Сибири нашли отражение в ряде статей, в том числе с использованием результатов переписи населения 1897 г. [Шайдунов 2005, 105–116]. В первой половине XIX в. преобладало принудительное переселение за Урал евреев и поляков. В целом в XIX в. наиболее значительные перемещения поляков в Сибирь были связаны с репрессиями после подавления восстаний 1830–1831 и 1863–1864 гг. В пореформенный период происходит смещение в сторону добровольных переселений, это относится прежде всего к переселению немцев и евреев. Перелом произошел на рубеже XIX–XX вв., когда на первый план выходит трудовая миграция. Особый период пришелся на годы Первой мировой войны, когда в регион стали прибывать беженцы и военнопленные.

Рассматривая особенности экономической деятельности представителей трех диаспор в Сибири В.Н. Шайдунов пришел к выводам, что «Экономическая отсталость Сибири в XIX в. позволила

общинам укорениться в различных видах хозяйственной деятельности. При этом они смогли сделать "своими" те неразвитые или слабо освоенные ниши, которые близки были им по духу и историческому развитию. Так, евреи, опираясь на меркурианский дух, стали играть важную роль в региональной торговле. Протестантский дух способствовал складыванию немецкого аграрного капитализма, выстроенного в фермерском ключе. Поляки же, используя изначально более высокое сословное положение, оказались в административной, военной сферах. Используя административный ресурс, они создали феномен польского предпринимательства, распространенного преимущественно в промышленной сфере» [Шайдуrow 2013, 194].

В своей исследовательской деятельности Владимир Николаевич не ограничился изучением трех национальных диаспор, в последние годы его внимание обращено и на другие национальные группы населения Сибири, например, украинскую общину [Шайдуrow 2020, 135–146]. Отметим также впечатляющую географию городов и стран, где были изданы труды Шайдуrowа, в числе российских городов – Санкт-Петербург, Москва, Барнаул, Белгород, Кемерово, Новосибирск, Саратов, Томск, Тюмень, Сочи, в числе стран – Германия, Болгария, Польша, Казахстан и др.

Литература

Шайдуrow В.Н. Формирование и социально-экономическое развитие немецкой диаспоры на Алтае: конец XIX – начало XX вв. Барнаул, 2003. 144 с.

Шайдуrow В.Н. Российские немцы на Алтае: конец XIX – начало XX в. // История Алтайского края XVIII–XX вв.: Научные и документальные материалы / Ред.: Т.К. Щеглова, А.В. Контев. Барнаул, 2005. С. 181–191.

Шайдуrow В.Н. Европейские диаспоры в Западной Сибири: численность, размещение и хозяйственные занятия (по материалам Первой всеобщей переписи населения 1897 г.) // Современное историческое сибиреведение XVII– начала XX в. / Под ред. Ю.М. Гончарова. Барнаул, 2005. С. 105–116.

Шайдуrow В.Н. Евреи, немцы, поляки в Западной Сибири XIX – начала в. СПб., 2013. 260 с.

Шайдуrow В.Н. Формирование и социально-экономическое развитие европейских общин в Западной Сибири в условиях общественных трансформаций XIX – начала XX в. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. д-ра ист. наук. Барнаул, 2016. 53 с.

Шайдуrow В.Н. К вопросу об особенностях формирования и

адаптации украинской общины в Западной Сибири во второй половине XIX - начале XX в. // Современное историческое сибиреведение XVIII–начала XX в. Вып. IV. / Под ред. Ю.М. Гончарова, В.Н. Шайдурова. СПб., 2020. С. 135–146.

V.A. Skubnevsky
Altay State University

V.N. Shaidurov –Researcher of the History of Western National Minorities in Siberia

***Abstract.** The article discusses the contribution of the famous scientist, Doctor of Historical Sciences V.N. Shaidurov in the study of the national diasporas of Siberia - Jewish, German, Polish. The main works of his, written in the preparation of candidate and doctoral dissertations, are noted, the analysis of the source basis of the works, their novelty, the results of the research is given.*

***Keywords:** Siberia, Jewish, German, Polish diaspora, V.N. Shaidurov.*

ИСТОРИОГРАФИЯ

Климова О.Г.

*Алтайский государственный технический
университет им. И.И. Ползунова*

Историография истории еврейского предпринимательства в Сибири второй половины XIX – начала XX в.

***Аннотация.** Современная отечественная историография отличается активным изучением региональной истории евреев. Учеными выявлены признаки, направления еврейского предпринимательства. Сюжетом настоящей статьи является историография по истории предпринимательства евреев в сибирском регионе, которая недостаточно рассмотрена как самостоятельный объект исследования. Анализ трудов исследователей позволяет сформулировать выводы о положительном влиянии еврейского предпринимательства на социально-экономическое развитие Сибири в период, предшествующий Октябрьской революции 1917 г.*

***Ключевые слова:** историография, предпринимательство, экономическая деятельность, адаптация, евреи, XIX век, Сибирь.*

Наше государство имеет многовековой опыт мирного сосуществования разных этнических групп населения, который в настоящее время особенно важен. Для многонационального сибирского региона характер межэтнических отношений играет особенно важную роль, поэтому в современных исследованиях эти сюжеты привлекают внимание. Исследование национального предпринимательства в дореволюционной Сибири способствует более глубокому пониманию и изучению формирования и развития хозяйственных, социально-экономических и общественно-политических процессов в Сибири и государстве. Омский историк И.И. Крот отмечает: «Этнические и/или конфессиональные общности, специализирующиеся в рыночных профессиях и сферах занятости – предпринимательские меньшинства, – существовали и существуют во все времена и в самых разных регионах» [Кротт 2014, 95].

Целью настоящей статьи является характеристика исторической литературы, посвященной евреям-предпринимателям дореволюционной Сибири. Какое место занимала и занимает тема «еврейского предпринимательства» в научных исследованиях, какие формы и виды еврейского предпринимательства выделяют историки.

Интерес к истории еврейского населения в России сложился давно, уже в конце XIX в., что было обусловлено значимыми изменениями, происходящими в 60–70-е гг. столетия. Отношение общественности к «еврейскому вопросу» меняется, он приобретает важность в государственной национальной политике, что можно проследить по публикациям. Следует отметить, что во второй половине XIX в. выходили еврейские издания, такие, например, как «Восход», «Сион», «Вестник русских евреев» и др., в которых прослеживалась идея о положительном влиянии евреев на другие этнические группы. Именно в этих изданиях встречаются первые упоминания о евреях сибирского региона [Гудович 1871; № 1871].

Еще в 1875 г. В.И. Межовым была проделана огромная работа по систематизации изданных материалов, результатом которой стало издание «Библиография еврейского вопроса в России с 1855 по 1875 год» [Межов 1875]. Анализ библиографического указателя В.И. Межова позволяет сделать вывод о том, что большая часть работ, опубликованных в рассматриваемый период, были написаны на материалах губерний, были изданы в региональных или столичных печатных изданиях, в них освещались статистические, экономические, социальные стороны жизни евреев в России.

В.Н. Шайдуров предлагает группировать публикации второй половины XIX – начала XX в. о евреях на следующие группы и виды: «могут классифицироваться по стилю: публицистические, научно-популярные, научные», «могут быть подвергнуты группировке по сфере деятельности их авторов: общественные, политические деятели, ученые и пр.», «блок материалов, представленных на страницах периодической печати: газет (общероссийских, региональных, местных) и „толстых” журналов» [Шайдуров 2013, 29].

В дореволюционный период публицисты и историки лишь затрагивали тему предпринимательства в контексте изучения «еврейского вопроса». В основном работы исследователей были направлены на сбор исторических документов о всех сторонах жизни евреев, много внимания уделялось теме переселения [Никитин 1887; Дубнов 1891; Бершадский 1896], правовому положению евреев в России [Слиозберг 1907], еврейским земледельческим колониям (в основном речь шла о сельских поселениях Юга России). Заслуживают внимания

монографии Ю.И. Гессена, на которые часто ссылаются современные авторы [Гессен 1906; Гессен 1914]. В работах Ю.И. Гессен рассматривает все стороны жизни евреев на протяжении длительного времени: общественную, правовую, хозяйственную. Так, В.Н. Шайдуров отзывается о монографии 1914 г.: «стала последним крупным событием в еврейской дореволюционной историографии» [Шайдуров 2013, 37].

В начале XX в. появились работы, посвященные сибирским евреям [Белковский 1905; Островский 1911; Войтинский, Горнштейн 1915], но в них также не была предметом специального изучения предпринимательская деятельность.

До революции, как и в советское время, специальных исследований о еврейском предпринимательстве в Сибири не было. Труды исследователей посвящались эволюции и итогам переселенческого процесса, роли железной дороги в развитии хозяйств Сибири. В изданиях рассматривалось в целом ведение хозяйства, занятие торговлей деловыми людьми, иногда отмечалось участие евреев в общественной и социально-экономической жизни общества.

В советский период проблемы предпринимательской деятельности в целом и евреев, в частности, не исследовались. Тема предпринимательства не являлась актуальной, а соответственно, все внимание исследователей уделялось истории крестьянства и рабочего класса. Так, О.С. Ульянова отмечает, что «к концу 1920-х гг. резко сократилось количество публикаций по истории евреев» [Ульянова 2010, 8]. В.Н. Шайдуров указывает, что «иудаика как одно из научных направлений в Советской России отсутствовала» [Шайдуров 2013, 43]. Очевидно, что это было связано с излишней идеологизацией, характерной для советского государства, научных и других произведений. Кроме того, в 1925 г. было закрыто Еврейское историко-этнографическое общество и Петербургский Еврейский университет.

Отдельные работы исследователей изучали еврейское предпринимательство исключительно через более широкую тему иностранного капитала и его значение в государственной экономике. Таким образом, некоторые вопросы хозяйственной деятельности сибиряков, рассматривались. Так, например, Г.Х. Рабинович [Рабинович 1975], С.Ф. Хроленок [Хроленок 1990] затрагивали экономическую деятельность евреев. Г.Х. Рабинович обращает внимание на то, что еврейская торговля была новой и непривычной для русских сибиряков, т.к. разрушала сложившиеся десятилетиями в Сибири традиции монополии феодального типа, степенность, дороговизну доставки товара [Рабинович 1975, 221].

В.Н. Шайдуров указывает, что «отсутствие работ по истории евреев дореволюционной России в СССР компенсировалось исследованиями за рубежом», отмечая монографии английских и американских историков: «The origins of the jewish minority problem in Russia, 1772–1812», «The origins of the „jewish question“ in Russia, 1772–1825» (автор Д. Клиер), «За чертой: евреи встречаются с позднимперской Россией» (автор Б. Натанса) [Шайдуров 2013, 44].

Парадигмальный подход к изучению истории предпринимательства сибирских евреев пришел лишь в 90-е гг. XX в., что объясняется отсутствием работ по данной проблеме, и как следствие, объективной перспективы ее дальнейшего исследования. Следует отметить, что в новейшее время для профессионального сообщества исследователей появились новые методологические предпосылки, были сняты идеологические ограничения в использовании разносторонних по своему происхождению источников. Накопившиеся публикации постсоветского периода дают возможность приступить к историографическому анализу, а также определить пустоты и различные позиции в изучении предпринимательской деятельности сибирских евреев дореволюционной России.

Необходимо отметить издательскую деятельность единственного в своем роде журнала «Диаспоры» благодаря инициативе профессора В.И. Дятлова. Сферой научных интересов профессора долгое время являлось сравнительное изучение диаспор и «торговых меньшинств» [Дятлов 1996; Дятлов 1999]. Бесспорно, значимы заслуги Я.М. Кофмана в изучении еврейской тематики, который «дал проблеме общественный интерес, периодичность, широкую географию, массовость» [Курас 2013]. Л.В. Курас, рассматривая вклад профессора Я.М. Кофмана в развитие сибирской иудаики в начале XXI в. пишет, что «при всем многообразии российской (сибирской) еврейской жизни и ее многовековой истории понятие „сибирская еврейская историография“ появилось лишь в последнее 10–15 лет и связано оно с организационно-научной деятельностью профессора Якова Михайловича Кофмана» [Курас 2013, 53].

С распадом СССР у ученых появилась возможность разрабатывать еврейскую тематику, и достижением современной сибирской историографии следует считать не только подробное исследование еврейской диаспоры, но и выделение отдельных проблематик этой большой темы. Активно стало развиваться и направление – история еврейского предпринимательства. Авторы рассматривают этнические особенности еврейских предпринимателей в разных сферах деятельности в регионе в дореволюционный период, отмечают

национальные традиции и правовое положение этноса, которые влияли на объемы, темпы роста, географию продукции и т.д.

Как особый жанр историографии следует выделить работы, посвященные персоналиям предпринимателям-евреям, в которых даны не только их биографические данные, но и оценено их вложение в развитие сибирских городов, сельских поселений, их культурное влияние на деловые отношения в дореволюционной Сибири. Усилиями сибирских историков В.Н. Шайдурова, Ю.М. Гончарова, В.А. Скубневского, Л.В. Кальминой, О.С. Ульяновой, В.Ю. Рабинович и др. научное освещение получила деятельность известных еврейских предпринимателей.

В последнее время в историографии появляются все новые сюжеты о предпринимателях евреях. Примером служит публикация К.А. Тишкиной об участии евреев-предпринимателей в оказании помощи беженцам-евреям в годы Первой мировой войны [Тишкина 2021]. Автор рассматривает деятельность отдельных предпринимателей Томской губернии, которые выделяли места для проживания в своих домах, трудоустраивали на предприятиях.

Вопросы предпринимательства евреев Восточной Сибири рассматривались в работах С.Л. Курас [Курас 2004], Н.А. Ореховой, Я.М. Кофман [Орехова, Кофман 2009], Л.В. Кальминой [Кальмина 1999; Кальмина 2006; 2012; 2016] и др.

Н.А. Орехова и Я.М. Кофман рассматривая хозяйственную внутриобщинную деятельность, сферу занятости евреев, их материальный уровень и вклад в развитие экономики Енисейской губернии, отмечают, что евреям важно было найти свободные экономические ниши в сложившемся местном укладе, и в этом отношении такой свободной нишей для евреев стали торговля и ремесла. Начав свою хозяйственную деятельность с мелкой торговли, евреи в конце XIX – начале XX в. стали создавать крупные торговые предприятия. Торговые и промышленные капиталы евреев Енисейской губернии формировались за счет участия в виноторговле и разработке золотых приисков. По мнению историков, в 60–70-е гг. XIX в. наблюдается тенденция слияния русского и еврейского капитала в этих отраслях [Орехова, Кофман 2009].

Л.В. Кальмина – автор многих публикаций, посвященных различным аспектам социально-экономического и правового положения евреев Восточной Сибири. По мнению этого известного исследователя, на рубеже XIX–XX вв. именно еврейская экономика формировала забайкальское экономическое пространство: еврейские предприниматели стремительным развитием сети своих торговых

предприятий фактически организовывали торговую инфраструктуру забайкальских городов; еврейские купцы составляли квалифицированное большинство среди представителей крупного капитала; будучи первооткрывателями многих отраслей промышленного производства, во втором десятилетии XX в. они прочно «держали» экономику забайкальских городов, концентрируя в своих руках до 80% городского производства; с именами наиболее видных еврейских предпринимателей связаны и первые опыты модернизации ряда отраслей (в частности, золотодобычи, типографского дела), и международное признание выпущенной на их предприятиях продукции. Л.В. Кальмина в своих работах достаточно убедительно показала: политика самодержавия по отношению к не сибирским народам носила более либеральный характер, чем в европейской части России; ссыльные евреи являлись ценной составляющей экономической колонизации; евреи Сибири, как и другие переселенцы, стремились найти свою экономическую нишу, деятельность в которой не противоречила бы действовавшему законодательству. Так, историк пишет: «Сибирское еврейское купечество – явление особое. Рожденное из „пораженного в правах“ населения, оно за несколько десятилетий заняло прочные позиции и в сибирской экономике, и в сибирском обществе» [Кальмина 2016, 21].

Многие публикации другого исследователя В.Ю. Рабиновича также посвящены еврейской теме [Рабинович 2001; Рабинович 2002; Рабинович 2010]. Рассматривая общину Иркутска, исследователь характеризует предпринимательскую активность евреев, выявляя отличия и особенности, отмечая, что «Сферой специализации сибирских евреев стала торговля во всех ее видах и проявлениях, посредничество, некоторые виды ремесел, свободные профессии. Число евреев, занятых в промышленности и торговле, много превышало их долю в обществе». По данным переписи 1897 г., в отраслях рыночной инфраструктуры (общая служба, свободные профессии, ремесленное и кустарное производство, обозначенное в переписи как промышленность, торговля) было занято почти 85% иркутских евреев [Рабинович 2010, 202].

И.В. Нам, рассматривая процесс адаптации этнических мигрантов конца XIX – начала XX в. и делая ценные выводы о том, что происходила институционализация этничности– на смену конфессиональной общине пришла этническая, указывает, «Обладая большим опытом торгового посредничества, евреи сумели закрепиться на торговом рынке Сибири. Другой сферой их деятельности стала золотодобыча, преимущественно мелкая, золотничная. Немало евреев

сколотили в Сибири значительный капитал, заняли ведущие позиции в ряде отраслей экономики, особенно в Восточной Сибири, и были допущены в общество, несмотря на ограниченность в правах» [Нам 2014, 37].

Изучению истории предпринимательства евреев Западной Сибири посвящены работы Ю.М. Гончарова, В.А. Скубневского, В.Н. Шайдурова, Н.Б. Галашовой, К.А. Тишкиной, О.С. Ульяновой, Е.В. Карих и др.

В ряде работ известный барнаульский ученый Ю.М. Гончаров уделяет внимание торговой и иной предпринимательской деятельности евреев [Гончаров 2000; Гончаров 2005; Гончаров 2009; Гончаров 2010; Гончаров 2013; Гончаров 2020]. Автор в публикациях представляет свое видение экономической специализации и хозяйственной деятельности сибирских евреев и выделяет особенности: «евреи быстро осваивали прежде всего не престижные для основного населения отрасли. В Сибири такими отраслями была виноторговля и, конечно же, ростовщичество» [Гончаров 2013, 75]; «большинство евреев предпочитали перебираться в города и зарабатывать городскими профессиями» [Гончаров 2009, 53]; «для еврейского купечества также было характерно новаторство в торговле и промышленности. Стремясь найти свободную нишу, они часто осваивали новые сферы предпринимательства в регионе» [Гончаров 2009, 64].

Особое внимание хозяйственной деятельности евреев уделено в монографии Н.Б. Галашовой [Галашова 2006]. Так, автором выделены отдельные виды предпринимательства евреев, например, маслоделие, фотография. Сделаны выводы о том, что существование в инациональной среде заставляло интегрироваться в социум и, прежде всего, в экономику региона, а выполняя важные посреднические функции, евреи всегда были нацелены на удовлетворение социального заказа. В хозяйственной деятельности евреи проявили себя как типичное предпринимательское меньшинство, занимавшее строго определенную законодательством свободную нишу. Историк отмечает, «Экономической нишей евреев Сибири являлось ремесло, торговля (мелочная, галантерейная, колониальная, бакалейная и др.) и ростовщичество» [Галашова 2006, 95]. Рассматривая монографию Н.Б. Галашовой, следует согласиться с В.Н. Шайдуровым в том, что «в середине 2000-х гг. была заложена традиция изучения еврейских общин в границах конкретной губернии. Работа Галашовой стала „первой ласточкой“» [Шайдуров 2013, 50].

Многочисленные публикации В.Н. Шайдурова посвящены истории еврейской, польской, немецкой, украинской и других диаспор в Сибири

второй половины XIX – начала XX в. Автором рассмотрены гражданско-правовое положение переселенцев, социальные, экономические аспекты [Шайдуров 2005; Шайдуров 2007; Шайдуров 2013; Шайдуров 2014; Шайдуров 2020]. В монографии «Евреи, немцы, поляки в Западной Сибири XIX – начала XX в.» автором дан историографический обзор работ по истории еврейской диаспоры [Шайдуров 2013, 8–28]. Вопросы хозяйственной деятельности евреев города Томска рассмотрены в монографии О.С. Ульяновой, им посвящена вторая глава исследования [Ульянова 2010, 81–159]. Делая выводы, автор отмечает, «умение приспосабливаться в любых принимающих обществах, высокая степень адаптации, наличие соответствующего профессионального опыта, умение рисковать, готовность довольствоваться малым доходом, способность быстро оценивать изменения в политическом курсе и быть готовыми к ним, терпимость местного населения выдвинули евреев на первый план во многих отраслях хозяйственной жизни» [Ульянова 2010, 159]. В монографии Е.В. Карих рассмотрены межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе ее хозяйственного освоения в XIX – начале XXв. Примечательно, что уделено внимание разным этническим группам населения, их особенностям и взаимодействию в различных хозяйственно-климатических зонах Западно-Сибирского региона [Карих 2004].

То есть, еврейские предприниматели в результате своей хозяйственной деятельности стали ингерентной частью сибирского общества. Евреи занимали те экономические ниши, которые являлись характерными для этнических меньшинств, занимающихся коммерцией, а направления рыночной инфраструктуры соответствующими: услуги, ростовщичество, производство, торговля. Счастливым образом объединились в единое целое возможность обогащения, слабое соперничество за рынок с другими этническими группами, способность пользы для общества.

Подводя итог, нельзя не отметить издание библиографических указателей литературы, подчеркивающее стремительное развитие «еврейской темы» [Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке ... 2001; Евреи Сибири и Дальнего Востока ... 2004].

Таким образом, можно наблюдать исследовательский интерес к экономическому развитию региона в пореформенный период и его влияние на «этническую историю». Анализ трудов исследователей позволяет сформулировать вывод о положительном влиянии еврейского предпринимательства на социально-экономическое развитие Сибири в период, предшествующий Октябрьской революции.

Благодаря активной работе историков, многие стороны хозяйственной деятельности предпринимателей-евреев были изучены.

Все вышесказанное обуславливает необходимость дальнейшего углубленного изучения истории еврейского предпринимательства второй половины XIX – начала XX в., а также направлений деятельности в различных сферах экономики, влияние на социально-культурные отношения в Сибири.

Литература

Белковский Г.А. Русское законодательство о евреях в Сибири. СПб.: Центр.типо-лит. М.Я. Минкова, 1905. 160 с.

Библиографии еврейского вопроса в России с 1855 по 1875 год / Сост. В.И. Межов. СПб.: тип.и лит. А.Е. Ландау, 1875. 77 с.

Войтинский В., Горнштейн А. Евреи в Иркутске. Иркутск: Изд. Хозяйственного Правления Иркутского Еврейского Молитвенного Дома и Иркутского Отдела Общественного Распространения Просвещения между евреями России, 1915. 390 с.

Галашова Н.Б. Евреи в Томской губернии во второй половине XIX – начале XX в. Красноярск: Красноярский писатель, 2006. 242 с.

Гессен Ю.И. Евреи в России. Очерки общественной, правовой и экономической жизни русских евреев. СПб.: Типо-литогр. А.Г. Розена, 1906. 471 с.

Гессен Ю.И. История евреев в России. СПб.: Юрид. кн. скл. «Право», 1914. IV, 346, VII с.

Гончаров Ю.М. Еврейское купечество Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Диаспоры. 2000. № 3. С. 155–172.

Гончаров Ю.М. Очерки истории еврейских общин Западной Сибири (XIX – начало XX в.). Барнаул: Азбука, 2005. 108 с.

Гончаров Ю.М. Экономическая специализация евреев Западной Сибири в XIX – начале XX в. // «Свои» и «чужие»: национально-культурные аспекты сибирского предпринимательства (XIX– начало XX века): межвузовский сборник научных статей. Вып. 9. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2009. С. 51–68.

Гончаров Ю.М. «Сибирский Иерусалим»: еврейская община г. Каинска в XIX – начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. История, политология. 2010. № 4/3. С. 54–57.

Гончаров Ю.М. Еврейские общины Западной Сибири (XIX – начало XX в.). Барнаул: Азбука, 2013. 174 с.

Гончаров Ю.М. Еврейская диаспора в Сибири XIX – начала XX в.: специфика формирования и процессы адаптации // Современное

историческое сибиреведение XVIII – начала XX в.: сборник научных трудов. СПб.: Медианапир, 2020. С. 126–134.

Гудович. Быт евреев в Сибири (Из заметок еврейского старожила) // Вестник русских евреев. СПб., 1871. № 29–30.

Дубнов С. Об изучении истории русских евреев и об учреждении русско-еврейского исторического общества. М.: Книга по требованию. 95 с.

Дятлов В.И. Евреи: диаспора и «торговый народ» // Сибирский еврейский сборник. Иркутск: Арком, 1996. № 2. С. 6–14.

Дятлов В.И. Диаспора: попытка определиться в понятиях // Диаспоры. 1999. №1. С. 8–24.

Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: Библиогр. указ. отеч. лит. / сост. Л.В. Кальмина, Л.В. Курас. Красноярск: Кларетианум, 2001. 58 с.

Евреи Сибири и Дальнего Востока: библиогр. указ. лит. на рус. яз. / сост. Л.В. Кальмина, Л.В. Курас, Т.А. Немчинова. Красноярск: Кларетианум, 2004. 157 с.

Кальмина Л.В., Курас Л.В. Еврейская община в Западном Забайкалье (60-е годы XIX века – февраль 1917 года). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ, 1999. 172 с.

Кальмина Л.В. Этническое насилие в начале XX века как результат экономической модернизации пореформенного периода // Байкальский регион в переломные периоды истории (XIX–XXI вв.): Материалы Всерос. научн. конф. (г. Улан-Удэ, 27–28 апреля 2006 г.). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. С. 83–91.

Кальмина Л.В. Евреи в дореволюционном Иркутске: отблеск губернского лоска // Известия Иркутского государственного университета. История. 2012. № 1 (2). С. 118–126.

Кальмина Л.В. Еврейское купечество Забайкалья в конце XIX – начале XX в.: элита сословия // Сибирские исторические исследования. 2016. № 2. С. 21–40.

Карих Е.В. Межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе ее хозяйственного освоения. XIX – начало XX в. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2004. 232 с.

Крот И.И. «Чужаки» в условиях иноэтничной среды: предпринимательство сибирского переселенческого сообщества второй половины XIX – начала XX века // Историческая психология и социология истории, 2014. № 2. С. 93–108.

Курас Л.В. Профессор Я.М. Кофман и современная сибирская иудаика, или Прерванная песня // Известия Иркутского государственного университета. История. 2013. № 2 (5). С. 53–68.

Курас С.Л. Расселение и хозяйственная деятельность ссыльных евреев в Иркутской губернии (конец XIX века) // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: история и современность: материалы V регион. науч.-практ. конф. Красноярск: Кларетианум, 2004. С. 26–29.

Нам И.В. Институционализация этничности в сибирском переселенческом обществе (конец XIX – начало XX в.) // Известия Иркутского государственного университета. 2014. Т. 10. С. 34–49.

Никитин В.Н. Удивительное беспристрастие («История русского законодательства о евреях». Сочинение князя Н.Н. Голицына. Санкт-Петербург, 1886 г.). СПб.: Типо-литогр. А.Е. Ландау, 1887. 18 с.

Орехова Н.А., Кофман Я.М. Еврейские общины на территории Енисейской губернии (XIX – начало 30-х гг. XX в.). Красноярск: Красноярский писатель, 2009. 324 с.

Островский Ю. Сибирские евреи. Санкт-Петербург: тип. И. Лурье и К^о, 1911. 62 с.

Рабинович В.Ю. О «чужести» сибирских евреев (последняя треть XIX – начало XX вв.) // История еврейских общин Сибири и Дальнего Востока: материалы II регион. науч.-практ. конф. (Красноярск; Иркутск, 25–27 августа 2001 г.). Красноярск: Кларетианум, 2001. С. 22–25.

Рабинович В.Ю. Евреи дореволюционного Иркутска: меняющееся меньшинство в меняющемся обществе. Красноярск: Кларетианум, 2002. 240 с.

Рабинович В.Ю. Евреи и поляки в дореволюционном Иркутске: «переселенцы» в переселенческом обществе // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 4–1. С. 201–206.

Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX – начала XX века. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1975. 328 с.

Слиозберг Г.Б. Законы о евреях и практика их применения. СПб.: Электропеч. Я. Левенштейн, 1907. 55 с

Тишкина К.А. Участие евреев-предпринимателей в оказании помощи беженцам-евреям в годы Первой мировой войны // Сибирское купечество: истоки, деятельность, наследие: материалы Четвертой Всероссийской научной конференции (г. Томск, 17 октября 2020 г.). Томск: Изд-во ТГАСУ, 2021. С. 122–126.

Ульянова О.С. Еврейское население в экономической социокультурной и общественно-политической жизни города Томска (вторая половина XIX – 20-е гг. XX столетия). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. 246 с.

Хроленок С.Ф. Золотопромышленность Сибири (1832–1917): историко-экономический очерк. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1990. 307 с.

Шайдуrow В.Н. Еврейская община Западной Сибири по материалам Всеобщей переписи населения 1897 г. // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: история и современность: материалы 6-й регион. науч.-практ. конф. Красноярск; Барнаул, 2005.

Шайдуrow В.Н. О некоторых особенностях формирования и экономического развития еврейской общины Западной Сибири во второй половине XIX в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2007. Вып. 4. С. 77–83.

Шайдуrow В.Н. Евреи, немцы, поляки в Западной Сибири XIX – начала XX в. СПб.: Изд-во Невского ин-та языка и культуры, 2013. 260 с.

Шайдуrow В.Н. Евреи и их место в хозяйственной жизни Западной Сибири во второй половине XIX в. // Новый исторический вестник. 2014. № 1 (39). С. 21–35.

Шайдуrow В.Н. К вопросу об особенностях формирования и адаптации украинской общины в Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Современное историческое сибиреведение XVIII – начала XX в.: сборник научных трудов. СПб.: Медиапапир, 2020. С. 135–146.

Н. Из Сибири // Вестник русских евреев // СПб., 1871. № 16.

O.G Klimova

Polzunov Altai State Technical University

Historiography of the History of Jewish Entrepreneurship in Siberia in the Second Half of the 19th- Early of the 20th Centuries

***Abstract.** Contemporary Russian historiography is distinguished by an active study of the regional history of the Jews. Scientists have identified the signs and directions of Jewish entrepreneurship. The subject of this article is a historiography on the history of Jewish entrepreneurship in the Siberian region, which has not been sufficiently considered as an independent object of research. An analysis of the works of researchers makes it possible to formulate conclusions about the positive impact of Jewish entrepreneurship on the socio-economic development of Siberia in the period preceding the October Revolution of 1917.*

Keywords: *historiography, entrepreneurship, economic activity, adaptation, Jews, XIX century, Siberia.*

Блинов А.В.

Кемеровский государственный университет (г. Кемерово)

Формирование этноконфессионального сегмента образовательного пространства Западно-Сибирского учебного округа в освещении постсоветских отечественных исследований

Аннотация. В статье представлены результаты анализа освещения в постсоветских отечественных исследованиях проблемы становления и развития этноконфессиональной школы в образовательном пространстве Западно-Сибирского учебного округа. Отмечается как неравномерный охват видового разнообразия этноконфессиональной школы и степени разработанности сюжетов, связанных с ее развитием, так и отсутствие обобщающих работ.

Ключевые слова: *историография, историографический источник, национальная диаспора, национальная школа, Западно-Сибирский учебный округ.*

Современный российский исследовательский контекст свидетельствует об актуальности поиска механизмов укрепления межэтнического единства и взаимодействия [Леонтьева 2012; Воронцов, Понеделков, Шарков 2018]. Учитывая мнение о том, что на характер этнополитического пространства и текущего этнополитического времени влияет прошлое [Савинов 2008, 209], а в этноконфессиональной консолидации социума и социокультурной адаптации в интегрирующемся сообществе значительная роль отводится образовательному фактору [Бондаренко, Деминцева, Кавыкин, Следневский, Халтурина 2007, 159], необходимо обращение к отечественному опыту, в том числе к результатам научной рефлексии на уровне обобщения имеющихся результатов.

Анализ формирования этноконфессионального образа Западной Сибири второй половины XIX – начала XX в. под влиянием миграционных процессов отражен в ряде исследований, о чем свидетельствуют историографические экскурсы как по отдельным

диаспорам: белорусской и украинской [Батута 2008, 4–10; Комлева 2014], еврейской [Макарчук, Генина, Гончаров 2020], немецкой [Смирнова 2008; Смирнова 2009, 4–9], польской [Островский 2014, 5–13; Скубневский, Гончаров 2021], прибалтийской [Лоткин 2003, 10–23; Лоткин 2005; Коровушкин 2009a], так и комплексного характера [Коровушкин, Лоткин, Смирнова 2001; Коровушкин 2009b, 5–6; Шайдуров 2013, 9–64; Шайдуров, Сидненко 2019].

Историографические результаты исследований автохтонного сегмента этнополитической карты Западной Сибири, ставшего объектом имперских инкорпоративных мер, отражены в работах С.А. Абселемова, Ю.А. Лысенко, М.В. Стуровой, Д.Б. Тебаева, М.К. Чуркина и др. [Тебаев 2009; Традиционное казахское общество 2014, 4–28; Чуркин 2016; Абселемов 2019; Абселемов 2020].

Обобщение научного наследия о роли образовательного фактора в процессе адаптации, консолидации и сохранения идентичности многоконфессионального и многонационального общества Западной Сибири не стало предметом самостоятельного исследования. Но именно школа, как отмечает Д.В. Полежаев, «отражает многосторонние традиции при сохранении ядра, содержащего устойчивое, главное отличие одного этноса от другого» [Полежаев 2009, 15].

Целью предлагаемого исследования является системный анализ научных разработок по проблеме формирования этноконфессионального сегмента в образовательном пространстве Западно-Сибирского учебного округа (далее – ЗСУО) как регионального административно-территориального представительства Министерства народного просвещения (далее – МНП) во время его существования (1885–1917 гг.).

Применительно к проблеме исследования анализ историографических источников позволяет выделить ряд взаимосвязанных аспектов.

Опыт анализа уровня развития национальных школ и этнической идентичности этноконфессиональных образований региона нашел отражение в исследованиях О.В. Блиновой «Этноконфессиональные школы Западной Сибири на рубеже XIX–XX вв.: положение и роль учителей и особенности развития», затронувшей особенности немецкой, еврейской и киргизской национальной школы [Блинова 2010] и Д.Г. Коровушкина «Национальная школа в районах аграрного переселения Западной Сибири конца XIX – первой трети XX в. в контексте этнической самоидентификации переселенцев» – немецкой, латышской, эстонской, украинской и чувашской [Коровушкин 2015].

По мнению О.В. Блиновой, школа в сознании определенного этноконфессионального образования должна была стать инструментом сохранения исторической индивидуальности: «немецкая национальная школа представляла собой продукт общества, оказавшегося вне рамок исторической родины и видевшего в школе источник культурного единства, поддержания народных традиций путем сохранения родного языка и веры... Для евреев школа стала единственным способом, хотя бы искусственно воссоздать разорвавшуюся связь с «землей обетованной», осознать себя единым народом, обладающим древней культурой и сложнейшей историей. Для киргизов – возможностью сохранения древних, в большинстве своем изначально языческих традиций и обычаев от чужеродного влияния посредством апелляции к исламской системе ценностей, опирающейся на обычное право и патриархальность устоев» [Блинова 2010, 161–162].

Внимание исследователей привлекают дискурсы на центральном и региональном уровнях власти по выработке образовательной стратегии, направленной на формирование этноконфессионального образовательного сегмента в рассматриваемом территориально-временном пространстве, выдержанные в обозначенном Д.Е. Левашовым ракурсе: лавирование «между опорой на традиции и новыми течениями царская администрация» [Левашов 2010, 135], получившие освещение в исследованиях Г.С. Бакиевой, Д.В. Городенко, Л.М. Дамешка, И.Л. Дамешек, Ю.А. Лысенко, С.В. Любичанковского, И.Н. Мамкиной, М.В. Стуровой, М.К. Чуркина [Бакиева 2008; Городенко 2009; Лысенко 2011, 106–117; Стурова 2012; Мамкина, Дамешек, Дамешек 2017; Любичанковский 2018; Чуркин 2019]. Отношение к этому вопросу общественности, в том числе представителей областнического движения и политических партий, затрагивают А.В. Головинов, А.В. Ермошин, Е.П. Ковалышкина, В.М. Острога, Д.С. Ткаченко [Ковалышкина 1999; Ткаченко 2003; Головинов 2009; Ермошин 2012; Острога 2016].

По мнению И.И. Кротта, «обращение к дискурсивным практикам империи, применение оптики имперского центра и региональной бюрократии открывает реальные возможности посредством фиксации культурных, идеологических, этических и эстетических ценностей, понятий и конвенций империи проследить основные тенденции и закономерности в сфере организации и функционирования образовательной политики в социокультурном контексте внутренней колонизации» [Кротт 2018, 117]. Учет как опыта, накопленного в условиях освоения западных окраин, так и региональных особенности (геополитических, коммуникационных, религиозно-ментальных), как

отмечает Д.С. Ткаченко, «заставили правительство усомниться в правильности избранного курса на силовую русификацию национальных школ» [Ткаченко 2003, 45].

В рамках изучения дискурсов по вопросам образовательного вектора этноконфессиональной политики заслуживает внимания интерес исследователей к периодической печати [Сенина 2005; Шайдулов 2008; Кружалаина 2013; Кротт 2018; Иванов 2020]. Оценивая информационный потенциал периодики, В.Н. Шайдулов подчеркивает, что «в газетных и журнальных публикациях достаточно часто можно обнаружить информацию, которая в иных нарративных источниках не отложилась... на страницах периодических изданий во второй половине XIX – начала XX в. находили отражение различные аспекты экономической, социальной и культурной жизни национальных общин региона» [Шайдулов 2008, 71–72].

Анализ историографических источников свидетельствует об отсутствии информации об универсальных подходах к формированию этноконфессионального сегмента в образовательном ландшафте рассматриваемого территориально-хронологического пространства, что во многом, применительно к ретроспективному анализу, объясняет концепцию регионализации образования, в которой подчеркивается, что «особенности развития образования обусловлены не только территориальными и природными факторами... в первую очередь речь идет о единстве культурно-исторических процессов, формирующих общность территорий... ценности и жизненные цели выражаются в особой идентичности людей» [Ярославцева 2018, 167–168].

Ряд исследователей подчеркивают, что внимание государства и общественности в большей степени было обращено к проблемам образования автохтонной части населения с преобладающим мусульманским конфессиональным компонентом [Бакиева 2008; Лысенко 2016; Волков 2017; Кильмаматов 2018; Чуркина 2018]. Ю.А. Лысенко объясняет это тем, что в Центрально-азиатском регионе «придавали важное значение общероссийскому мусульманскому движению и рассматривали его как важный механизм решения не только узкосоциальных – религиозных проблем региона, но и как возможность преодоления в целом широкого спектра социально-экономических проблем колониального периода» [Лысенко 2016, 99].

Оценивая методы формирования и управления образовательной средой Акмолинской и Семипалатинской областей, М.В. Стурова отмечает, что «поставив во главу угла цель – установить контроль над «конфессиональными школами» и обеспечить благоприятную образовательную среду для обрусения казахов, имперское

руководство... организовало «разрешительный порядок» организации мектебов, медресе за счет мусульманских обществ и постепенно сформировало механизм образовательной интеграции, сначала через открытый доступ и бесплатное обучение наряду с русскоязычным населением в школах МНП, затем учредило специальный тип учебных заведений – русско-киргизские школы» [Стурова 2013, 201]. Наиболее подробный анализ образовательной стратегии МНП в Степном крае (Акмолинская и Семипалатинская области) получил в диссертационном исследовании этого исследователя [Стурова 2017].

При анализе аспектов реализации образовательного процесса исследователями традиционно выделяют четыре основополагающих закона, регламентирующих соотношение этнического и общенационального компонентов в образовательной практике: «Правила о мерах к образованию населяющих Россию инородцев» (1870г.), «Правила о начальных училищах для инородцев, живущих в восточной и юго-восточной России» (1906 г.); «Правила о начальных училищах для инородцев» (1907 г.) и «Правила о начальных училищах для инородцев» (1913 г.) [Лиджеева, Надбитов 2012, 47–48; Чуркина 2018, 127].

Исследователи сходятся во мнении, что важным средством реализации образовательной политики в регионе была подготовка учителей для инородческих школ и училищ, что привело к росту педагогических учебных заведений, нацеленных на подготовку кадров для инородческих школ [Войтеховская 2009; Кобылецкий 2014; Чуркина 2018, 127].

По мнению ряда исследователей, одним из результатов образовательной политики стало разрушение традиционных общественных институтов, основанных на концессионных скрепах и формирование этнизационных диаспоральных институтов, основой которых стала светская элита – носитель этнической (национальной) идентичности [Дятлов 2012, 266; Нам 2014, 42–43] и нарастание протестных явлений [Дашковский, Шершнева 2011, 70; Лысенко 2016].

По мнению Н.И. Чуркиной, «наиболее успешно цели образовательной политики удалось реализовать, когда были учтены специфические социокультурные условия жизни инородцев [Чуркина 2018, 128].

Наряду с анализом развития этноконфессиональных образовательных учреждений с выраженным мусульманским началом, исследовательская практика позволила обозначить тенденции развития национальной школы в этноконфессиональных образованиях миграционного происхождения.

С конца 1990-х г. проблема немецкой национальной школы, ставшая предметом научного интереса И.В. Черказьяновой и нашедшая отражение в кандидатской диссертации, получила дальнейшую разработку в исследованиях этого автора в более поздний период [Черказьянова 1998; Черказьянова 2000; Черказьянова 2004].

Тенденции развития еврейской национальной школы Западной Сибири исследователи неразрывно связывают с имперской политикой в этом вопросе, что нашло отражение в работах А.А. Валитова, И.Б. Лернера, Ю.Г. Матушанской, В.С. Сулимова, О.С. Ульяновой, Д.Ю. Федотова [Лернер 2007; Сулимов, Валитов, Федотова 2014; Матушанская 2016; Ульянова 2017]. Исследователи отмечают, с одной стороны, что к концу XIXв. по вопросу отношения к образованию в еврейской общине произошел раскол: «одна часть еврейского религиозного общества отдавала предпочтение исключительно традиционному религиозному образованию..., другая... считала необходимым давать детям, так называемое «светское еврейское образование», а с другой – жесткий правительственный подход [Лернер 2007, 56–57; Ульянова 2017, 155]. По мнению ряда исследователей, смягчение государственной политики в отношении приема евреев в учебные заведения произошло только во время Первой мировой войны [Сулимов, Валитов, Федотова 2014].

Школа прибалтийской диаспоры представлена исследованием И.В. Лоткина, который отмечает, что грамотность переселенцев была почти всеобщей, с исторической родины выписывались книги и периодические издания [Лоткин 2003, 97]. Первая и долгое время единственная школа в лютеранских колониях (село Рыжково Тюкалинского уезда Тобольской губернии) была открыта только в 1845 г., что во многом связано с формированием прибалтийской диаспоры до середины 1880-х гг. за счет уголовных ссыльных из прибалтийских губерний. Изменение ситуации с начала 1890-х гг. в формировании этнического элемента преимущественно за счет добровольного переселения дает свои плоды. К 1918г. в Западной Сибири располагались 21 стационарная и 2 передвижных школ [Лоткин 2008, 160–161].

На фоне оценки вклада сибирской польской диаспоры в развитие региональной науки и культуры, получившей историографическое осмысление [Скубневский, Гончаров 2021, 165–166], проблема развития польской школы (анализ направлений и этапов развития, организация учебного процесса, территориальное размещение и др.) применительно к рассматриваемому региону неразрывно связана с многолетней исследовательской деятельностью Л.К. Островского

[Островский 2012], который в одном из последних исследований по этому вопросу – статье «Поляки и польская школа в городах Западной Сибири (1880-е – 1920 год)» отмечает, что «актуальность и новизна данной работы в том, что в ней впервые в отечественной историографии предпринято исследование особенностей развития польских школ в Западной Сибири, выявлена доля детей из польских семей среди учащихся православных школ в городах региона» [Островский 2021, 31].

В историографических источниках не выявлено информации о национальных украинских и белорусских школах. По мнению Р.Ю. Федорова, это связано с тем, что «в период массовых крестьянских переселения торой половины XIX – начала XX в. среди белорусских крестьян национальная самоидентификация не имела распространения» [Федоров 2017, 188].

Анализ заявленной проблемы позволяет, с одной стороны, отметить наличие в исследовательской среде интереса к этноконфессиональному сегменту образовательного пространства ЗСУО, но, с другой, неравномерность охвата исследовательским вниманием видового разнообразия этноконфессиональной школы, степени разработанности сюжетов, связанных с ее развитием и отсутствие обобщающих исследований.

Литература

Абселемов С.А. Исследовательский опыт осмысления аграрной колонизации Степного края во второй половине XIX – начале XX в.: историографический аспект // Вестник Сургутского гос. пед. ун-та. 2019. № 1(58). С. 204–214. DOI: 10.26105/SSPU.2019.94.50.021.

Абселемов С.А. Современная российская историография колонизации Степного края во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Томского гос. ун-та. 2020. № 452. С. 108–116. DOI: 10.17223/15617793/452/13.

Бакиева Г.Т. Реформы в системе образования у сибирских татар во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2008. № 8. С. 97–108.

Батута М.Н. Формирование и современное состояние украинской диаспоры (конец XIX – начало XXI в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. 07.00.07. Томск, 2008. 26 с.

Блинова О.В. Этноконфессиональные школы Западной Сибири на рубеже XIX–XX вв.: положение и роль учителей и особенности развития // Вестник Омского ун-та. 2010. № 2. С. 154–161.

Бондаренко Д.М., Деминцева Е.Б., Кавыкин О.И., Следневский И.В., Халтурина Д.А. Образование как фактор утверждения в обществе норм этноконфессиональной толерантности в условиях глобализации (на примере России, Франции и Танзании) // История и современность. 2007. № 2. С. 153–183.

Войтеховская М.П. Подготовка учительских кадров для начальных училищ в Западно-Сибирском учебном округе // Известия Российского гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. 2009. № 107. С. 14–27.

Волков И.В. Власть и мусульманская школа в Русском Туркестане (1867–1881 гг.) // Власть. 2017. № 1. С. 148–155.

Воронцов С.А., Понеделков А.В., Шарков Ф.И. О ценностных основаниях и коммуникативных факторах консолидации современного российского общества // Коммуникология. 2018. Т. 6. № 3. С. 58–69. DOI: 10.21453/2311-3065-2017-6-3-58-69.

Головинов А.В. Образование в культурно-просветительской программе сибирского областничества второй половины XIX- начала XX в. // Известия Алтайского гос. ун-та. 2009. № 4-4(64). С. 59–61.

Городенко Д.В. Формирование системы национального образования нерусских народов в России во второй половине XIX – начале XX вв. // Гуманизация образования. 2009. № 1. С. 62–67.

Дашковский П.К., Шершнева Е.А. Мусульманское образование в Западной Сибири в XIX – начале XX в. // Известия Алтайского гос. ун-та. 2011. № 4-1(72). С. 68–71.

Дятлов В.И. Механизмы адаптации представителей мигрантских меньшинств в переселенческом обществе востока позднеимперской России // Известия Иркутского гос. ун-та. Сер. «История». 2012. №2(3). Ч.1. С. 263–269.

Ермошин А.В. Вопрос о положении религии в светской школе в программах политических партий Российской империи начала XX века // Философия и культура. 2012. № 2(28). С. 233–238.

Иванов Е.П. Межэтнические отношения в Степном крае в XIX – начале XX века на страницах периодической печати // Омский научный вестн. 2020. Т. 5. № 2. С. 48–54. DOI: 10.25206/2542-0488-2020-5-2-48-54.

Кильмаматов Р.Р. Влияние присоединения Средней Азии к России на исторические судьбы народов региона // Общество: философия, история, культура. 2018. № 6(50). С. 44–48. DOI: 10.24158/fik.2018.6.8.

Кобылецкий М.А. Подготовка учительских кадров в Западно-Сибирском учебном округе // Вестник Омского гос. пед. ун-та. Гуманитарные исследования. 2014. № 1(2). С. 73–75.

Ковалышкина Е.П. «Инородческий вопрос» в Сибири в концепциях государственной политики и областнической мысли: автореф. дис. ... канд. ист. наук. 07.00.02. Томск, 1999. 21 с.

Комлева Е.В. История и культура Белорусов Сибири в освещении современной российской историографии // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 1. С. 56–60.

Коровушкин Д.Г. История и источники изучения количественных и качественных изменений расселения и численности сельских переселенческих диаспор Западной Сибири в конце XIX – начале XX века (на примере латышей и эстонцев) // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Сер.: История. Филология. 2009а. Т. 8. № 5. С. 36–52.

Коровушкин Д.Г. Диаспоры в Западной Сибири: особенности этнокультурного развития сельских сообществ в конце XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. 07.00.07. Новосибирск, 2009б. 46 с.

Коровушкин Д.Г. Национальная школа в районах аграрного переселения Западной Сибири конца XIX – первой трети XX в. в контексте этнической самоидентификации переселенцев // Гуманитарные науки и образование в Сибири. 2015. № 3(21). С. 164–177.

Коровушкин Д.Г., Лоткин И.В., Смирнова Т.Б. Неславянские этнодисперсные группы в Западной Сибири: История изучения // Исторический ежегодник. Спец. выпуск, посвящ. 60-летию проф. Н.А. Томилова. Омск, 2001. С. 119–135.

Кротт И.И. Периодическая печать как источник для изучения образовательной политики Российской империи в Западной Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Омского ун-та. Сер.: Исторические науки. 2018. № 4(20). С. 117 (116–121). DOI: 10.25513/2312-1300.2018.4.

Кружалина А.А. «Еврейский вопрос» по материалам сибирских газет второй половина XIXв. // Известия Иркутского гос. ун-та. Сер.: Политология. Религиоведение. 2013. № 2(11). Ч. 2. С. 157–166.

Левашов Д.Е. Этноконфессиональные особенности народного образования в Российской империи (на примере Саратовской губернии) // Вестник Саратовского гос. социально-экономического ун-та. 2010. №4(33). С. 133-136.

Леонтьева О.Б. Национальная конфессиональная политика Российской империи в современной историографии // Вестник Самарского гос. ун-та. 2012. №8-2(99). С. 27–46.

Лернер И.Б. Развитие еврейского образования в России середины XIX – начала XXI в. // Сибирский педагогический журн. 2007. № 15. С.55–60.

Лиджеева К.Ф., Надбитов М.В. Государственная политика в сфере образования народов юга России в конце XIX – начале XX вв. // Вестник Калмыцкого ун-та. 2012. № 3(14). С. 45–50.

Лоткин И.В. Прибалтийская диаспора Сибири: история и современность: учеб. пособ. Омск, Омск.гос. ун-т, 2003. 164 с.

Лоткин И.В. Исследование прибалтийской диаспоры Сибири российскими и зарубежными учеными // Известия Томского политехнического гос. ун-та. 2005. Т. 308. № 4. С. 207–211.

Лоткин И.В. Культурное просвещение прибалтийских поселенцев Сибири в 1920–1925 годах: проблемы и пути их решения // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2008. № 34(135). С. 160–171.

Лысенко Ю.А. Очерки истории Русской православной церкви в Казахстане (XVIII – начало XX в.). Барнаул: Азбука, 2011. 256с.

Лысенко Ю.А. Причины и формы участия народов национальных окраин Российской империи в мусульманском движении начала XX в. // Известия Алтайского гос. ун-та. 2016. № 4(92). С. 94–100. DOI: 10.14258/izvasu(2016)4–16.

Любичанковский С.В. Образовательная политика Российской империи и формирование казахской интеллигенции на территории Оренбургского края во второй половине XIX века // Самарский науч. вест. 2018. Т. 7. № 4(25). С. 245–249. DOI: 10.24411/2309-4370-2018-14215.

Макарчук С.В., Генина Е.С., Гончаров Ю.М. Проблемы истории еврейских общин Сибири XX – начала XXI в. в оценках современных отечественных исследователей // Вестник Томского гос. ун-та. История. 2020. № 64. С. 108–115. DOI: 10.17223/19988613/64/14.

Мамкина И.Н. Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Программы развития системы образования в Азиатской России в материалах Второго Сибирского комитета // Вестник Томского гос. ун-та. 2017. № 414. С. 92–97. DOI: 10.17223/15617793/414/14.

Матушанская Ю.Г. Светское и религиозное образование евреев Российской империи // Вестник Казанского гос. энергетического ун-та. 2016. № 2(30). С. 163–174.

Нам И.В. Институционализация этничности в сибирском переселенческом обществе (конца XIX – начала XX в.) // Известия Иркутского гос. ун-та. Сер. «Политология». 2014. Т. 10. С. 34–49.

Островский Л.К. Польская школа в Западной Сибири (1890–1920-е гг.) // Вестник Томского гос. ун-та. 2012. № 3(19). С. 23–29.

Островский Л.К. Поляки в Западной Сибири в конце XIX – первой половине XX в: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. 07.00.02. Новосибирск, 2014. 39 с.

Островский Л.К. Поляки-учащиеся и польская школа в городах Западной Сибири (1880-е – 1920 год) // Исторический курьер. 2021. № 1(15). С. 31–36. DOI: 10.31518/2618-9100-2021-1-3.

Острога В.М. Вопросы народного образования в программах политических партий России (начало XX в.) // Труды Белорусского гос. технологического ун-та. 2016. № 5(178). С. 14–18.

Полежаев Д.В. Менталитет и национальный характер образования // Известия Волгоградского гос. ун-та. 2009. № 4(38). С. 12–16.

Савинов Л.В. Исторический контекст современной этнополитики в Сибири // Известия Алтайского гос. ун-та. 2008. № 4-4(60). С. 209–213.

Сенина Е.А. «Инородческий» вопрос на страницах сибирской периодической печати во второй половине XIX – начале XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. 07.00.02. Иркутск, 2005. 30 с.

Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Поляки в Сибири (XIX– начала XX в.) в освещении постсоветской отечественной историографии // Вестник Томского гос. ун-та. История. 2021. № 69. С. 162–170. DOI: 10.17223/19988613/69/24.

Смирнова Т.Б. Этническая история немецкой диаспоры в трудах сибирских ученых // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 3. С. 63–68.

Смирнова Т.Б. Немецкое население Западной Сибири в конце XIX – начале XXI века: формирование и развитие диаспорной группы: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. 07.00.07. Омск, 2009. 50 с.

Стурова М.В. Образовательная политика Российской империи в Степном крае (вторая половина XIX – начало XX в.): к постановке проблемы // Известия Алтайского гос. ун-та. 2012. № 4-1(76). С. 210–213.

Стурова М.В. Образовательная среда на территории Акмолинской и Семипалатинской областей (50–80-е гг. XIX в.) // Известия Алтайского гос. ун-та. 2013. № 4-2(80). С. 198–202.

Стурова М.В. Система начального образования в Степном крае во второй половине XIX – начале XX века: этноконфессиональный аспект: автореф. дис. ... канд. ист. наук. 07.00.02. Барнаул, 2017. 26 с.

Сулимов В.С., Валитов А.А., Федотова Д.Ю. К вопросу о приеме евреев в школы Западной Сибири в период Первой мировой войны. // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 1. С. 1–6.

Тебаев Д.Б. Проблема присоединения Степного края в XVIII–XIX вв. в современной российской историографии // Вестник РУДН. История России. 2009. № 5. С. 265–271.

Ткаченко Д.С. Вопросы национальной школы в программах и практике деятельности политических партий Российской империи начала XX в. // Вестник Ставропольского гос. ун-та. 2003. № 33. С. 39–47.

Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX – начало XX в.): монография / Лысенко Ю.А., Анисимова И.В. и др. Барнаул: АЗБУКА, 2014. 272 с.

Ульянова О.С. Возможности получения образования евреями в Российской империи во второй половине XIX – начале XX столетия // Вестник Томского гос. ун-та. 2017. № 416. С. 155–159. DOI: 10.17223/15617793/416/23.

Федоров Р.Ю. Трансформации этнического самосознания у потомков белорусских крестьян-переселенцев Сибири и Дальнего Востока // Вестник Томского гос. ун-та. 2017. № 423. С. 187–195. DOI: 10.17223/15617793/423/26

Черказьянова И.В. Немецкая национальная школа в Сибири: конец XIX в.-1938 г.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Омск, 1998. 26 с.

Черказьянова И.В. Немецкая национальная школа в Сибири (XVIII в. – 1938 г.). М.: ОАНРН, 2000. 307 с.

Черказьянова И.В. Школьное образование российских немцев (Проблемы развития и сохранения немецкой школы в Сибири в XVIII – XX вв.). СПб. [б.и.]: 2004. 366с.

Чуркин М.К. Колонизация Степного края Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.: историографическая традиция и исследовательские практики // Вестник Томского гос. ун-та. 2016. №406. С. 158–163. DOI: 10.17223/15617793/406/25.

Чуркин М.К. «Инородческий вопрос» в имперском дискурсе и образовательной политике России во второй половине XIX – начале XX в. (на материалах Омского Прииртышья) // Вестник Омского ун-та. Сер.: Исторические науки. 2019. № 1(21). С. 61–68. DOI: 10.25513/2312-1300.2019.1.61-68.

Чуркина Н.И. Инородческое образование в Омском Прииртышье в контексте задач имперской политики второй половины XIX – начала XX в. // Вестник Омского ун-та. Сер. «Исторические науки». 2018. № 4(20). С. 122–129. DOI: 10.25513/2312-1300.2018.4.122-129.

Шайдуrow В.Н. Национальные общины Западной Сибири второй половины XIX – начала XX в. (по материалам периодической печати) // Научные ведомости Белгородского гос. ун-та. Сер.: История. Политология. 2008. № 1(41). С. 65–72.

Шайдуrow В.Н. Евреи, немцы, поляки в Западной Сибири XIX – начала XX в. СПб. Невский ин-т языка и культуры, 2013. 260 с.

Шайдуrow В.Н., Сидненко Т.И. Европейские общины Западной Сибири в XIX – начале XX в. (историографический обзор). Санкт-Петербург: Медианапир, 2019. 182 с.

Ярославцева Н.В. Региональные особенности развития образования в Западной Сибири // Научно-педагогическое обозрение. 2018. №2(20). С. 167–177. DOI: 10.23951/2307-6127-2018-2-168-177.

Alexey V. Blinov

Kemerovo State University

Formation of the Ethno-Confessional Segment of the Educational Space of the West Siberian Educational District in the Coverage of Post-Soviet Local Studies

***Abstract.** The article presents the results of the analysis of the representation in the post-Soviet domestic studies the problem of the formation and development of the ethno-confessional school in the educational space of the West Siberian Educational District. It is noted both the uneven coverage of the species diversity of the ethno-confessional school and the degree of development of the subjects associated with its development, and the lack of generalizing studies.*

***Keywords:** historiography, historiographic source, national diaspora, national school, West Siberian Educational District.*

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И УПРАВЛЕНИЯ

Санкин Е.В.

Средняя общеобразовательная школа № 25 (г. Сургут)

Зиновьев В.П.

*Национальный исследовательский Томский
государственный университет (г. Томск)*

Рыбопромышленные пески Западной Сибири в XIX– начале XX в.

***Аннотация.** Статья посвящена изучению рыболовного промысла в Западной Сибири в течение XIX – начала XX в. Рыболовный промысел в Западной Сибири был той отраслью экономики края, в которой встречались коренные жители Сибири – селькупы, ханты, ненцы, сибирские татары, киргизы (казахи) и русские крестьяне и промышленники. Наиболее крупный рыболовный промысел был сосредоточен на рыбопромышленных песках. Рыбопромышленные пески (предприятия, заведения) играли важную роль в освоение, прежде всего северных регионов Западной Сибири. Их увеличение и концентрация на протяжении рассматриваемого периода способствовали не только развитию самой рыбопромышленности, но и увеличению численности населения, развитию торговли и втягивание местного населения в товарно-денежные отношения.*

***Ключевые слова:** Сибирь, XIX век, рыболовство, торговля, коренное население*

Рыболовный промысел в Западной Сибири был той отраслью экономики края, в которой встречались коренные жители Сибири – селькупы, ханты, ненцы, сибирские татары, киргизы (казахи) и русские крестьяне и промышленники. Рыбаки из коренных народов и русских крестьян Сибири были либо продавцами (сдатчиками) рыбы, либо наемными работниками.

Наиболее крупный рыболовный промысел был сосредоточен на рыбопромышленных песках. Рыбопромышленные пески представляли собой торгово-промысловые предприятия, требующие для их эксплуатации больших финансовых затрат на аренду рыболовных мест, их разработку и устройство, приобретение орудий лова, различных средств судоходства и на наем и содержания большого числа рабочих. Промысел на песках был ориентирован на вылов ценных пород рыб, таких как осетр, стерлядь, муксун, нельма, сырок, пыжьян, шокур и др. Для организации промысла на песке выбиралась часть реки с отлогим и глубоким песчаным или немного каменистым дном, чтобы беспрепятственно осуществлять неводную тягу. Крупный неводной промысел был сосредоточен на севере Тобольской губернии в Тобольском, Сургутском и Березовском округах, и на севере Томской губернии в Нарымском крае.

Количество освоенных и эксплуатируемых рыбопромышленных песков в течение XIX – начала XX вв. увеличивалось. По сведениям за 1808 г. на севере Тобольской губернии по реке Оби было засвидетельствовано 68 рыбопромышленных песков [ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 329. Оп. 13. Д. 206. Л. 29–34, 94–106]. В конце XIX в., по данным Н.А. Варпаховского, по Оби уже насчитывалось около 120 песков, а в 1918 – 140 [ГАНО. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 1443. Л. 72; Варпаховский 1898, 81]. Но, это лишь число зарегистрированных рыбопромышленных песков. На самом деле используемых песков для рыбной ловли было гораздо больше. Например, А.А. Дунин-Горкавич отмечал, что от границы Нарымского края до устья реки Ваха, на протяжении почти 350 верст рыбные угодья, в силу определенных причин просто не поддаются регистрации [Дунин-Горкавич 1995.Т. 1, 194]. Имелись также пески, расположенные по Иртышу, Тоболу, Таре, которых насчитывалось около 40. Таким образом, количество освоенных и используемых песков в течение всего рассматриваемого периода увеличилось как минимум в 2,5 раза.

Рыбопромышленные пески находились в пользовании инородческих обществ, у которых нужно было их «кортомить» – брать в аренду. Арендная стоимость песка зависела от его возможностей по улову рыбы. В начале XIX в. песок стоимостью 60 руб. в год считался довольно дорогим и явно прибыльным. В конце XIX в. стоимость арендной платы за песок достигала более 1 тыс. руб., а в 1914 г. максимальная арендная стоимость увеличилась до 2 тыс. руб. [Варпаховский 1898, 109–139; Сведения 1914, 12]. Наиболее прибыльными песками считались те пески, которые находились в пределах Березовского округа и ниже по реке Оби, где и был

сосредоточен основной рыболовный промысел. Наиболее знаменитыми песками были Дурной, Соспас, Куноватский, Питлярский, Мелексинский, Самутнельский, Варкута и др. Иностранческие рыбопромысловые пески иногда отдавались казной с торгов в оброчное содержание до двух лет. Местные власти этот факт оправдывали тем, что «отдача угодий является единственной мерой в пополнении недоимок [ГУТО ГА в Тобольске. Ф. 2. Оп. 1. Д. 64. Л. 3]. По сведениям А.М. Абрамова, в 1848 г. иностранцы Березовского края отдали в аренду 150 рыболовных угодий за 6050руб., а арендаторы в свою очередь добыли рыбы на 99530 руб. [Абрамов 1857, 411–412]. Эти сведения в сибирской историографии давно уже стали показателем несоизмеримости арендной стоимости угодий с доходами рыбопромышленников. При этом стоит учитывать то, что полная арендная плата не всегда определялась в рублевом эквиваленте, а также осуществлялась различными продуктами и мануфактурными товарами необходимыми для жизнедеятельности коренного населения. Рыбопромышленники тратились не только на аренду песка, но и на покупку неводов, различных средств судоходства, наем и содержание рабочих и т.п.

Современники отмечали, что лучшие рыболовные пески находятся с «давних пор» в руках одних и тех же лиц. По-видимому, система долгосрочной аренды рыбопромышленных песков сложилась уже во второй половине XVIII в. [Зиновьев 1993, 96–99]. Долгосрочная аренда угодий и засилье рыбопромышленников вызывала у иностранцев недовольство, что выражалось в многочисленных жалобах в администрацию. Коренные жители ссылались на то, что промышленники большими неводами перекрывали ход рыбы и до их селений рыбы не доходила [ГУТО ГА в Тобольске. Ф. 329. Оп. 13. Д. 249]. В январе 1805 г. губернское управление запретило приезжим рыбопромышленникам в Березовском крае брать пески в долгосрочную аренду и производить промысел в иностранческих волостях, т.к. это пагубно отражается на жизнедеятельности ясачного населения. Однако это постановление было быстро отменено. Сенатор Корнилов, после посещения Березовского края в 1807 г., счел жалобы иностранцев несправедливыми и несостоятельными. При этом, по его мнению, этот запрет мог сильно отразиться на снабжении рыбой населения Тобольской, Томской, Пермской и Оренбургской губерний [Сибирские и тобольские 2000, 154].

В отличие от Березовского округа, в Нарымском крае существовала практика конкурсной сдачи с торгов рыболовных песков, принадлежащих коренному населению. Такая практика не всегда была

идеальной. Прежде всего, сказывалось укоренившаяся долговая зависимость ясачного населения от рыбопромышленников. Например, томский купец А. Базанов в 1823 г. подал заявку на участие в торгах на содержание Кальжинского и Князь-Ивановского песков, но в результате его заявка была проигнорирована. Сами пески были отданы без торгов в аренду нарымским купцам Родюковым за низкую плату. Это решение владельцы песков объяснили тем, что последние уже внесли плату наперед, и постоянно им во всем помогают. Такое решение было продиктовано и тем, что у инородцев еще имелись прежние долги перед нарымскими купцами, что в свою очередь позволяло коротить пески за более низкую плату.

Официально аренда песка разрешалась не более чем на 4 года, после чего нужно было заново составлять контракт. По этому поводу некоторые рыбопромышленники выражали свое негодование и недовольство. Их не устраивал маленький срок возможной аренды, которого достаточно было лишь на устройство и налаживание промысла. Нарымский рыбопромышленник А. Родюков ратовал за то, чтобы брать пески в содержание от 5 до 10 лет, что, по его мнению, благоприятно бы сказывалось на освоении новых рыбопромысловых мест [ГАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 3569. Л. 35]. Подобные высказывания были свойственны и березовским рыбопромышленникам [Сибирская торговая газета, 1898]. Но к их мнению местные власти не прислушивались, опасаясь засилья монополистов-рыбопромышленников и слабой конкуренции, с одной стороны, а с другой, Казна защищала коренное население, боясь недоимок. При освоении новых песков промышленники за первый год пользования песком платили арендную плату довольно низких размеров, объясняя это тем, что песок нужно было очистить и проверить на доходность. Так, в 1844 г. Родюков изъявил желание взять в содержание песок у инородцев юрт Казымских Тымской волости на 6 лет. За первый год плата должна была составить 14 руб. 28 коп., а в последующие годы, если песок окажется прибыльным, – 85 руб. 71 коп. В случае неудачного промысла контракт аннулировался. Местные власти такой договор не засвидетельствовали, ссылаясь на то, что «выгода песка зависит от собственного попечения содержателя в благовременной расчистке» и пользоваться песком разрешили лишь одно лето [ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 329. Л. 1об. – 3об.]. При составлении последующих контрактов рыбопромышленнику предоставлялась возможность сбить арендную стоимость, объясняя это слабой доходностью песка.

Сами рыболовные пески между коренными жителями были распределены неравномерно. Некоторые общины большой

численности владели малоценными угодьями, а более доходные угодья могли принадлежать всего нескольким лицам [Дунин-Горкавич 1995, 189]. Например, юрты Тукаскины (2 чел.) владели песком Няша стоимостью 120 руб. Юрты Алековых из 7 чел. владели песком Долгое плесо стоимостью 600 руб. Песок Сосновский принадлежал одноименным юртам численностью 21 чел., а угодье оценивалось всего в 30 руб. Песок Горный принадлежал юртам Шеркальским из 54 чел., а за песок давали 40 руб. Юрты Куноватские из 69 чел. владели одноименным песком, который ценился в 150 руб. [Варпаховский 1898, 109–139].

Хотя коренное население рыбным промыслом занималось преимущественно на мелких речушках и озерах, они, тем не менее, сыграли некоторую роль в эксплуатации песков Тобольской губернии. С развитием товарно-денежных отношений аборигены постепенно начинали сами обустройства и ловить рыбу на песках небольшими неводами и калыданами, правда, в меньших масштабах, чем приезжие рыбопромышленники. Пойманную рыбу коренные жители сдавали местным скупщикам.

В начале XIX в. в рыбопромышленном освоении севера Тобольской губернии большую роль играли приезжие купцы, мещане и крестьяне из Тобольска, Туринска, Тюмени, Шадринска. В середине века среди рыбопромышленников начали появляться местные березовские и сургутские купцы и мещане [Разгон 1999, 381–382]. Со второй половины XIX в. наблюдается не только дальнейшая тенденция к расширению списка и состава рыбопромышленников, но и постепенная концентрации лучших песков в руках нескольких семей. В конце столетия уже сложился основной состав рыбопромышленников, который впоследствии сильно не изменялся. При этом практически все пески были сосредоточены в руках тобольских, сургутских, березовских и обдорских рыбопромышленников.

Наиболее полный список зарегистрированных рыболовных песков Тобольского севера представлен ихтиологом А.Н. Варпаховским [Варпаховский 1898, 109–139], в нем отражены названия песков, их местонахождение, собственники, арендаторы, общее устройство.

Основные пески были сосредоточены в пределах Тобольского, Сургутского и Березовского округов. В Тобольском округе насчитывалось 19 песков по Оби, 41 – по Иртышу и 4 – по Тоболу. Среди содержателей песков по Оби были торгующие крестьяне и мещане И.Н. и И.В. Змановские, Коневы, А. Пачганов, А. Шеймин, Е. Рязанцев, В. Земцов, И. Новоселов, при этом у последних трех лиц был наиболее доходный промысел. Пески, расположенные по Иртышу и

Тоболу, в основном эксплуатировались мелкими промышленниками из среды мещан, крестьян и инородцев с участием вотчинников или самими же вотчинниками при поддержке местных крестьян-капиталистов. В Тарском округе засвидетельствовано всего два песка, которые составляли казенно-оброчные статьи.

В Сургутском округе было засвидетельствовано 10 рыбопромышленных песков, два из которых наиболее значительные находились в содержании сургутского купца И.П. Нартымова, 3 песка – у А.П. Замятина, и по одному крупному промыслу было у А. Тетюцкого и С.Е. Рязанцева. Все эти пески эксплуатировались на капиталистических началах с использованием наемной рабочей силы.

Остальные рыбопромысловые пески были расположены на территории обширного Березовского округа. В свою очередь, этот округ можно разделить на три рыбопромышленных района: От Самарова до Березова, от Березова до Обдорска и Низовой район, расположенный ниже Обдорска. В первом районе от Самарова до Березова по Оби было зарегистрировано 41 рыбопромысловое угодье. Из них почти половина находились на протяжении около 370 верст в руках многочисленной фамилии Новицких. 7 песков подряд находились на содержании у торгующего крестьянина Матошина, который специально для личного контроля за промыслом переселился из Самаровской в Кондинскую волость, где проживал постоянно на одном из арендуемых песков под названием Островной [Дунин-Горкавич 1995, 195]. Еще 3 песка находились в содержании у крестьянина А. Протопопова и один песок у крестьянина П. Кайгородова. 9 песков эксплуатировалось собственниками, а остальные пески имели незначительный промысел.

Во втором рыбопромышленном районе Березовского округа было зарегистрировано 15 песков. Из них 11 песков находилось в содержании крупных рыбопромышленников: 5 – у «Торгового дома М. Плотников и С-я», 1 – у Новицкого, 2 – у купчихи Котовщиковой, 3 – у тобольского мещанина Туркова.

В третьем рыбопромышленном районе было засвидетельствовано 37 рыбопромысловых угодий, 19 из которых эксплуатировалось крупными рыбопромышленниками. 8 песков находилось на содержании тобольского купца Бронникова, 5 – у купеческой вдовы Ф. Корниловой, 3 – у «Торгового дома М. Плотников и С-я», 3 – у обдорского купца И. Карпова. Почти все эти угодья в низовском районе эксплуатировались полуневодами.

Итак, из представленного списка рыбопромышленных песков по Оби, Иртышу и Тоболу 76 или 45% эксплуатировались на

капиталистических началах с использованием наемной рабочей силы. Остальные 93 песка эксплуатировались вотчинниками на артельных началах или вовсе не разрабатывались, а использовались как торгово-меновые места.

В Нарымском крае в 1879 г. было зарегистрировано 43 рыбопромышленных песка. Из них лишь 9 или 20% эксплуатировались на капиталистических началах [ГАТО. Ф. 3 Оп. 2. Д. 1858; Зиновьев 1996, 214–221]. Остальные пески использовались вотчинниками. В Томской губернии плотность крестьянского населения в рыбопромысловых районах была выше, чем в Тобольской. Поэтому большинство песков эксплуатировалось самими собственниками с помощью артелей.

Во второй половине XIX в. на севере Тобольской губернии постепенно начали обосновываться и коми-зыряне, которые также активно начали заниматься рыбопромышленностью в Березовском крае. Среди зырян-рыбопромышленников можно назвать Д. и А. Чупровых, И. Истомина, П. Тарасова, Т. Витязева, А. Попова, М. Вакуева, Ф. Терентьева, А. Самодурова, Рочевых, которые также кортомили удобные места рыбной ловли и составляли конкуренцию местным и приезжим рыбопромышленникам [ГУТО ГА в Тобольске. Ф. 352. Оп. 1. Д. 418. Л. 69об. – 101об.].

Главным орудием промысла являлся невод, который требовал от промышленника больших финансовых затрат. Его размеры и устройство зависели от ширины и глубины реки, быстроты течения, биологии промысловой рыбы. На песках использовались стрелевые неводы внушительных размеров от 350 до 500 сажень, которые должны были по длине захватывать середину реки, а по ширине – ее дно. Поэтому современники крупный рыболовный промысел на песках называли еще стрелевым промыслом, а само предприятие неводным заведением. Различалось и само строение невода, которое зависело от места и времени лова и от вида промысловой рыбы. Для постройки невода использовалась специальная сеть – «мережа», которая изготовлялась кустарным способом крестьянами Тобольского округа. В конце XIX в. одними только Тобольскими рыбопромышленниками ежегодно вывозилось на промыслы до миллиона сажень мережи для постройки неводов [Варпаховский 1898, 78].

Большинство промышленников эксплуатировали два невода, посуточно их чередуя. Крупные рыбопромышленники использовали на одном промысле более четырех неводов. Пока после первой тони происходил разбор невода, сразу закидывался второй, а после суточного их использования они сменялись другими двумя неводами, а

те в свою очередь развешивались на берегу для просушки и починки. Тем самым происходила интенсификация рыболовного промысла на песках. Большой стрежевой невод в середине XIX в. обходился рыбопромышленникам до 400 руб. Как правило, срок эксплуатации невода в среднем составлял три года, после чего приходилось приобретать новый.

Нередко рыбопромышленники злоупотребляли неводами и практиковали хищнический лов рыбы. Н.А. Варпаховский в конце XIX в. отметил важную особенность обских неводов, он писал: «Знакомясь с неводами Обь-Иртышского бассейна, нельзя не обратить внимание вообще на мелкочейность их, что, конечно, влечет за собой вылов мелкой рыбы» [Варпаховский 1898, 78]. Во время «вонзя» – первого весеннего хода рыбы из Обской губы в реку Обь, начинался рыболовный сезон, который сопровождался массовым использованием для лова рыбы стрежных неводов. Лов большими неводами в низовой Оби препятствовал свободному движению рыбы, но не останавливал полностью ее ход. Сам по себе невод как орудие рыболовства не являлся хищническим. Но способы его использования нередко были хищническими. После ледостава рыба устремлялась в соры (заливную часть поймы) для нагула икры и ближе к осени, когда вода спадала, рыба выходила из соров и притоков для дальнейшего поиска места для икрометания. Рыбопромышленники использовали это явление, перегораживая протоки соров и свободно вылавливали неводом всю рыбу. Перегородки препятствовали осенью выходу икранных сигов. Злоупотребление и интенсивное использование неводов рыбопромышленниками отражалось и на сокращении рыбных запасов.

Работа на песках везде начиналась по-разному, но основной промышленный лов осуществлялся с июля месяца до середины сентября, в зависимости от удаленности песка и уровня воды.

По приезду на песок начинались подготовительные работы по организации промысла – очистка песка, постройка или починка жилых и нежилых помещений, сбор невода. Одним из существенных моментов в подготовке промысла являлись работы по очистке песка. Часто после вскрытия реки рыбопромышленные пески могли засоряться застругами, нанесенным лесом (карчами или задевами). До появления пароходов очистка песка проводилась практически вручную. Для этого употреблялась длинная крепкая веревка, концы которой закреплялись к двум лодкам, плывущим параллельно. Посередине веревки прикреплялись для груза два камня, которые опускались на дно реки для зацепки за карчу. Корягу фиксировали и вытаскивали на берег [Русанов 2004, 27]. Это требовало больших физических затрат, и иногда

затягивало начало промысла. Во второй половине XIX в. крупные рыбопромышленники стали использовать пароходную тягу для очистки песка от задёвов.

Для организации промысла на песках требовалось возведение необходимых построек. В составе каждого промыслового заведения имелись казармы или избы для проживания рабочих, дом для руководителя промысла, различные складские помещения, хлебопекарня, кухня, бани. Наиболее полно были оборудованы рыбопромышленные пески в Березовском округе (Табл. 1).

Таблица 1

Количество песков и их устройство на севере Тобольской губернии в 1895/96 гг.

Название округа (назв. реки)	Общее количество песков	% оборудованных песков от общего числа	Общее число строений		
			жилые	бани	хоз. постройки
Сургутский округ (Обь)	10	7	24	7	8
Тобольский округ (Обь)	19	53	27	7	9
Березовский округ (Обь)	93	67	181	73	163
Тобольский округ (Иртыш)	41	17	13	-	1
Тарский округ (Иртыш)	2	-	-	-	-
Тобольский округ (Тобол)	4	-	-	-	-
Всего	169	51	245	87	181

Источник: Варпаховский А.Н. Рыболовство в бассейне реки Оби. СПб., 1898. С. 109–139.

В общем, в конце XIX в. на 169 рыболовных песках приходилось 513 жилых и хозяйственных строений. Но большинство неводных заведений было в неудовлетворительном состоянии. В 1879 г. врач

Матвеев после командировки по Оби под впечатлением писал, что «жилища рабочих почти на всех песках грязные, темные, сырые и холодные; помещения по объему воздуха далеко не достаточны для назначенного в них числа рабочих. Отбросы валяются вблизи жилых помещений и зловонием заражают воздух» [ГУТО ГА в Тобольске. Ф. 352. Оп. 1. Д. 309. Л. 21]. Это обстоятельство подвигло губернские власти к решительным мерам по устройству порядка на рыбопромышленных заведениях. Были введены новые правила построек и эксплуатации жилых и не жилых помещений на песках. Частые санитарные проверки продемонстрировали, что эти меры малоэффективны. В 1892 г. на некоторых песках по поручению губернского правления были выстроены больничные бараки для рабочих. Рабочие из инородцев, как правило, проживали на песках в чумах, куда перекочевывали со своей семьей с открытием рыболовного сезона.

Одна из особенностей организации рыбного промысла заключалась в том, что предпринимателям приходилось использовать труд наемных рабочих. В этом плане рыбопромышленность являлась одна из первых отраслей хозяйства в Сибири, где применялся наемный труд [Зиновьев 1999, 12]. Наемных рабочих на севере Тобольской губернии называли «караванными», т.к. они были в основном приезжими из соседних округов губернии. На рыбные промыслы нанимались в основном разорившиеся крестьяне из деревень Тобольского округа, ссыльные, коренные жители – бухарцы, татары, остяки, самоеды, а также использовался труд и военнопленных. Например, в 1915 г. на рыбопромышленных песках Бронникова работали до 30 чел. военнопленных [400 лет Тобольску 1987, 87]. В 1820-е г. на рыбопромышленные пески Западной Сибири ежегодно нанималось около 1800 чел., что составляло около 10% от всех наемных рабочих по Сибири [Зиновьев 2007, 24–25]. Львиная доля наемных рабочих в этот период времени было занято в водном транспорте. В 1850-е гг. численность наемных рабочих на песках увеличилась до 2100 чел., что составляло 3,8% всех сибирских наемных рабочих (57,4 тыс.) [Разгон 1999, 382; ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1858. Л. 13–16; Зиновьев 2007, 31]. В 1895 г. эти показатели равнялись 3500 чел. и 2,6% соответственно (от 142,2 тыс. чел.) [Зиновьев 2007, С. 87; Майский 1908, 30]. В начале XX в. численность наемных рабочих на рыболовных песках практически не изменилась, но их доля в общем числе наемных рабочих по Сибири уменьшилась в несколько раз и составила в 1908 г. – 0,6% (от 474 тыс. рабочих) [Зиновьев 2007, 47].

Как правило, на один невод требовалось около 10 рабочих. По имеющимся сведениям, в конце XIX в. только на некоторых промыслах насчитывалось от 50 до 70 рабочих, а у большинства рыбопромышленников число рабочих не превышало 24 чел. Наиболее крупные промыслы были у Нартымова, Плотникова, Бронникова, Корнилова, Матошина, Земцова [Варпаховский 1898, 84]. В конце XIX в. был обострен так называемый «рабочий вопрос», связанный с нехваткой рабочих рук.

Следует более подробно остановиться на социальной организации крупного неводного промысла, на котором основной производительной единицей был наемный рабочий. Рассмотрение положения рабочих на промыслах позволяет не только увидеть уровень жизни рабочего, но и представить устройство промысла, и его быт.

Очень яркие впечатления об устройстве заведений и быте рыбопромышленных песков первой половины XIX в. оставил путешественник М.А. Кастрен. Его взору предстал рыбопромышленный песок на Оби одного из нарымских купцов, которое состояло из помещений приказчиков, амбаров и примерно 20 юрт для рабочих. По своему строению юрты были очень малых размеров и разные по своему устройству. Путешественник после осмотра юрт рабочих про жилище приказчика писал, что «это подземелье имеет почти все принадлежности порядочного человеческого жилища: четыре стены, впрочем, земляные и покрытые толстым слоем плесени; крышу, снаружи обложенную торфом; очаг, сложенный из глины с сеном, скамью, дверь, несколько образов и т.д.» [Кастрен 1999, 87–88].

Наиболее полные сведения об экономическом быте на песках представлены в отчетах врачей, которые хронологически относятся к пореформенному периоду. Врачи фиксировали санитарное состояние рыбопромысловых заведений, что было необходимым не только для анализа общей ситуации на песках, но и для выработки некоторых правил и мер по организации промысла. Так, вследствие длительной эпидемии тифа в Березовском округе в 1885–1887 гг. губернские власти предприняли ряд мер по организации медицинской помощи рабочим и профилактике заболеваний. От низовья Иртыша до Обской губы были выстроены фельдшерские пункты, при которых находился врач, аптека и несколько больничных коек. Так, в 1894 г. было выстроено 16 фельдшерских барачков на 92 места [ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 352. Оп. 428. Л. 8]. Рабочие рыбопромысловых заведений, находившихся вблизи населенных пунктов, обслуживались непосредственно в городских и сельских больницах и фельдшерских пунктах.

О продолжительности рабочего дня можно судить по контрактам рабочих и предпринимателей. Продолжительность рабочего дня на рыбопромысловых заведениях определялась не в часах, а в количестве тоней (тоня – процесс рыбного лова от постановки невода, его закидывания и тяги). Судя по контрактам, последний был обязан в смену вытянуть 4–5 тоней, при условии, если будут работать две артели рабочих [ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 352. Оп. 1. Д. 428. Л. 6–7]. При этом стоит учитывать, что продолжительность неводной тяги была не одинакова для всех песков и зависела от положения самого песка, течения реки, длины невода и погоды. И.С. Поляков отмечал, что при хорошей погоде на тоню требовалось часа четыре. Получается, что смена могла продолжаться более 16 часов в сутки [Поляков 2002, 91].

Не регламентированный рабочий день был выгоден для рыбопромышленников. Работа на песках продолжалась до тех пор, пока смена рабочих не вытянет оговоренное количество тоней. Некоторые рыбопромышленники не брали на себя обязанность распределения рабочего времени. Преимущественно на песках работало по две артели рабочих, которым иногда предоставлялось право между собой оговаривать рабочее время, но при условии, что работа не должна была останавливаться вовсе [ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 352. Оп. 1. Д. 239. Л. 18].

Распорядок рабочего дня не был упорядочен. В среднем день рабочего распределялся следующим образом. С рассветом завтрак – чай с хлебом, в 11 часов обед, в 2–3 часа чай, и в 8 часов ужин. Пищевой рацион рабочих состоял из хлеба, вяленого мяса, рыбы и чая. При этом мясом кормили рабочих только по пути следования на песок и во время подготовительных работ. Рыба употреблялась в вареном, жареном и в сыром виде. На «сырое» рабочим предлагался сырок или недомуксун, а в остальных случаях в пищу шли малоценные породы рыб – щука, язь, налим и др. В 1892 г. Врачебная управа признала пищевой рацион рабочих «малопитательным и однообразным», и обязала владельцев песков дополнительно включить в пищу картофель, кислую капусту, крупу, масло и квас [ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 352. Оп.1. Д. 309, Л. 22]. Это постановление вызвало резкую критику со стороны промышленников. Рыбопромышленные пески не были специально оборудованы для сохранения быстро портящихся продуктов. Сезонность промысла и отдаленность песков от населенных пунктов способствовали некоторым ограничениям в пищевом рационе рабочих.

Одним из основных показателей экономического положения рабочих являлась заработная плата. Она могла зависеть от квалификации, социального и имущественного положения рабочего и

отдаленности рыбопромыслового песка от города. Судя по источникам, во второй половине XIX – начале XX в. средняя заработная плата рабочего на рыбопромысловом заведении составляла 20 руб. за сезон при хозяйском содержании [ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 352. Оп. 1. Д. 309. Л. 21; Д. 481. Л. 13–23]. В хозяйское содержание входила пища «свойственно чернорабочему», фунт табака в месяц, пара бродней и пара рукавиц. При такой низкой заработной плате, рабочим по договоренности с хозяином, предоставлялась возможность на песках заготовить себе рыбу впрок из соровых пород, которая в последствии могла идти на пропитание или на продажу. В 1896 г. по Самаровской волости плата неводным рабочим составляла 29 и 40 руб., по Елизаровской – 25, по Кондинской – от 30 до 50 руб. [Дунин-Горкавич 1995, 214]. В Нарымском крае минимальная заработная плата равнялась 35 руб. Относительно большая заработная плата объясняется тем, что в некоторых случаях рабочим гуся (кожаные рукавицы) и белья не выдавалось. Во-вторых, промышленник не производил больших затрат на транспортировку рабочих до песка, т.к. вся добыча рыбы сосредоточивалась невдалеке от населенных пунктов.

Жалование башлыка – руководителя промысла и более квалифицированного рабочего составляло от 50 до 100 руб. за лето, что намного больше жалования простого рабочего. В системе управления на песке башлык являлся вторым человеком после хозяина предприятия. На северообские промыслы башлыки нанимались в основном из северных волостей Тобольского округа – Уватской, Юровской, Демьянской и Филатовской. Крестьянское население этих волостей издревле занималось исключительно рыболовством, приобретая тем самым большие навыки и опыт, и поэтому рыбопромышленники стремились видеть их в качестве руководителей своих промыслов.

В 1880 г. тобольское губернское правление установила минимальную заработную плату рабочим в 30 руб. за сезон. Судя по отчетам полицейских чиновников и исправников, эта мера была не эффективна. В течение зимы крестьяне и инородцы должны были нести различные подати, чем пользовались рыбопромышленники. В Березовском округе инородцы, озабоченные необходимостью уплаты ясака, соглашались на неводные работы на меньшую заработную плату – до 25руб., а в Тобольском округе промышленники с крестьянами просто составляли фиктивные договора [ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 352. Оп.1. Д. 309, Л. 21, 28–30, 59–62]. В этом случае, определенную роль сыграла сложившаяся кредитная система. После возвращения осенью с промысла рыбопромышленники и крестьяне старались сразу

заключить контракт на следующий год, с предоставлением задатка. В историографии задаток рассматривался как экономическая кабала, которая прикрепляла рабочего к хозяину заведения. С другой стороны, этот факт можно рассматривать как взаимовыручку обеих сторон [Рабочий класс 1982, 132, 140]. Для некоторых слоев населения наем на промыслы были единственным способом заработка. Для рыбопромышленника, в условиях острой нехватки рабочих рук, предоставлялось возможность заранее гарантировать рабочую силу.

Размер жалования мог зависеть от возраста и пола рабочего. Для подсобных работ – приготовления пищи, уборки помещений, обработки рыбы на песок нанимались дети, женщины, старики. Заработная плата таких рабочих была намного ниже, чем у тех, кто занимался непосредственно неводьбой.

Не всегда между рыбопромышленниками и рабочими было взаимопонимание. В документах Тобольской врачебной управы отражены факты выступления рабочих на рыбопромысловых заведениях. В частности, отмечается, что в 1879 г. на промыслах Корнилова, Матошина, Новицкого рабочие жаловались санитарному врачу на плохое питание, избиения. В 1891 г. на Салымском песке купца Нартымова артель рабочих, недовольная плохими условиями труда и быта, разграбила пекарню, похитила лодку и уплыла в Тобольск. В 1892 г. подобные выступления произошли на песках купцов Тетюцкого, Хлестова, Матошина, Нартымова, где в общей сложности 51 чел. бросил работу [ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 352. Оп.1. Д. 239. Л. 147; Рабочее движение в Сибири 1988. Т. 1, 163, 186]. Причиной выступлений являлась низкая заработная плата и нежелание рыбопромышленников идти на компромисс. В начале XX в. причины стачек рабочих изменились: они требовали отдыха. Так было на одном рыбном промысле в Туруханском уезде летом 1910 г., на промысле Колесникова на Оби близ Колпашево 20 июля 1911 г. [Рабочее движение в Сибири 1991. Т. 3, 135–136, 151]. Надо сказать, что рыбаки были наиболее пассивными из пролетариев Сибири в защите своих прав.

В продолжение темы интересен аспект экономии средств рыбопромышленниками на заработной плате рабочих. По сведениям С.К. Патканова за один прогульный день некоторые рыбопромышленники штрафовали рабочих и отнимали по 50 копеек от заработной платы [Патканов 2003, 179]. При этом причина прогула хозяина неводного заведения мало интересовала.

Содержание медицинских пунктов, которые губернские власти стали открывать на песках, легло на плечи рыбопромышленников. В

1893 г. рыбопромышленник обязан был вносить по 2 руб. 20–50 коп. за каждого рабочего. Крупные рыбопромышленники без особых трудностей платили за медицинское обслуживание. С другой стороны, средние и мелкие промышленники не имели возможность тратить на содержание врача и медикаменты. Это сказалось на том, что некоторые крестьяне-рыбопромышленники в 1895 г. отказывались от занятий рыбным промыслом, а другие просто занижали общее число своих рабочих, что является одной из причин трудности подсчета рабочих рыбопромышленных заведений [ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 352. Оп. 1. Д. 428. Л. 49–51].

Интересно также поведение рыбопромышленников, которые сами проявляли инициативу по организации медицинского обслуживания рабочих на песках. В холерную эпидемию 1892 г. на некоторых промыслах и юртах промышленники выстроили больничные бараки по одному типу. А.Н. Варпаховский отмечал, что «несмотря на экстренность принятой меры и спешность работы, бараки устроены хорошо, хотя некоторые из них находятся в отдаленных безлесных местностях, куда доставить лес и рабочих – дело очень трудное» [Варпаховский 1898, 97].

Существенным показателем экономического положения рабочих являлись жилищные условия. Жилищные условия рабочего на рыбопромысловых заведениях зависели от финансового состояния самого промышленника. Самые скромные жилищные постройки на промысловых песках находились по Оби ниже Обдорска. Это можно объяснить дефицитом и дороговизной строительного материала – леса и отсутствием грамотных мастеров.

Для сравнения следует рассмотреть некоторые итоги санитарно-гигиенического осмотра рыбопромысловых заведений в Нарымском крае врачом Аккерманом. В 1879 г. Аккерман обследовал 13 рыбопромысловых песков, из которых он признал удовлетворительными заведения купцов Филева, Прянишникова и Валгусова. На всех песках, кроме заведения Прянишникова, были отмечены одинаковые помещения для рабочих, которые представляли собой полуземлянку из сруба, длиной в 5, шириной 4 и вышиной 1 сажень, где могли проживать от 15 до 18 чел. В общем, Аккерман подвел итог, что «занятия рабочих постоянно на свежем воздухе, при достаточном отдыхе и изрядной пищи, и отсутствия особенных вредных веществ, дает повод полагать, что при такой обстановке, развитие каких-нибудь болезней с характером эпидемии едва ли возможно». Наверняка чистота и порядок на Нарымских промыслах были явлением непостоянным. Сам Аккерман отмечал, что

рыбопромышленники знали заранее о планирующейся проверке и «постарались все невыгодное для себя скрыть, и показать все в праздничном виде» [ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1858. Л. 14].

В пореформенный период взаимоотношения между рыбопромышленниками и рабочими стали приобретать капиталистический характер. Губернские власти постепенно обязывали рыбопромышленников выполнять ряд требований по найму и содержанию рабочих. Так, в 1880 г. промышленники должны были при заключении контракта с рабочими использовать печатный бланк договора, где указывались обязанности обеих сторон. Такой контракт должен был засвидетельствован окружным исправником [ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 352. Оп.1. Д. 309. Л. 22].

Средства судоходства имели большое значение для рыбопромышленности Тобольской губернии. С их помощью осуществлялась транспортировка рабочих на пески, перевозка различных грузов и доставка продуктов промысла до рынков сбыта. До появления обского пароходства рыбопромышленники использовали дощаники грузоподъемностью до 15 тыс. пудов и малые суда – каюки вместимостью до 3 тыс. пудов. Цена первых составляла иногда более 2 тыс. руб., а каюков до 450 руб. В 1848 г. для промысла рыбы из Тобольска отправилось 7 дощаников и 8 каюков [Гагемейстер 1854.Ч. 2, 210]. Развитие со второй половины XIX в. пароходства по Оби позволило сократить рыбопромышленникам некоторые издержки по транспортировке. Крупными пароходоладельцами из рыбопромышленников в конце XIX– начале XX в. стали Корнилов, Плотников, Прянишников, Валгусов.

Наиболее важным остается определение объема добычи рыбы на капиталистических организованных промыслах. Это возможно только при учете того, что с таких рыбопромышленных песков, как правило, вывозилась только соленая и отчасти сухая рыба. Известно, что в конце XIX – начале XX в. с низовьев Оби вывозилось ежегодно около 300 тыс. пуд соленой рыбы [Дунин-Горкавич 1995, 243]. В этот же период в Нарымском крае купцы-рыбопромышленники добывали более 100 тыс. пуд рыбы ежегодно [Плотников 1901, 326–327]. Получается, только по самым скромным подсчетам, на капиталистических рыбопромышленных песках добывалось около 400 тыс. пуд рыбы.

Рыбопромышленные пески сыграли важную роль в расширении рынка сбыта продуктов традиционных промыслов коренных жителей. Увеличение эксплуатации песков в течении XIX – начала XX в. способствовало концентрации рыбопромышленных заведений по Оби. В среднем через каждые 20 верст по реке имелся рыбный промысел, на

котором коренным жителям предоставлялась возможность сдавать продукты своих промыслов. Путешественник И.С. Поляков, правда в обличительной форме, отмечал, что инородец, выловив пудового осетра, отправлялся за 10 верст к рыбопромышленнику для того, чтобы продать его за 15 коп. [Поляков 2002, 99]. Наверняка, предметом торгового обмена на песках была не только рыба, но и продукты других промыслов – пушнина, дичь, орехи, ягоды. Лесничий А.А. Дунин-Горкавич по этому поводу писал, что «нередко рыболовные угодья арендуются не столько для производства промысла самими рыбопромышленниками, сколько в целях занятия стратегического пункта среди окружающих инородческих кочевий для ближайшей возможности приобретения рыбы по дешевой цене путем обмена на различные товары» [Дунин-Горкавич 1995, 244].

Таким образом, рыбопромышленные пески (предприятия, заведения) играли важную роль в освоение, прежде всего северных регионов Западной Сибири. Их увеличение и концентрация на протяжении рассматриваемого периода способствовали не только развитию самой рыбопромышленности, но и увеличению численности населения, развитию торговли и втягивание местного населения в товарно-денежные отношения. Всего по Западной Сибири в конце XIX – начале XXв. насчиталось 212 рыбопромышленных песков, из которых 85 были организованы на капиталистических началах с общей численностью рабочих 3,5 тыс. чел. Добыча таких предприятий в конце XIX в. составляла минимум 400 тыс. пуд, или 31% от всего товарного улова рыбы по Западной Сибири. В общем, капиталистические отношения в Западно-Сибирской рыбопромышленности развивались медленно и были слабо представлены в крупном производстве края. На это указывает изменение доли занятых на промысле наемных рабочих – с 10% в 1820-е гг. до 0,6% в 1908 г. из общего числа наемных рабочих по Сибири.

Литература

400 лет Тобольску: Сборник документов и материалов. Свердловск, 1987. 256 с.

Абрамов Н.А. Описание Березовского края // Записки Императорского Российского географического общества. Кн. XII. СПб., 1857. С. 327–448.

Варпаховский А.Н. Рыболовство в бассейне реки Оби. СПб., 1898. 143 с.

Гагемейстер Ю. Статистическое обозрение Сибири. Ч. 2. СПб., 1854. 697, VI, II с., [35] л.

- Государственное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске (ГУТО ГА в г. Тобольске). Ф. 2. Оп. 1. Д. 64.
- ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 329. Оп. 13. Д. 206.
- ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 329. Оп. 13. Д. 249.
- ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 352. Оп. 1. Д. 239.
- ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 352. Оп. 1. Д. 309.
- ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 352. Оп. 1. Д. 418.
- ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 352. Оп. 1. Д. 428.
- Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 1443
- Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф.3. Оп. 3. Д. 3569.
- Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 2. Д. 1858.
- ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 329.
- Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. Т. 1. М., 1995. 376 с.
- Зиновьев В.П. Индустриальные кадры старой Сибири. Томск: Издательство Томского университета, 2007. 258 с.
- Зиновьев В.П. Нарымские рыбопромысловые пески // Земля Каргасокская. Томск, 1996. С. 214–221.
- Зиновьев В.П. Обские рыбопромышленники XVIII – первой половины XIX века // Российское купечество от средних веков до нового времени. М, 1993. С. 96–99.
- Зиновьев В.П. Сибирь в экономике России в XVIII – начале XX в. // Сибирь в составе России XIX – начало XX в. Сборник историко-статистических материалов. Томск, 1999. С. 9–40.
- Кастрен М.А. Сочинения в двух томах: Т. 2. Путешествие в Сибирь (1845–1849). Тюмень, 1999.
- Майский И. Рабочий вопрос на рыбных промыслах Тобольской губернии // Сибирские вопросы. 1908. № 19–20. С. 29–43; № 21–22. С. 19–30.
- Патканов С.К. Сочинения в 5-ти томах. Т. 3. Экономический быт государственных крестьян и инородцев Тобольского округа Тобольской губернии. Ч. 2. Тюмень, 2003. 312 с.
- Плотников А.Ф. Нарымский край: (5 стан Томского уезда, Томской губернии): Историко-статистический очерк / Сост. пристав 5 стана Томского уезда А.Ф. Плотников. СПб.: Тип. В.Ф. Киришбаума, 1901. [4], II, 366, [2], 17 с., 1 л. карт. // Записки Императорского Русского географического общества по отделению статистики. Изд. под ред. Н.В. Латкина. Т. 10. Вып. 1.

Поляков И.С. Письма и отчеты о путешествии в долину р. Оби, исполненным по поручению Императорской Академии наук. Тюмень, 2002. 200 с.

Рабочее движение в Сибири: историография, источники, хроника, статистика в трех томах. Том первый. XVII в. – 1904 г. Томск: Издательство Томского университета, 1988. 375 с.

Рабочее движение в Сибири: историография, источники, хроника, статистика в трех томах. Том третий. Июнь – 1907 г. – февраль 1917 г. Томск: Издательство Томского университета, 1991. 345 с.

Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск, 1982. 458 с.

Разгон В.Н. Сибирское купечество в XVIII – первой половине XIXв. Барнаул, 1999. 660 с.

Русанов И. Этнографический очерк Сургутского отделения Березовского округа Тобольской губернии // Подорожник: Краеведческий альманах. Вып. 4. Тюмень, 2004. С. 7–56.

Сведения о рыболовных угодьях Тобольского севера по регистрации 1914 г. Б. м., 1914. 72 с.

Сибирская торговая газета. 1898. № 216.

Сибирские и тобольские губернаторы: исторические портреты и документы. Тюмень, 2000. 577 с.

E.V. Sankin

Secondary school No. 25, Surgut

V.P. Zinoviev

National Research Tomsk State University

Fishing Sands of Western Siberia in the 19th – the Beginning of the 20th Century

Abstract. *The article is devoted to the study of fishing in Western Siberia during the 19th – the beginning of the 20th centuries. The fishing industry in Western Siberia was the branch of the region's economy in which the indigenous inhabitants of Siberia – Selkups, Khanty, Nenets, Siberian Tatars, Kyrgyz (Kazakhs) and Russian peasants and industrialists met. The largest fishing activity was concentrated on fishing sands. Fishing sands (enterprises, institutions) played an important role in the development, first of all, of the northern regions of Western Siberia. Their increase and concentration during the period under review contributed not only to the development of the fishing industry itself, but also to an increase in the*

population, the development of trade and the involvement of the local population in trade and monetary relations.

Keywords: *Siberia, 19th century, fishing, trade, indigenous population*

Семёнова О.А., Жукова А.Е.

*Ленинградский государственный университет
имени А.С. Пушкина (г. Пушкин г. Санкт-Петербург)*

**Наем евреями христианской прислуги в Сибири
во второй половине XIX в. на примере Томской губернии**

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 19-09-00297 «Прислуга Российской
империи в условиях модернизации социально-экономических
отношений во второй половине XIX – начале XX в.»*

Аннотация. *В статье анализируется проблема найма евреями христианской прислуги в Томской губернии во второй половине XIX в. Несмотря на существовавшие законодательные запреты, евреи Сибири, не имея возможности найти и нанять прислугу из своих единоверцев, были вынуждены пользоваться услугами христианской прислуги. В частности, на примере Томска продемонстрировано, что все еврей-купцы имели прислугу из христиан. Этот факт вызывал сильное беспокойство властей и церкви. Если местные власти, более реалистично представлявшие ситуацию, пытались найти пути решения данной проблемы в положительную сторону для евреев, то духовенство выступало резко против каких-либо изменений. Тем не менее, национальная политика Российской империи не способствовала благоприятному развитию сложившейся ситуации, поэтому инициативы по разрешению евреям на особых условиях нанимать христианскую прислугу не были поддержаны.*

Ключевые слова: *национальный вопрос, прислуга, евреи, христиане, церковь, Сибирь, Томск, Российская империя.*

На сегодняшний день всё, что касается темы «национального», является очень актуальным. Вопросы, посвященные национальным меньшинствам и их истории, занимают едва ли не ключевую позицию.

Их изучение имеет важное значение не только для глубокого понимания многих современных процессов, но и для комплексного анализа прошлого народов, населявших многонациональную и многоконфессиональную Российскую империю.

В предыдущих наших статьях «Наем прислуги евреями в Российской империи в конце XIX – начале XX в.» и «Культурный код на примере прислуги в Российской империи в пореформенный период» [Семёнов, Семёнова 2019; Жукова, Семёнов, Семёнова 2020] мы затрагивали вопросы, связанные со служением у евреев прислуги из иудеев и христиан, особое внимание, уделяя законодательству Российской империи в отношении этой категории населения. Но авторы не рассматривали особое положение евреев на территории Сибири, поэтому цель данной статьи – проанализировать особенности найма евреями христианской прислуги в Сибири во второй половине XIX в. на примере Томской губернии, а также выяснить, существовали ли отличия от остальной России.

Основными источниками для написания статьи явились неопубликованные делопроизводственные и личные документы, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве и Историческом архиве Омской области [РГИА.Ф. 323. Оп. 1. Д. 1056; ИАОО. Ф. 3. Оп.3. Д. 4660]. Также авторы анализировали законодательство Российской империи в отношении еврейского населения [ПСЗ РИ. Собрание 1649–1825. Т. 35, № 2735, 1818 г.; ПСЗ РИ. Собрание 1649–1825. Т. 37, № 28249, 1820 г.; Свод законов Российской империи, издания 1857 г. Устав о предупреждении и пресечении преступлений] и статистические данные Первой всеобщей переписи населения 1897 г. [Профессии и занятия населения].

Что касается историографии, то тема сибирских евреев привлекала большое внимание отечественных исследователей ещё с начала XXв. В этот период в свет вышли следующие труды: работа, посвященная евреям в Иркутске [Войтинский, Горнштейн 1915], очерк о правовом, экономическом и культурном положении евреев в Сибири [Островский 1911], руководство к русским законам о евреях [Мыш 1914].

История формирования еврейской общины на территории Сибири, эволюция их гражданско-правового положения и демографические аспекты представлены в современных работах таких историков, как В.Н. Шайдунов [Шайдунов 2008; Шайдунов 2012; Шайдунов 2013; Шайдунов 2014], Л.В. Кальмина, Ю.М. Гончаров и др. [Кальмина 2003; Гончаров 2012; Современное историческое сибиреведение; Иркутск еврейский].

Правовые линии рассматриваются О.С. Ульяновой, которая обращает внимание на противоречивость российского законодательства в отношении сибирских евреев во второй половине XIX – начале XX в. [Ульянова 2009; Ульянова 2010]. А.А. Кружалаина, обращаясь к «еврейскому вопросу», анализирует материалы сибирских периодических изданий, отмечая «терпимое, толерантное отношение к евреям со стороны сибиряков» [Кружалаина 2013]. Н.Б. Галашова в своей монографии отдельно рассматривает положение евреев в Томской губернии, останавливаясь на таких аспектах, как законодательство, роль евреев в социально-экономической жизни Томской губернии, формы национальной самоорганизации [Галашова 2006].

Тем не менее, вопросы найма прислуги сибирскими евреями в дореволюционной России еще не получили подробного освещения в отечественной исторической науке. Стоит добавить, что исследователи, занимающиеся вопросами прислуги, не затрагивали тему национальной специфики ее работы [Веремченко 2013; Веремченко 2014; Самарина 2020; Прислуга в Российской империи].

По закону на всей территории Российской империи евреям запрещалось держать у себя христиан для постоянных домашних работ. В положении было прописано, чтобы «евреи ни под каким видом не держали в домах своих для услуг христиан обоего пола...» [ПСЗ РИ. Собрание 1649–1825. Т. 37, № 28249, 1820 г.]. В виде исключения им разрешалось нанимать христиан для: 1) работ кратковременных, т.е. извозчиков, судорбочих, плотников, каменщиков и проч.; 2) помощи на хлебопашных, садовых и огородных работах, на землях евреям принадлежащих и, особенно в то время, когда нужна первоначальная обработка этих земель; 3) работ на фабриках и заводах, кроме винокуренных; 4) должностей комиссионеров и приказчиков по торговым делам; 5) должностей приказчиков и писарей по содержанию почтовых станций (Устав о предупреждении и пресечении преступлений 1857г. ст. 111). Также указывалось, что «лица женского пола христианского вероисповедания, нанимаемые евреями для приготовления пищи и белья служителям из христиан, также для работ на еврейских фабриках, должны жить не в одних домах с евреями, но отдельно, без этого условия наем их воспрещается...» [Свод законов Российской империи, издания 1857 г. Устав о предупреждении и пресечении преступлений].

Еврей-земледельцы Сибири, по словам Ю. Островского, постоянно прибегали к практике привлечения русских крестьян для обработки земли [Островский 1911, 14]. И это по закону было вполне допустимо.

Тем не менее, присутствовавшие в повседневной жизни расхождения закона и реальной действительности в некоторых случаях могли вызывать беспокойство местных властей и общества.

В 1861 г. в Томске случайным образом было выявлено, что еврейский купец держал у себя христианскую прислугу. У Бориса Леонтьевича Хотимского скоропостижно скончался православный караульщик дома Семен Кошанский. Сам Борис Леонтьевич служил поставщиком припасов у золотопромышленника И.Ф. Базилевского. С 1857 г. и до конца жизни входил в первую купеческую гильдию. Получал достаточно крупные кредиты в Ирбитском отделении Екатеринбургской конторы Государственного коммерческого банка; торговал русско-китайскими товарами через Кяхту [Дмитриенко 2014, 293]. Одним словом, был не последним человеком в городе.

Возвращаясь к происшествию, одним из важнейших его итогов стал следующий факт: в ходе следствия выяснилось, что Хотимский в принципе держал у себя христианского вероисповедания прислугу, а это являлось недопустимым по законам Российской империи [ИАОО.Ф. 3. Оп. 3. Д. 4660.Л. 1]. Дело закончилось не только тем, что на Хотимского наложили штраф (который не был взыскан, судя по сохранившимся документам), но и проверками всех евреев-купцов Томска. Как и следовало ожидать, христианская прислуга была найдена у всех их «без изъятия» [ИАОО.Ф. 3. Оп. 3. Д. 4660.Л. 2].

Поголовное нарушение закона объяснялось тем, что прислугу из «своих» найти было крайне тяжело. Условно сибирских евреев можно было разделить на четыре категории: ссыльные и их потомки, земледельцы, отбывающие воинскую повинность, случайные элементы [Островский 1911, 7–8]. Что касается положения в Томске, то «...все почти Евреи Томской губернии занимаются исключительно торговлею и ремеслами и весьма немногие нанимаются в услужение к своим единоверцам» – то есть, крайне незначительное число евреев было заинтересовано в работе прислугой. По Первой всеобщей переписи населения 1897 г. видно, что из 2407 чел. занятого населения всего 179 чел. (116 мужчин и 63 женщины) работали в сфере «Деятельность и служба частная. Прислуга, поденщики» [Профессии и занятия населения]. Поэтому, как мы видим, других вариантов, кроме как сотрудничать в этом деле с христианским населением, у евреев просто не было [ИАОО.Ф. 3. Оп. 3. Д. 4660. Л. 9 об.]. Соответственно, данные обстоятельства усложняли и без того непростое дело поиска и найма прислуги, а еврейское население оказывалось в практически безвыходном положении.

Проблема массового нарушения правил относительно найма евреями прислуги из христиан была вынесена на обсуждение в Томскую Консисторию [ИАОО.Ф. 3. Оп. 3. Д. 4660.Л. 8]. Основным тезисом, вызывавшим беспокойство священнослужителей, было то, что влияние евреев на христианскую прислугу губительно: «многие православные лица Томских приходов, находящиеся в услужении у евреев, не посещают храмов и не исполняют таинства Св. Причащения и в 1841, 1842 и 1859 годах в Каинске (*Значительную часть населения Каинска составляли евреи – ссыльные и их потомки (около 30 %). Каинск даже имел название «Сибирский Иерусалим»*) [Долгоруков 1897, 28] и Мариинске были случаи соращения в еврейскую веру 17 человек». В связи с этим, консистория ходатайствовала у гражданского начальства о том, чтобы для евреев в Сибири не было допущено «ни какого изъятия из общих законов, дабы не подать этим изъятием повода к новым случаям соращения Православных в Еврейскую веру» [ИАОО.Ф. 3. Оп. 3. Д. 4660. Л. 8–8 об.].

Томский губернатор А.Д. Озерский не был согласен с этим мнением и в своём письме Западно-Сибирскому генерал-губернатору А.О. Дюгамелю писал: «...я остаюсь при прежнем своем мнении об исключительности положения в Сибири Евреев и необходимости дозволить им содержать прислугу из Христиан, так как приведенные Преосвященным случаи соращения Евреями Христианской прислуги в еврейскую веру доказывают лишь не твердость убеждения совратившихся лиц в правилах Христианской религии, но отнюдь не выказывают желание Еврейского общества нанимать Христиан прислугу с целью обращать оную в свою веру... По всей вероятности, отчуждение в Сибири лиц православного исповедания от исполнения христианских обрядов имеет какое-либо другое основание, кроме столкновения Христиан с иноверцами» [ИАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 4660. Л. 9–10]. Он настаивал на том, что, в виде исключения, в Томской губернии евреям надо разрешить держать у себя христианскую прислугу, а, чтобы не беспокоиться за «чистоту веры», брать с евреев расписку, что те будут «давать ей [*прислуге*] полную возможность посещать храмы и исполнять все обряды и таинства, установленные Св. Церковью» [ИАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 4660. Л. 11].

Вопрос был настолько острым, что личная переписка двух высокопоставленных людей «вышла» на заседание Губернского совета. В 1863г. Совет высказался о необходимости дополнить правило III ст. Т.XIV Устава о предупреждении и пресечении преступлений: «...помещенное в ней запрещение Евреям нанимать христианскую прислугу не должно относиться до найма рабочих на винокуренные

заводы и золотые промыслы тех Евреев, которым будет разрешено Высшим начальством занятие означенными промыслами» [ИАОО. Ф.3. Оп. 3. Д. 4660. Л 33об.]. Т.е. новое дополнение опять никак не решало спора о найме евреями христиан для личного служения дома.

Правовед Н.Д. Градовский очень точно заметил, что законы, запрещающие трудовое взаимодействие между евреями и христианами нарушают «коренные законы о свободе договорных соглашений по личному найму, представляется мерою весьма стеснительною, в экономическом отношении, как для евреев, так и для самих христиан» [Градовский 1886, 234; По вопросу о воспрещении евреям держать христианскую прислугу, 36–39].

В 1866 г. с этой проблемой обратились в Министерство внутренних дел. «Приняв во внимание невозможность для евреев, находящихся в Томске, иметь прислугу не из христиан; несвоевременность дальнейшего производства дела о проживании христианской прислуги у евреев...» [ИАОО.Ф. 3. Оп. 3. Д. 4660.Л. 52], ответ на запрос был очевидным: решено было «делу хода не давать, но окончательно не завершать» [ИАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 4660. Л. 55].

Таким образом, реальная же картина была такой, что евреи Томской губернии повально нарушали нормы закона и имели прислугу из христиан. Противником такой формы взаимодействия выступала церковь, как главный борец за «чистоту веры», а вот местная власть, осознавая крайнюю затруднительность исполнения закона, наоборот стремилась поддержать евреев.

Все попытки официально узаконить наем евреями христианской прислуги, даже как пилотный проект на определенной территории, были обречены. Чиновники верхнего эшелона власти не хотели создавать опасный прецедент и выходить за рамки закона.

Проводимая государством политика была направлена на ущемление прав евреев. Некой точкой в отношении сибирских евреев стало решение I общего собрания Сената от 19 декабря 1897 г. В нём было указано, что приезд и водворение в Сибири каких-либо категорий евреев, даже и привилегированных, не могли быть допущены, и что евреи, вновь прибывшие в Сибирь, подлежали выселению [РГИА.Ф. 323. Оп. 1. Д.1056. Л. 1]. Это стало для всех явным посланием о том, что вопросы каких-либо поблажек евреям обсуждаться не будут, и рабочие взаимоотношения так и останутся в тени правового поля.

Литература

Веретенко В.А. Домашняя прислуга в дворянских семьях России во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Ленинградского

государственного университета имени А.С. Пушкина. 2013. Т. 4. История. № 1. С. 181–191.

Веремченко В. А. Организация найма прислуги в городах России во второй половине XIX – начале XX в. // Модернизация в России: история, политика, образование: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, Санкт-Петербург, 05 апреля 2014 года. СПб.: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2014. С. 87–96.

Войтинский В.С., Горнштейн А.Я. Евреи в Иркутске. Иркутск: Хоз. правл. Иркут. евр. молитв. дома и Иркут. отд. Общ. распространения просв. между евреями в России, 1915. 393 с.

Галашова Н.Б. Евреи в Томской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. Красноярск: Красноярский писатель, 2006. 241 с.

Гончаров Ю.М. Особенности формирования еврейской общины Сибири XIX – начала XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2012. №4-1 (76). С. 68–72.

Градовский Н.Д. Замечания на записку князей Голицыных о черте оседлости евреев. СПб.: тип. В.Ф. Киршбаума, 1886. 262 с.

Дмитриенко Н.М. Томские купцы: биографический словарь (вторая половина XVIII – начало XX в.). Томск: Изд. Томского ун-та, 2014. 336 с.

Долгоруков В.А. Путеводитель по всей Сибири и среднеазиатским владениям России. Томск: Тип. Г.В. Прейсман и Н.Я. Беляев, 1897. 548с.

Жукова А.Е., Семёнов А.М., Семёнова О.А. Культурный код на примере прислуги в Российской империи в пореформенный период // Вопросы истории. 2020. № 10-1. С. 179–186. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202010Statyi12.

Иркутск еврейский: двести сюжетов из жизни 200-летней общины / Отв. редактор А. Гимельштейн; ред.-сост. Ю. Караваева. Иркутск: Изд. «Востсибкнига», 2018. 304 с.

Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. 3. Оп. 3. Д. 4660.

Кальмина Л.В. Еврейские общины Восточной Сибири. Автореферат дисс. ... д.и.н. Иркутск. 2003.

Кружалина А.А. «Еврейский вопрос» по материалам сибирских газет второй половины XIX в. // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2013. № 2-2. С.157–166.

Мыш М.М. Руководство к русским законам о евреях. СПб.: тип. А. Бенке, 1914. 652 с.

Островский Ю. Сибирские евреи. СПб.: тип. И. Лурье и К°, 1911. 62 с.

По вопросу о восприятии евреем держать христианскую прислугу // Русь. 1884. №2. С. 36–39.

Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗ РИ). Собрание 1649–1825. Т. 35, № 2735, 1818 г. О не отдаче должников, из христиан, евреям для заработка долговых сумм. URL: http://nlr.ru/eres/law_r/search.php (дата обращения 25.05.2021 г.).

ПСЗ РИ. Собрание 1649–1825. Т. 37, № 28249, 1820 г. О недержании евреями в домашнем услужении христиан. URL: http://nlr.ru/eres/law_r/search.php (дата обращения 25.05.2021 г.).

Прислуга в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в.: сборник документов и материалов / Отв. ред. В.А. Веремченко. СПб.: Медиапайр, 2020. 184 с.

Профессии и занятия населения Российской империи конца XIX – начала XX века. Анализ данных Первой всеобщей переписи населения 1897 г. URL: <http://stat1897.histcensus.asu.ru/data/> (дата обращения 27.05.2021 г.).

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 323. Оп. 1. Д. 1056.

Самарина Л.А. Прислуга в социальной структуре Российской империи второй половины XIX – начале XX в.: к вопросу о статусе // Реформы в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы международной научной конференции / Отв. ред. В.А. Веремченко, В.Н. Шайдулов. СПб.: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2020. с. 283-289.

Свод законов Российской империи, издания 1857 г. Устав о предупреждении и пресечении преступлений. URL: <https://runivers.ru/bookreader/book388229/#page/314/mode/1up> (дата обращения 17.05.2021 г.).

Семёнов А.М., Семёнова О.А. Наем прислуги евреями в Российской империи в конце XIX – начале XX в. // Клио. 2019. № 10 (154). С.45–50.

Современное историческое сибиреведение XVIII – начала XX в.: Сборник научных трудов / под ред. Ю.М. Гончарова, В.Н. Шайдулова. СПб.: Медиапайр, 2020. 294 с.

Ульянова О.С. Еврейское население в экономической, социокультурной и общественно-политической жизни города Томска (вторая половина XIX – 20-е гг. XX столетия). Томск: Изд. Томского ун-та, 2010. 243 с.

Ульянова О.С. Правовые аспекты российского законодательства о въезде евреев в Сибирь во второй половине XIX – начале XX вв. // Вестн. Том. гос. ун-та. 2009. № 324. С. 213–215.

Шайдуrow В.Н. Евреи и их место в хозяйственной жизни Западной Сибири во второй половине XIX в. // Новый исторический вестник. 2014. № 39. С. 21–35.

Шайдуrow В.Н. Евреи, немцы, поляки в Западной Сибири XIX – начала XX в. СПб.: Невский институт языка и культуры, 2013. 260 с.

Шайдуrow В.Н. Национальные общины Западной Сибири второй половины XIX – начала XX вв. (по материалам периодической печати) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2008. № 1 (41). Вып. 5. С. 65–72.

Шайдуrow В.Н. Об особенностях формирования еврейского населения Сибири в первой половине XIX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 4. С. 82–86.

Olga A. Semenova, Anastasia E. Zhukova
Pushkin Leningrad State University

Hiring Christian Servants by the Jews in Siberia in the Second Half of the 19th Century on the Example of the Tomsk Province

***Abstract.** The article analyzes the problem of hiring Christian servants by the Jews in Siberia in the Tomsk province in the second half of the 19th century. Despite the existing legal prohibitions, the Jews of Siberia, unable to find and hire servants from among their fellow believers, were forced to use the labor of Christian servants. In particular, the example of Tomsk demonstrated that all Jewish merchants had Christian servants. This fact caused concern for the authorities and the church. While the local authorities, who had a more realistic view of the situation, tried to find ways to solve this problem according to the Jews' interests, the clergy strongly opposed any changes. Nevertheless, the national policy of the Russian Empire did not contribute to the positive development of the current situation, therefore, initiatives to allow Jews to hire Christian servants on special conditions were not supported.*

***Keywords:** national question, servants, Jews, Christians, church, Siberia, Tomsk, Russian Empire.*

Колокольцева Н.Ю.

Алтайский государственный университет (г. Барнаул)

Роль инородцев в развитии торговых отношений в Сибири во второй половине XIX в.

***Аннотация:** Роль Сибири в процессе становления и развития России трудно переоценить. Областники уже в XIX в. говорили о колониальном характере взаимоотношений России и Сибири. В истории классических колониальных империй можно найти хрестоматийные примеры отношения завоевателей и коренного населения во всех сферах жизни. Отношения русских и инородцев в Сибири в процессе развития торговли нельзя оценивать однозначно негативно. Это были отношения, характеризующие «догоняющую модернизацию» в России.*

***Ключевые слова:** Сибирь, торговля, инородцы, купечество, внешняя торговля.*

Вторая половина XIX в. для Российской империи это времена начала больших изменений. Либеральные реформы 1860–1870-х гг. придали новый импульс развитию отечественной экономики. Россия уверенно встала на путь развития капитализма.

Сибирь, в силу удаленности и традиционного невнимания императорской власти к вопросам развития региона, восприняла её как сырьевого придатка, развивалась более медленно, но все-таки новые экономические начала обозначились и здесь. Добывающая промышленность Сибири не могла быстрыми темпами пройти путь модернизации. Причина тому, позднее осознание необходимости преобразований со стороны владельцев и управляющих, отсутствие сформированного рынка рабочей силы и т.д. Первыми признаками капитализации Сибири можно назвать активное развитие торговли, с выходом на международный уровень, поиск и развитие новых путей сообщения. Большая роль в этих начинаниях принадлежало представителям купеческого сословия. Они, по логике развития европейского капитализма, должны были стать основой для формирования класса буржуазии, который крайне сложно формировался в Европейской России и абсолютно не сложился в Сибири. Сибирское купечество руководствовалось принципами

выгоды. Поэтому они стали инициаторами развития новых путей сообщения.

Купец Н.М. Чукмалдин был одним из сторонников развития идеи Северного морского пути. А.К. Трапезников первый вложил деньги в пароходное сообщение с Европой через Карское море, что первоначально имело успех. Развитие Северного морского пути – одно из начинаний Н.М. Чукмалдина, который определил экономические перспективы взаимодействия с Европой, с учётом роста стоимости железнодорожного сообщения, приводившего к невыгодности зерновых перевозок. Архангельский и красноярский купец 1-й гильдии М.К. Сидоров посвятил свою жизнь и потратил весь капитал на всестороннее исследование Севера и определение перспектив Северного морского пути. Таким образом, предпринимательство сочтало элементы собственной выгоды и общественной. [Кельин 1898, 34].

Развитие торговли сопровождалось более активным установлением рыночных отношений с инородцами. Купцы взаимодействовали с коренными жителями, которые обладали природными ресурсами и готовы были за незначительные суммы или спиртное работать в качестве поставщиков. В данных случаях предпринимательская инициатива приобретала весьма своеобразные черты, сводившиеся к стремлению наживаться за счёт доверчивости и безграмотности коренного населения: «Русские купцы, снабжая остяков и самоедов, принимали за правило снабжать инородцев привозными товарами в долг до ярмарки или до следующего года, и это продолжалось из года в год, так что инородцы постепенно закабалились не только за себя, но и за детей. Остяки были честны и простосердечны и платили долги. Купцы, пользуясь случаем, продавали затхлую муку, так они сделали в 1862 г. Когда случился недостаток хлеба, начали инородцам вытаскивать из амбаров остатки прежней муки со всяким сором, пылью, мышинным помётом и продавать по каким угодно ценам». [Ядринцев 1882, 278].

Значительное место в сибирском торге занимали так называемые бухарские товары, поступавшие из Средней Азии. На «азиатском» направлении специализировались в основном торговцы из городов Западной Сибири: Тобольска, Туринска, Томска, позднее – Омска, Семипалатинска, Усть-Каменогорска, Петропавловска.

Русские продавали казахам и бухарцам кожи, сукна, холсты, металлические изделия, меха, одежду, галантерейные товары (иглы, серьги, гребни), деревянные изделия, бумагу, воск, рыбу, хлеб. В обмен, помимо скота, получали главным образом китайские и бухарские ткани

(хлопчатобумажные, шелковые и льняные). Торговля шла преимущественно не на деньги, а на обмен.

Казачи и мещане вели торговлю с инородцами известными методами: снабжали вином и разным товаром в долг под промысел зверя. Так же, как и на севере, имел место кредит, но главным образом под орех. Пушнина во второй половине XIX в. только покупалась. Русские крестьяне прямо на промысле меняли орех на сухари, чай, свинец и пр. Оборот русско-китайской торговли постоянно рос, составляя в 1755 г. 0,8 млн. руб., в 1800 г. – 8,3, в 1850 г. – 13,8 млн. руб. Торговля с Китаем определяла и стимулировала развитие многих отраслей сибирской экономики, особенно в Восточной Сибири: пушного промысла, транспорта, скотоводства, земледелия, кожевенной промышленности (которая, кроме продукции на продажу, давала кожу для обшивки ящиков с китайским чаем). Она активизировала и российскую европейскую промышленность. Многие российские товары, в первую очередь сукно, уходили в Китай.

Во второй половине XIX в. происходят изменения и в торговле с Китаем. Открытие Суэцкого канала облегчило и ускорило сношения европейских стран с Китаем. Чай и другие китайские товары начинают поступать в Европу морским путем. Таможню из Кяхты в 1861 г. перевели в Иркутск. С того же года китайцам было разрешено производить беспошлинную торговлю в России на расстоянии 50 верст от границы. В это же время русские купцы начинают завозить свои товары непосредственно в Китай и закупать там чай, отправляя его морем в Одессу. Начиная с 1863 г. в Китае возникают русские чайные фабрики и торговые конторы по вывозу чая. Монополия Кяхты в русско-китайской торговле закончилась. Из главного центра этой торговли Кяхта к 70-м гг. XIX в. превратилась в транзитный пункт. Тем не менее ввоз китайского чая через Кяхту увеличился. Дело в том, что морским путем вывозили главным образом более дорогой, байховый чай, кирпичный же и зеленый сорта, ставшие предметом широкого потребления в России, продолжал в большом количестве поступать по традиционному пути через Кяхту. Спрос на чай возрастал.

Г.Н. Потанин обращал внимание на роль инородческого населения в установлении внешнеторговых отношений с Монголией. Резкое обогащение телеутов на Алтае вызвало конкуренцию со стороны бийских купцов, которые вытеснили их с этого направления торговли. [Потанин 1884–1885, 222]

Во второй половине 1870-х гг. бийские купцы начали торговать с Монголией через Чуйский тракт. Фактории купцов-«чуйцев» были открыты в Калгане, Кобдо, Суджоу, Улясутае. В Монголию вывозили

сукна, бумажные, льняные и пеньковые ткани, металлические изделия, юфть и другие выделанные кожи, хлеб, бакалею, галантерею. Большую прибыль приносила торговля пантами (рогами оленя-марала). Из Монголии бийские купцы получали шкурки сурка, рогатый скот и др. Торговля с Монголией оказывала благотворное влияние на экономику Бийска и его округа. К концу XIX в. общий оборот торговли с Монголией достигал 600 тыс. руб. в год. Крупнейшими торговцами-чуйцами были купцы А.Д. Васенев, Н.И. Ассанов, Г.Г. Бодунов.

Н.М. Ядринцев и Г.Н. Потанин, отстаивая областнические идеи, фактически закрепили образ неравных торговых отношений русского и коренного населения. Но стоит отметить, торговля в Сибири на тот момент была в стадии затяжного становления и использование грубых методов отстаивание личной выгоды, были широко распространены. Обман практиковался настолько часто, что честные методы ведения торговли воспринимались как заведомо убыточные. Данный факт ярко описал в своей автобиографии купец И.В. Кулаев [Кулаев 1999].

Показательна история становления села Шебалино. Село основано бийскими купцами в 1833 г. как перевалочный пункт по Чуйскому тракту, но только в 1860 г. здесь появились первые русские переселенцы – всего 8 чел., причем расположились они здесь незаконно – землями здесь владели «горные калмыки» (ойроты, теленгеты) – и жили в постоянном страхе, что их выгонят; затем к ним присоединились крещенные алтайцы. Название села происходит от фамилии смоленского купца второй гильдии Шебалина, который первый построил здесь свою заимку – несколько юрт, использовавшихся для складирования товара. Затем здесь же расположили свои склады другие купцы. Бийские купцы вели интенсивную торговлю с местным населением, а затем с Китаем и Монголией. Именно их стараниями был проложен торговый путь из Бийска в Чуйскую степь. В Россию везли зерно, скот, орех и пушнину, китайцы приобретали маральи панты. Купец Чендеков владел в Шебалино кожевенным заводом, на котором работали батраки, мельницей, и маслобойкой, тоже с размахом занимался торговлей. Самым богатым шебалинским купцом в начале XX в. был Алексей Попов – он имел два маральника, а за продажу шерсти, кожи, ореха, пушнины, маральих пантов он за один сезон выручал по 60–70 тыс. рублей. Дом-музей купца Попова сохранился и является достопримечательностью села.

В. Радлов, описывая свое путешествие по Горному Алтаю, приводит один поучительный эпизод, происшедший с неким купцом. Приехав торговать к сойотам (тувинцам), он ничего не принес в дар зайсанам. Несоблюдение векового обычая горцев (правда, по незнанию) дорого

обошлось купцу: он был обкраден местными аборигенами. Они забрали весь его товар и увели всех его лошадей. Незадачливый торговец хотел пожаловаться, но слушать его просто никто не стал. Так, ничего не добившись, ему пришлось пешком отправиться домой. Принимая во внимание все недочеты первых путешествий в горы Алтая, купцы стали впоследствии ездить туда уже группами, а не поодиночке. Привезя товары, они складывали их в одном месте, обязательно закрывали войлоком и охраняли. Для этого часть прибывших садилась вокруг этого войлока, а другая – отправлялась торговать. Учитывая печальный опыт предшественников, оставшиеся знали, что аборигены, несмотря на полученные подарки, все же будут пытаться что-нибудь украсть у приезжих.

Местное же население, не раз подчеркивали современники, являлось обладателем богатейших сырьевых ресурсов, но оно не ведало его реальной ценности, а потому и отдавало, к примеру, соболя за нитку дешевых стеклянных бус. Важным каналом накопления купцами, в частности бийскими, немалых состояний была торговля в долг. Приезжая в алтайские стойбища, они начинали заводить нужные знакомства, широко используя для этого спиртные напитки. Как показывала практика, большинство должников были не в состоянии выплатить все долги сразу и просили об отсрочке. Этот вопрос практически всегда решался положительно, правда, при условии положения на остаток долга нового процента. Таким образом, стоило инородцу хотя бы один раз попасть в долг к торговцу, выбраться из него уже не было возможности.

Проживание на одной территории способствовало заключению браков между русскими и инородцами. Иногда это, как гласили семейные легенды, было началом династии, с браком приходил капитал. Так потомки алтайских купцов Федуловых писали, что род идёт от «золотозаводчика» Щёголева. Прадед нашёл крупную золотую жилу на Урале, затем женился на единственной дочери предводителя племени остяков, которые там жили, оформил на себя землю в качестве приданого. Племянница (в первоначальном варианте воспоминаний «единственная дочь») Щёголева вышла замуж за приказчика Иннокентия Федулова. Их сын, Иван Иннокентьевич Федулов, уже был купцом 1-й гильдии.

В печатном варианте, процесс объединения рода Федуловых и Щёголевых представлен иначе. Щёголев завещал всё имущество Иннокентию Федулову, который женился на вдове Щёголева. Семейная легенда представляла один из наиболее распространённых способов создания капитала: брак по расчету.

Однако по официальным документам выявляется совершенно другая картина. Прежде всего, переход имущества Щёголевых, в которое входило крупчатная мельница, золотые прииски, ренсковый погреб, лавка в Барнауле, дома связан с именем не Иннокентия, а Ивана Иннокентьевича Федулова, который был управляющим на мельнице. Вдова Щёголева, Пелагея Ивановна, умерла в 1871 г. в возрасте 65 лет, в то время как, Ивану Иннокентьевичу было тогда только 36. Сведений о заключении этого неравного брака, который мог быть осуждён обществом, нет. Но имеется иск наследников Щёголевых, которые пытались опротестовать завещание, гласившее, что основным наследником имущества становился И.И. Федулов. Подделка завещания не была доказана. [АГКМ (Алтайский государственный краеведческий музей). ОФ. 17816. НВФ. 6617/1. Л. 1.]

Перепись 1897 г. показывает, что в целом в Сибири превалировало русское купечество (75,8%), довольно значительной оказалась прослойка еврейского купечества – 20,3%. В числе прочих национальных групп были представители коренных народов Сибири (якуты, сибирские татары, «сибирские бухарцы», буряты и прочие), а также представители многих народов, населявших страну – поляки, немцы и др. Однако в среде русских купцов из среды старожилов было немало потомков «сибирских инородцев», детей и внуков из смешанных семей. На это, например, обратил внимание И.В. Кулаев. Об одном из крупнейших предпринимателей Восточной Сибири Михаиле Бутине он писал: «Внешность Бутина выдавала его азиатское происхождение. Родом он был из Нерчинского округа Забайкальской области, и, кажется, его предки принадлежали к тунгусам...». Этот же автор характеризует томского купца Захария Цыбульского так: «Уроженец Минусинского округа, он по своему физическому типу напоминал несколько местных инородцев». [Кулаев 1999]

Известные забайкальские купцы Кандинские (Кондинские) вели родословную от «инородцев» Западной Сибири. Именно из этой семьи вышел всемирно известный художник, один из столпов русского авангарда, Василий Кандинский.

Значительная прослойка еврейского купечества в Сибири объясняется, прежде всего, ссылкой. Многие высланные в Сибирь из «черты оседлости» или их потомки занимались торговлей, часть торговцев становилась гильдейскими купцами. Доля купцов еврейской национальности особенно велика была, по данным переписи населения 1897 г., в городах: Баргузине Иркутской губ. – 88% (30 чел.), Верхнеудинске Забайкальской обл.– 55,6% (134 чел.), Мариинске Томской губ. – 54,8% (51 чел.), Каинске той же губернии — 48,6% (35

чел.), Чите — 46% (97 чел.). Городок Каинск современники даже называли «Сибирским Иерусалимом».

Следует признать, что инородцы и представители других национальных объединений сыграли важную роль в развитии торговой системы Сибири. Отношения русских и инородцев далеко не всегда носили характер однозначного обмана, который могли с успехом применять обе стороны. В результате этого взаимодействия и сложились характерные тенденции развития Сибири. С одной стороны, Сибирь воспринималась как окраина, с другой стороны, во второй половине XIX в. пришло осознание значимости ее пограничного положения с территориями Центральной Азии, Китаем, возможностью выхода к Ледовитому и Тихому океанам. Императорская власть ставит под контроль действующие и открывает новые таможи. Исследуются возможности развития Северного морского пути, акватории Амура. Это имело особое значение не только для развития Сибири, но и в условиях сложившейся международной обстановки.

Предприимчивость торговцев Сибири зачастую объяснялась удаленностью центральной власти (Кяхта была в 6000 км от Санкт-Петербурга), что формировало убежденность в возможности и дозволенности использования любых методов обогащения. Христианизация инородцев воспринималась как способ сближения с коренными народами, подчинения их российской власти. Однако, сохранение самобытности данных групп населения говорит об интуитивном сохранении своего мира коренными народами.

Литература

Алтайский государственный краеведческий музей (АГКМ). ОФ. 17816. НВФ. 6617/1.

Кельин В., Чукмалдин Н. Северный морской путь. СПб., 1898. 34 с.

Кулаев И.В. Под счастливой звездой. Воспоминания. М., 1999. 296с.

Потанин Г.Н. Алтай // Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. – СПб., 1884–1885. – Т.11.

Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. СПб., 1882. 450 с.

N.Y. Kolokolceva
Altai State University

The Role of Aliens in the Development of Trade Relations in Siberia in the second half of the 19th Century

***Abstract.** The role of aliens Siberia in the process of formation and development of Russia is difficult to overestimate. Oblastniki already in the 19th century spoke about the colonial nature of the relationship between Russia and Siberia. In the history of classical colonial empires, one can find textbook examples of the relationship between the conquerors and the indigenous population in all spheres of life. The relations of Russians and foreigners in Siberia in the process of trade development cannot be assessed unambiguously negatively. It was a relationship that characterized the "catching up modernization" in Russia.*

***Keywords:** Siberia, trade, aliens, merchants, foreign trade.*

Чуркин М.К.

Омский государственный педагогический университет (г. Омск)

Имперские принципы управления Степным краем во второй половине XIX в. в репрезентации эго-текстов колониальных экспертов

***Аннотация.** В статье на основе анализа дневника А.К. Гейнса и воспоминаний И.Ф. Бабкова выявлены репрезентации имперских принципов управления Степным краем во второй половине XIX в. Обосновано, что привлечение дневников и мемуарных текстов экспертов колониационного дела в Степном крае, предоставляет шанс более полной реконструкции моделей организации имперского пространства на восточных окраинах страны, выявления сложного механизма взаимодействия акторов и субъектов колонизации: центральной и региональной бюрократии, представителей научных сообществ и общественных сил, социальных, этнических, конфессиональных групп региона.*

***Ключевые слова:** дневники А.К. Гейнса, мемуары И.Ф. Бабкова, колонизация, имперские принципы управления, источники личного происхождения, репрезентации, Степной край*

По утверждению М. Ходарковского, экспансия России на юг и восток не была случайной, подчиняясь строгой логике, представляя собой целенаправленное движение, в котором экспансия и колонизация новых регионов и народов, оставалась определяющим атрибутом имперской политики [Ходарковский 2019, 9]. Трудно не согласиться с мнением авторитетного американского историка, сообразно с которым активная деятельность России на восточных рубежах имела исторические корни и являлась, ещё со времён Московского централизованного государства, практическим переосмыслением опыта и стратегией предотвращения печальной судьбы крупнейших мировых империй – Римской и Византийской, рухнувших под ударами германских «варваров» и турок-османов [Ходарковский 2019, 8].

В результате, в хронологических границах XVI – первой половины XIX в. имперская политика России на восточных окраинах трансформировалась от организации защиты фронтальных территорий от степных кочевников, к завоеванию приграничных земель, превращению индигенных народов в субалтернов империи.

К середине XIX в., подобная политика получила и теоретические обоснования. В рамках эволюционистской концепции утверждается положение об универсальных закономерностях всемирно-исторического процесса. При этом «дикие» народы рассматривались как ранний этап истории человечества. В то же время обширный фактический материал, задействованный адептами эволюционизма, плохо согласовывался с эволюционистскими схемами, нередко противоречил им, а лабораторные выводы исследователей, воспринимались как руководство к действию политиками. Так, идея о непрерывном прямолинейном развитии общества от простого к сложному, путём количественных изменений не подтверждалась историческим опытом, но была необыкновенно популярна в колониальном контексте реальности, поскольку оправдывала деятельность колониальных администраций, понимаемую как культуртрегерскую.

В рамках ориенталистской теории, складывается представление интеллектуальных элит об азиатском фронтире, как «собственном Востоке» России, которому представители высшей цивилизации могут предложить максимально справедливую систему государственного и

общественного устройства [Тольц 2013, 51–52], что наиболее предметно отразилось в дискурсе экспертов колонизации.

Несомненно, что участие российского государства в освоении и «присвоении» территорий Степного края в XVIII – начале XX в., является одним из знаковых сюжетов истории «внутренней» колонизации, запечатлевших имперский опыт организации управления на восточных окраинах страны. Обсуждение имперских практик управления в Степном крае, весьма объёмно представлено в отечественной и зарубежной историографии, на современном этапе которой сложилось устойчивое мнение о регионе, как зоне активной коммуникации центральной и региональной бюрократии, в условиях этнической, социальной, конфессиональной гетерогенности и нестабильности [Дамешек 2002]; [Реминов 2015]; [Чуркин 2019]; [Чуркин, Токмурзаев 2019]. По констатации исследователей, в 1860-х – 1870-х гг. в имперской политике России по отношению к территориям Степного края, произошёл отчётливый поворот от военно-политических действий к аграрному освоению, что сопровождалось формированием стратегий и разработкой проектов «оцентрирования» колонизируемых территорий. Очевидно, что изменившиеся условия колонизационного процесса, повлекли за собой и определённые трансформации в области форм и методов имперской политики на восточных окраинах, благоприятным фоном реализации которой стали либеральные реформы и активное включение общества в обсуждение актуальных социально-политических тем. В исследуемый период происходило формирование общественно-политического дискурса колонизации окраин империи, в границах которого действующими агентами оказывались не только акторы власти, но и значительная часть образованного сегмента российского общества, в чьих текстах репрезентировалась широкая палитра представлений о причинах, ходе и перспективах государственной колонизации региона, вариантах урегулирования конфликтов между субъектами колонизации: переселенцами из европейских губерний России, казачеством и коренным населением, что в значительной степени актуализировало и вопросы организации управления в новых социокультурных и политических обстоятельствах.

Рубеж XX–XXI вв. был отмечен всплеском исследовательского интереса к изучению представлений о регионе интеллектуальной и политической элиты модернизированной империи и был связан с актуализацией вопроса о так называемой «второй реальности», истории коллективных представлений и социокультурном мифотворчестве [Родигина 2006]. В сложившейся ситуации важную роль в организации

исследований стало выполнять обращение к дискурсивным практикам эпохи, в том числе в связи с особенностями формирования «имперской ситуации» в условиях освоения восточных окраин России. Соглашаясь с мнением о том, что дискурс - это корпус текстов, связанных определённой содержательной согласованностью при обязательном присутствии коммуникативного пространства [Денисов 2012, 166], отметим, что в условиях аграрного освоения степных территорий Зауралья во второй половине XIX – начале XX в. наиболее рельефно отразилось соперничество дискурсов, интеллектуальное поле которых по большому счёту структурировалось как противоборство проектов инкорпорации региона в общеимперский конструкт, где властный и общественный дискурсы репрезентировали диаметрально противоположные варианты «присвоения» пространства, ставшего объектом реализации имперских интересов.

В данном отношении особую актуальность приобретает обращение к репрезентациям имперских принципов управления окраинами страны в источниках личного происхождения, статус которых в научных исследованиях долгие годы позиционировался как периферийный, а абсолютный приоритет оставался за нормативно-правовыми актами и материалами официального делопроизводства. В данном отношении мнения непосредственных участников колонизационного процесса, общественных деятелей, выполнявших в той или иной мере функции имперских экспертов, отодвигались на дальний план, не вписываясь в часто навязываемую историографической традицией сюжетную канву. Между тем, личные тексты, предоставляют исследователю, как полагал М. Фуко, возможность «восстановить текст, тонкий и невидимый, который проскальзывает в зазоры и между строчками, и потом раздвигает их» [Фуко 1996, 28], и тем самым принять непосредственное участие в конструировании исторического события.

Таким образом, цель статьи заключается в раскрытии содержания репрезентаций имперских принципов управления в Степном крае, представленных в текстах экспертов колонизации – путевом дневнике А.К. Гейнса и воспоминаниях И.Ф. Бабкова.

Полковник (впоследствии генерал-лейтенант) А.К. Гейнс, в 1865 г. был назначен состоять при главном управлении генерального штаба для особых поручений и ученых занятий и в том же году, в составе законодательной комиссии по устройству степей, совершил служебное путешествие в Среднюю Азию. Следует отметить, что в состав комиссии были включены представители Министерства Внутренних Дел, Военного министерства и западносибирского высшего чиновничества, что подчёркивало важность исследовательских задач, к

числу которых относилось не только изучение среднеазиатских владений в естественно-географическом отношении, но и разработка законов по управлению степными областями империи.

Путешествие по степям Средней Азии заняло в общей сложности два года и позволило, не смотря на трудности пути и многочисленные лишения, собрать А.К. Гейнсу богатейший в историческом и бытовом отношении материал об индигенном населении, внешнем облике степняков-кочевников, образе жизни, традициях и стереотипах их хозяйственного поведения, что составило его обширный дневник наблюдений. Важным является и то, что Гейнс, помимо его принадлежности к военному ведомству и, как следствие имперской администрации, состоял действительным членом Русского Географического общества, что, безусловно, корректировало и объективировало его представления о территории и населении степных областей. Показательно, что дневник А.К. Гейнса, для экспедиционно-путешественников по Степному краю и Туркестану, в дальнейшем являлся своеобразным путеводителем, настольной книгой.

Материалы дневника А.К. Гейнса, довольно чётко иллюстрируют имперский характер продвижения России в Степной край, в основе которого лежали устойчивые ориенталистские представления, разлитые в образованной части общества. Весьма характерно в данном отношении описание внешнего облика номада, данное экспедиционером: «Вид моего ямщика-киргиза меня очень занял. ...Глаза пещерного человека блестели каким-то лисичьим блеском из узких, косо разрезанных щелей...Бормоча что-то..., он показывает зубы, блестящие как перламутр. Узкий лоб отброшен назад; голова широкая, переносье придавленное, скулы особенно развиты...недалеко он ушёл от шимпанзе» [Гейнс 1897, 225].

Исходное предубеждение «цивилизованного» человека (человека власти и культуры) в отношении «дикаря» (субалтерна), можно проследить на разных этапах путешествия высокой комиссии, что проявилось уже в начальной фазе экспедиции. Оказавшись в Омске, участники экспедиции провели заседание, на котором были приняты важные программные решения. Так, по свидетельству А.К. Гейнса, были обозначены основные сферы жизни коренного населения, требовавшие тщательной экспертизы: судебное, военное и торговое дело, внутренний быт, поземельный и податный вопросы, религиозные отношения [Гейнс 1897, 208].

В дальнейшем, что также свидетельствовало о важности и безотлагательности выполнения имперских задач, было решено ехать максимально удобным и коротким путём, и пожить подольше в

Алатавском округе, как наиболее разнообразном в территориальном, климатическом и этнографическом отношении, «...где киргизы менее испорчены нашей администрацией» [Гейнс 1897, 208]. Такой план, с известными оговорками позволяет констатировать желание участников экспедиции получить информацию о регионе в «чистом», первозданном варианте, что предоставит возможность более чёткого формулирования программы колонизации степных областей в ближайшей перспективе.

В связи с едким замечанием Гейнса и его соратников об отрицательном влиянии региональной администрации на коренное население, в дневниковых свидетельствах явственно прослеживается важность вопроса организации управления в Степном крае и переформатировании модели взаимоотношений центральной и местной власти. Имперские приоритеты обозначены А.К. Гейнсом в разделах дневника, посвящённых стартовым фрагментам путешествия (до Нижнего Новгорода) и пребывания в Омске. Так, А.К. Гейнс, точку зрения которого, по-видимому, разделяли и другие участники путешествия, убеждённо говорил о целесообразности переноса резиденции генерал-губернатора из Омска, добавляя саркастически, что сделать подобное будет нелегко, поскольку у большинства влиятельных чиновников в городе дома и другая собственность [Гейнс 1897, 210]. Тем не менее, А.К. Гейнс, настойчиво проводил мысль о малом историческом и торговом значении Омска, полагая, что членам комиссии удастся лишить город резидирующих полномочий [Гейнс, 1897, 210]. По мнению путешественника, управление регионом должно осуществляться из Европейской России, например, из Нижнего Новгорода, который Гейнс определял как «будущий великий центр России» [Гейнс 1897, 182].

По размышлениям А.К. Гейнса, одним из основных препятствий реализации колонизационных проектов империи в степных областях, являлась некомпетентность местных властей. В этой связи, весьма неліцеприятной характеристики удостоился генерал-губернатор А.О. Дюгамель: «Я не без любопытства смотрел на тушу мяса, называемую Дюгамелем, которая, т.е. туша, пользовалась когда-то репутацией учёной...Из разговора Дюгамеля я увидел, что он знает край не лучше меня, что он апатичен, равнодушен ко всему и враждебен нашему наступлению в Средней Азии» [Гейнс 1897, 206].

Так же, важным препятствием для осуществления имперских проектов колонизации степи, А.К. Гейнс, на страницах своего дневника, называет слабое влияние русского православного элемента во фронтальных зонах Степного края. Гейнс подробно останавливается на описании Петропавловска, являвшегося в этот период важным

таможенным пунктом, пограничной линией, призванной охранять отечественные мануфактуры от соперничества среднеазиатских товаров [Гейнс 1897, 217]. Из общения со служащими таможни, А.К. Гейнс пришёл к выводу о неудовлетворительном состоянии пограничной службы, следствием чего становились значительные финансовые потери российской торговли со степной периферией востока. Неблагоприятным фоном подобной ситуации, путешественник назвал на страницах дневника, постоянный приток в Петропавловск касимовских и казанских татар, определявших регулярное преобладание здесь мусульманского элемента над православным.

В данном отношении, в сфере имперского программирования «политики населения» в Степном крае, оказывались тесно сопряжённые между собой религиозный и образовательный вопросы. А.К. Гейнс особо подчёркивал, что мусульмане обращают серьёзное внимание на образование своих детей: в городе 7 мусульманских школ против 2-х православных, причём образование мусульманских детей, в отличие от христианских, велось бесплатно [Гейнс 1897, 220].

В целом, материалы дневника А.К. Гейнса, дают возможность исследователю раскрыть представления имперских чиновников об основном круге задач, связанных с продвижением русской оседлости в степные области, основных субъектах колонизации, к которым экспедиционеры уверенно причисляли крестьянство, организации управления в отдалённой и гетерогенном в этническом и конфессиональном отношении регионе.

Фигура И.Ф. Бабкова вызвала живой интерес, в том числе потому, что свидетельства этого персонажа, могут в известной степени опровергнуть тривиальные претензии историков-позитивистов по поводу предвзятости и необъективной оценки событий в источниках личного происхождения и, в частности, воспоминаниях их непосредственных участников. Добавим, что в отличие от многих мемуаристов, в чьих текстах также содержатся сведения о широкой палитре вопросов колонизации Степного края, личность И.Ф. Бабкова, подобно личности А.К. Гейнса, является знаковой: он в равной степени может быть причислен как к государственным чиновникам (военный губернатор Семипалатинской области), так и учёным (географ) и общественным деятелям (председатель ЗСОИРГО). Выполняя чиновные, военные, научные и общественные функции, генерал от инфантерии И.Ф. Бабков принадлежал к разряду тех имперских экспертов, которые досконально знали и ориентировались в сложных обстоятельствах колонизационного процесса, были вхожи как в кабинеты высшего правительственного истеблишмента России, так и в

сообщество либерально настроенной интеллигенции, что значительно повышает статус и научную значимость его размышлений об имперском характере управления Степным краем. Прослужив в Сибири более тридцати лет (1857–1890 гг.) и занимая различные государственные должности, И.Ф. Бабков имел все условия для всестороннего изучения Западной Сибири и Степного края, что оказалось зафиксировано в его многочисленных публикациях и отчётах ИРГО, действительным членом которого он являлся с 1860 г., заняв в 1877 г. должность председателя только что образованного его Западно-Сибирского отдела. Выйдя в 1890 г. в отставку и поселившись в Крыму (г. Феодосия), И.Ф. Бабков приступил к написанию воспоминаний о своей службе, которые не успел закончить из-за своей смерти в 1905 г., доведя хронологию событий до 1875 г.

Важной исходной составляющей воспоминаний генерала И.Ф. Бабова, является оценка им контекстуальных условий его государственной службы и общественной деятельности, что позволяет составить общие представления об имперском характере управления окраинами в середине и второй половине XIX в. В авторском предисловии, И.Ф. Бабков, подводя итоги своей многолетней карьере, косвенно свидетельствует о личностной модели генерал-губернаторской власти в Западной Сибири и сопредельных регионах, что, несомненно, являлось неотъемлемым признаком имперского регионального управления и придавало «дискретный характер правительственному курсу в отношении той или иной окраины, ...когда смена персонажей на генерал-губернаторском посту нередко определяла направление правительственных мероприятий...» [Бабков 1912, 116]. В этой связи, И.Ф. Бабков в своих воспоминаниях говорит о шести генерал-губернаторах, с которыми ему довелось работать, особый акцент делая на разнообразии их характеров и взглядов на одно и то же дело [Бабков 1912, 10].

Также отметим весьма эмоциональную реакцию автора воспоминаний на этнический и конфессиональный состав административного корпуса генерал-губернаторства. И.Ф. Бабков с изрядной долей скепсиса и иронии сообщал о принадлежности высшей бюрократии Сибири и Степного края к «иностранным народностям и иноверцам» [Бабков 1912, 6], приводя длинный список немцев и шведов-лютеран, поляков и литовцев, составлявших основу региональной администрации. Сетую по поводу отсутствия в органах управления людей с русскими фамилиями, генерал сопроводил свои ощущения словами популярной ксенофобской песни: «Чем я запад огорчила (петь приходится Руси). Али тем, что так любила, что и Боже

упаси! Родилась я с добрым сердцем, вот в чем горе все мое; у меня ли всяким шмерцам не раздолное житье? О германцах уж ни слова: им все льготы и почет; им рожна еще какого на Руси не достает, денег им я сыплю груды, на награды не скуплюсь, и куда не глянь, повсюду или немец или кракус» [Бабков, 1912, 7]. Подобная позиция автора в полной мере соответствовала национал-патриотической риторике, основания которой были заложены в середине XIX в. консервативными изданиями М.Н. Каткова (Московские ведомости, Русский вестник), активно проповедовавшими антисепаратистские настроения и русификаторские идеи в деле колонизации окраин. Практики доминирования и принуждения в колонизационном освоении восточных окраин, в указанный период становились руководством к действию для правительственных чиновников центрального и регионального уровня, весьма своеобразно преломляясь в сознании людей военных профессий, стабильно сервильных власти.

Националистские эскапады И.Ф. Бабкова, имели непосредственный выход на дискурс об основных субъектах колонизации, формировавшийся в 1860-е – 1870-е гг., в котором центральное место занимала «тема казачества» и колонизационных возможностей военного сословия. Посвятив значительную часть материалов второй главы очерку положения дел на юго-востоке казахской степи в период 1840-х – начала 1860-х гг., обращая внимание на долгосрочность и кровопролитный характер завоевания империей территорий Большой и Дикокаменной Орды, И.Ф. Бабков посчитал необходимым подчеркнуть особое значение казачьей колонизации степных пространств. Формальным поводом для включения казачьей проблематики в канву воспоминаний, стало частное высказывание начальника Зачуйской экспедиции, полковника А.Э. Циммермана, в котором тот с крайним презрением отозвался о боевых качествах сибирских казаков [Бабков 1912, 24]. Между тем, в процессе колонизации Степного края, имперские власти продолжительный период рассматривали казачество в качестве главного актора поддержания стабильности и безопасности в регионе. И.Ф. Бабков, как и ряд других имперских экспертов, в частности, Ф. Усов [Усов 1879, 176.], указывал в своих мемуарах на тот факт, что сибирское казачество не было, подобно Донскому и Яицкому самобытным продуктом земской колонизации окраин, а являлось производным правительственных инициатив и усилий [Бабков 1912, 26]. По мнению И.Ф. Бабкова, до конца 1850-х гг. сибирское казачество представляло собой грозную боевую силу, однако тесный контакт с коренным населением, привлечение в казачество представителей крестьянства, переход к оседлому земледелию, а также отсутствие

регулярного опыта военных действий, постепенно приводили к утрате сословием колонизаторских функций. Гневные реплики современников о предосудительных наклонностях казачества и ведении праздного образа жизни, И.Ф. Бабков объяснял изменившимся характером службы сибирских казаков и новыми нормативными актами 1861 г., ограничивавшими отпуск казачеству казённого провианта [Бабков 1912, 31]. С точки зрения генерала, неспособность казачества к интеграции в новые условия экономической жизни Степного края объясняется широким спектром причин, в том числе отсутствием благоприятных для ведения земледелия природных и ландшафтных условий, а также постоянным сокращением военных конфликтов с автохтонным населением. В этой связи, И.Ф. Бабков, репрезентирует в своих мемуарах типично имперский подход к внутренней колонизации, указывая на позитивную культуртрегерскую функцию казачества, содействовавшего «...проведению в среду кочевых обитателей русских идей и воззрений» [Бабков 1912, 34].

Опыт трансляции имперских практик управления в Западной Сибири и Степном крае, предметно рефлексирован И.Ф. Бабковым в разделах воспоминаний, посвящённых оценке деятельности генерал-губернатора Г.Х. Гасфорда (1850–1861 гг.). Автор особо подчёркивает специфический статус регионов Зауралья в составе Российской империи, акцентируя внимание не только на отдалённости территорий от основного ядра государства, но и их своеобразной «отдельности», что формировало весьма вычурную, часто спонтанную систему колонизационных мероприятий. По логике рассуждений И.Ф. Бабкова, интеграция Сибири, в частности казахских степей в состав российского государственного «тела», носила сложный и многоступенчатый характер, зависела от личных качеств и понимание ситуации региональным чиновничеством.

Здесь следует оговориться, что решения, принимаемые высшей сибирской администрацией по тем или иным вопросам управления краем, исходили от людей военных (генерал-губернаторы), прошедших имперскую управленческую школу в России, что в конечном итоге соотносилось с пониманием цели и задач колонизации правительством, побуждало закрывать глаза на методы внедрения управленческих практик и откровенные провалы в их реализации. И.Ф. Бабков, характеризуя модель административного управления, сложившуюся при Г.Х. Гасфорде, обращает внимание на то, что генерал-губернатор, зная о неопределённости и несогласованности финансовой политики ведомств, а также затруднениях, связанных с участием России в Крымской войне, часто предпочитал изыскивать денежные средства из

местных источников, покрывая расходы за счёт банковских процентов. С одной стороны, подобное положение вполне устраивало центральную бюрократию, освобождённую от финансовых хлопот, с другой, имперские власти, получая из надёжных источников сведения о спекуляциях высшей региональной администрации, активно их использовали как средство давления, контроля и утверждения субординации. И.Ф. Бабков даёт подробное описание конфликта между Гасфордом и военным министром Н.О. Сухозанетом, составившем особое предписание в связи с незначительным просчётом генерал-губернатора при разработке плана строительства Омского военного госпиталя, по всей вероятности, столь резкое, что приближённые не решились об этом доложить [Бабков 1912, 44].

И всё-таки, самодержавная власть, обладавшая трёхвековым опытом управления восточными окраинами, умело расставляла приоритеты, выдвигая на первый план решение глобальных, сугубо имперских задач. Не придавая серьёзного значения последствиям фантастических планов Г.Х. Гасфорда об учреждении «срединной» религии, частичная реализация которых способствовала утверждению мусульманства в кочевнической среде именно вдоль линии русских поселений, власти всячески поддерживали военно-экспедиционные мероприятия губернатора в Средней и Центральной Азии (завоевание Заилийского края), что, по словам И.Ф. Бабкова «доставило нам возможность установить прочную границу... с Китаем. Придвинувшись к некогда загадочной Кашгарии..., мы сразу становились фронтом к Индии» [Бабков 1912, 305].

Одним из ключевых вопросов, поставленных И.Ф. Бабковым на страницах воспоминаний, стал вопрос об организации управления коренным населением Степного края. Стоит сказать, что автор, работая над соответствующим разделом своих мемуаров, вполне отдавал себе отчёт в том, что с появлением русского населения в регионе, началась кардинальная ломка системы социальных и экономических отношений, и это не могло не оказать влияния на организацию кочевого общества, характер взаимоотношений индигенных народов с пришлыми группами. Погружение в текст главы, посвящённой административным преобразованиям в степных областях, позволяет утверждать, что автор был хорошо знаком с содержанием российского общественно-политического дискурса, в центре которого, по определению В. Тольц, располагался «собственный Восток России» [Тольц 2013]. Распространение в Европе, частью которой являлась и Российская империя, идей социал-дарвинизма и ориентализма, придавало особый «привкус» обсуждению проблемы интеграции коренных народов

окраин в российский социум. Господствовавшие в консервативном сегменте дискурса эволюционистские подходы, провозглашали идеи примитивности кочевых цивилизаций, для которых скотоводческая экономика являлась естественной формой жизни, тогда как земледелие не играло серьёзной роли в организации степного хозяйства. Либеральная интеллигенция, в лице представителей сибирского областничества, придерживалась противоположной позиции. Г.Н. Потанин, в процессе экспедиций на Зайсан и в Тарбагатай в 1863–1864 гг., ознакомившись на деле с кочевыми народами и их культурой, пришёл к выводу о том, что к практикам земледелия у казахов, несмотря на его спорадический характер, нужно относиться как к законному экономическому факту [Сагалаев, Крюков 2004, 29]. Говоря о степном хозяйстве, Г.Н. Потанин подчёркивал, что до настоящего времени господствовало убеждение, что киргизская степь совершенно не способна для развития земледелия, что на ней может с успехом развиваться исключительно одно скотоводство; это общее мнение вызвало поощрение со стороны правительства киргизскому скотоводству; степь была разделена на две неравные части. Степь Оренбургского ведомства и западная половина степи Сибирского ведомства предназначены были к исключительному развитию скотоводства; каждое лето при приказах (т.е. окружных управлениях киргизов) устраивались скачки, на которых раздавались призы; напротив, киргизское земледелие считалось опасным соперником для земледелия наших пограничных крестьян, и потому придумывались меры ослабить стремление киргизов к земледелию. Только в восточной половине степи Сибирского ведомства, в которой и теперь уже более половины кочевого населения занимается земледелием, последнему предоставлялось свободное развитие. «Теперь, – писал Г.Н. Потанин, – очень мало остается поборников этой политики. Хотя нельзя назвать степь страной, благоприятной для земледелия, но все же нельзя и отказать ей совершенно в условиях, необходимых для земледелия [Потанин 1881–1901, 331]. В данной связи, И.Ф. Бабков, на страницах своей работы, фиксирует не только разногласия мнений региональных администраторов по вопросу включённости автохтонов в земледельческий труд, но и констатирует отсутствие единства управления всем степным регионом, населённым одной народностью [Бабков 1912, 311]. По мнению мемуариста, генерал-губернаторы, сменяя друг друга, не только не старались поддерживать и проводить реформы, начатые их предшественниками, но действовали в совершенно противоположном духе, руководствуясь своими личными соображениями и взглядами [Бабков 1912, 312].

Подходы и практики имперского управления Степным краем, нашли отражение в мемуарах И.Ф. Бабкова в части досконального анализа нормативно-правовых основ регулирования социального статуса, хозяйственной деятельности и быта кочевого населения в 1865 г. (создание Степной комиссии) – 1868 г. (принятие Степного положения). Необходимо отметить резко критический подход автора в оценке результатов действий Степной комиссии, основные выводы которой легли в основу Степного положения. Из острых размышлений И.Ф. Бабкова, можно чётко вычленил типичные для практик имперской организации колонизируемого пространства действия: категорическое нежелание центральной власти привлекать местную администрацию к обсуждению реформаторских проектов, выборочный и формальный характер экспертизы степных территорий, активное стремление к ликвидации традиционных институтов власти у кочевников, в частности, родового начала организации обществ коренного населения [Бабков 1912, 321–325]. В порядке общих выводов, И.Ф. Бабков, характеризуя новое административное устройство Степного края, проектированное Степной комиссией, констатировал, что оно подорвало значение родового начала, вызвало искусственное административное деление волостей, ввело чуждое коренным обитателям выборное начало и разрушило великий фактор народной жизни казахов – их обычный суд [Бабков 1912, 325].

Вместе с тем, И.Ф. Бабков, косвенно отметил и ряд важных изменений, сопровождавших реформы «сверху», что свидетельствовало о формировании такого нового качества имперских действий на окраинах как пластичность, готовность идти на компромиссы с общественными силами. Известно, что в состав Степной комиссии, ставившей целью разработку окончательного варианта «Положения об управлении Степным краем», входили не только представители правительственной бюрократии, но и общественные деятели, такие как Ч. Валиханов, А. Левшин, М. Черманов. По свидетельству И.Ф. Бабкова, Муса Черманов (Шорманов), служивший в должности советника при Западно-Сибирском генерал-губернаторе, неоднократно выступал с критическими замечаниями по вопросам образования одноплеменцев, настаивая на необходимости частичного сохранения традиционных институтов власти у кочевников [Бабков 1912, 326, 328].

Проблемы управления автохтонным населением в мемуарах И.Ф. Бабкова, оказались тесно увязаны с ещё одним важным вопросом, решение которого наиболее чётко демонстрировало имперские принципы организации управления Степным краем во второй половине XIX в. В центре внимания автора – землевладение кочевого населения

в связи с усилившимся переселенческим движением в Степной край крестьянства из европейских губерний России. Примечательно, что И.Ф. Бабков, в своих суждениях по означенной проблеме, значительно расширил хронологические рамки воспоминаний, выдвинув их за границы своей административной службы, упоминая и 1890-е гг. – время строительства Транссибирской магистрали и массовых переселений на восток империи. По всей видимости, интерес к означенной теме у него начал формироваться в период «общественный», когда автор, по выходу в отставку, активно включился в работу ЗСОИРГО, став его председателем. Отметим, что И.Ф. Бабков, подводя предварительные итоги имперской колонизационной работы в данном направлении, особое внимание уделяет координационной деятельности центральной и региональной бюрократии в сфере урегулирования статуса трёх акторов колонизации Степного края: российских переселенцев, автохтонов и казачества. Согласно его трактовке, в 1870-х – 1880-х гг., в связи с ростом миграционного потока в регион, произошли важные трансформации именно в проектной сфере освоения региона. Внимательное прочтение данного раздела воспоминаний И.Ф. Бабкова, позволяет сделать вывод, сообразно с которым для имперской политики в текущих обстоятельствах было в целом характерно стремление к реализации практик культуртрегерства, а значение переселений в Степной край российских землепашцев считалось первоочередной задачей. Однако, центральные власти, действуя в данном направлении, не могли не прислушиваться к широкому кругу мнений, исходящих от имперских экспертов – представителей региональной администрации, военных, общественных и научных деятелей. Так, например, И.Ф. Бабков, на страницах мемуаров заочно полемизирует с А.К. Гейнсом, соглашаясь с ним в вопросе о необходимости «обрусения» степи, но ожесточенно споря о методах распространения русского влияния в регионе. А.К. Гейнс, констатируя несостоятельность казачества в земледельческом освоении Степного края, акцентировал внимание на необходимости использования хозяйственных навыков и опыта переселенцев. Между тем, по мнению И.Ф. Бабкова, колонизация Степного края и интеграция в сословную ткань русского общества коренных народов, могли быть осуществлены только при условии широкой программы правительственных действий, в том числе и в образовательной сфере [Бабков 1912, 344].

Таким образом, опираясь на материалы источников личного происхождения, в частности, дневники и мемуары непосредственных участников событий на восточных окраинах России во второй половине

XIX в., была реализована возможность уточнения подходов имперской власти к организации управления Степным краем в период изменения колониционной парадигмы, когда задачи военного завоевания этих территорий постепенно вытеснялись программами мирного освоения и интеграции региона в общеимперское пространство. В отличие от материалов официального делопроизводства и нормативно-правового характера, изложение колониционной ситуации в воспоминаниях А.К. Гейнса и И.Ф. Бабкова, в равной степени представлявшего российское чиновничество и общественные силы империи, позволяет обнаружить сложную систему взаимодействия центральных и региональных властей, имперской бюрократии и местных сообществ, социальных и этнических групп Степного края, в контексте имперского управления на восточных окраинах. Обращение к тексту дневников и мемуаров, даёт право утверждать, что имперские принципы управления степными территориями, в основе которых располагались практики доминирования и принуждения, серьёзно корректировались в продолжение второй половины XIX в., что свидетельствовало о лабильности и пластичности имперской политики на окраинах. В условиях отдалённости и известной обособленности Степного края от центра страны, имперские власти вынуждены были вникать в «извивы» общественно-политического дискурса по инородческому, казачьему и переселенческому вопросам, учитывать понимание задач колонизации региональной администрацией, суммировать эти подходы в процессе их дальнейшего воплощения.

Литература

Бабков И.Ф. Воспоминания о моей службе в Западной Сибири. 1859–1875 г. СПб.: Тип. С.Ф. Киршбаума, 1912.

Гейнс А.К. Дневник 1865 г. Путешествия по киргизским степям // Собрание литературных трудов А.К. Гейнса. Т. 1. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1897. С. 179–592.

Дамешек Л.М. «Сибирские инородцы» в имперской стратегии власти XVIII – начала XX в. // Сибирь на этапе становления индустриального общества: мат-лы международной науч. конференции к 75-летию Л.М. Горюшкина. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2002. С.105–108.

Денисов Ю.П. Категория «дискурс» в историческом познании // Историческая наука сегодня: теории, методы, перспективы: сб. науч. тр. М., 2012. С. 165–182.

Потанин Г.Н. Завоевание и колонизация Сибири // Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном,

экономическом и бытовом значении: [в 12 т.] / под общ. ред. П.П. Семенова. СПб.; М.: Издание товарищества М.О. Вольф, 1881–1901. Т.11. С. 331–348.

Ремнёв А.В. Сибирь в имперской географии власти XIX – начала XX веков / (под общей редакцией Н.Г. Суворовой). Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2015.

Родигина Н.Н. «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX века. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2006.

Сагалаев А.М., Крюков В.М. Потанин, последний энциклопедист Сибири: Опыт осмысления личности. Томск: Изд-во НТЛ, 2004.

Тольц В. «Собственный Восток России»: политика идентичности и новоеведение в позднейимперский и раннесоветский период. М.: Новое литературное обозрение, 2013.

Усов Ф. Статистическое описание Сибирского казачьего войска. СПб.: Б.м., 1879.

Фуко М. Археология знаний. Киев: Ника-Центр, 1996.

Ходарковский М. Степные рубежи России: как создавалась колониальная империя 1500–1800. М.: Новое литературное обозрение, 2019.

Чуркин М.К. Репрезентации стратегий и практик образовательной политики России на восточных окраинах империи в национал-консервативных и либеральных периодических изданиях второй половины XIX – начала XX в. // История. 2019. Выпуск 8 (82). Т.10 – Феномен формирования континентальной империи на евразийском пространстве: опыт урало-поволжских и центрально-азиатских территорий // URL: [https:// history.jes.su/S207987840006043-6-1](https://history.jes.su/S207987840006043-6-1) (circulationdate: 09.11.2019). DOI: 10.18254/S207987840006043-6.

Чуркин М.К., Токмурзаев Б.С. Аграрная колонизация Степного края: общественно-политический дискурс и имперские практики второй половины XIX – начала XX вв. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2019.

M.K. Churkin

Imperial Principles of Management of the Steppe Region in the Second Half of the 19th Century in the Representation Of Ego-Texts of Colonial Experts

***Abstract.** In the article, based on the analysis of the diary of A.K. Gaines and the memoirs of I.F. Babkov, the representations of the imperial principles of governing the Steppe region in the second half of the nineteenth century*

are revealed. It is substantiated that the involvement of diaries and memoirs of experts of the colonization case in the Steppe Territory provides a chance for a more complete reconstruction of the models of the organization of the imperial space on the eastern outskirts of the country, revealing a complex mechanism of interaction between actors and subjects of colonization: central and regional bureaucracy, representatives of scientific communities and social forces, social, ethnic, confessional groups of the region.

Keywords: the diaries of A.K. Gaines, memoirs of I.F. Babkova, colonization, imperial principles of government, sources of personal origin, representation, Steppe region

Шиловский М.В.

Новосибирский государственный университет,
Институт истории СО РАН (г. Новосибирск)

Горный Алтай в контексте этнополитических процессов в Азиатской России 1917–1918 гг.

Аннотация. Анализируется попытка установления национально-территориальной автономии в Горном Алтае в 1917–1918 гг. Основную часть алтайских автономистов составили молодые местные интеллигенты во главе с Г.И. Гуркиным, ориентирующиеся на эсеров и сибирских областников. Основными «площадками» в плане развертывания борьбы за национальное самоопределение стали Бийск и Томск. На съезде делегатов от инородческих волостей Бийского и Кузнецкого уездов в июле 1917 г. принимается решение о создании Алтайской горной думы. На горно-алтайском краевом съезде в Улале в феврале 1918 г. формулируется задача объединения саяно-алтайских народов в республику Ойрот. Начав борьбу за национальное самоопределение, алтайские автономисты дальше дарованных в июне 1917 г. волостных земских управ не продвинулись.

Ключевые слова: Горный Алтай, национально-территориальная автономия, эсеры, областники, Алтайская горная дума, национальные органы самоуправления, земство, республика Ойрот.

Национальные движения аборигенных этносов Сибири в избранных хронологических рамках, в том числе в Горном Алтае, имеют

устойчивую историографическую традицию с конца 1920-х гг. (В.П. Гирченко, Ф.А. Кудрявцев, С.А. Токарев, В.И. Верещагин, Л.П. Потапов, Л.П. Мамет, П.Я. Гордиенко и др.). С конца 1950-х гг. увидели свет фундаментальные сочинения по истории революции и гражданской войны, национально-территориальных образований (Бурятия, Хакасия, Якутия, Горный Алтай, Тува) Г.Г. Макарова Н.Д. Шулунова, А.И. Новгородова, П.Т. Хаптаева, Б.Б. Батуева, С.Я. Пахаева, Х.М. Сейфулина и др. Большая часть их была написана историками, представителями титульных этносов, анализировавших события рассматриваемого периода в парадигме стремления отдельных народов к достижению национально-территориальной автономии.

В последующем изучение национальной проблематике применительно к отдельным этносам и национальным лидерам происходило по нарастающей, затрагивая такие ее элементы как этнополитическая история якутов, бурят, хакасов, алтайцев, тувинцев, казахов; формирование и мировоззренческие позиции интеллектуальной элиты; жизненный путь национальных лидеров, в том числе применительно к Горному Алтаю (В.И. Эдоков, С.Я. Пахаев, Н.А. Майдунова и др.). При этом отдельные исследователи впадают в другую крайность, упрощенно рассматривая эволюцию взглядов представителей национальной интеллигенции. Так, Н.А. Майдунова утверждает: «Как известно, идеи Г. Гуркина попыталась претворить в жизнь Алтайская Горная дума» [Майдунова 1993, 120]. Но из перечня решений этого органа, осуществленного на основании анализа протоколов Дума подобный вывод не вытекает.

Опираясь на исследования по проблеме, введенные в научный оборот источники и выявленные в архивах мной, я попытаюсь установить особенности национального движения алтайцев в Бийском и Кузнецком уездах Томской губернии с момента Февральской революции до конца 1918 г. в сопоставлении с аналогичным процессом в других национальных районах Сибири.

Накануне 1917 г. конфессиональная ситуация у народов региона отличалась противоречивыми тенденциями. Ударными темпами осуществлялось их приобщение к православию. В частности, в 1830–1916 гг. стараниями миссионеров обратили в христианство 34735 алтайцев, или половину от их численности [Кислицын 1992, 26]. Однако все без исключения современники констатировали чисто внешнее усвоение догматов православия «инородцами», сохранение традиционных религиозных представлений и прежде всего шаманизма. С другой стороны, активное «наступление» на народы юга Сибири вели другие мировые религии: ислам и буддизм. В результате, в начале XX

в. процесс христианизации замедлился, а после подписания указа от 17 апреля 1905 г. о веротерпимости пошел всячь.

Одновременно с этим начинается перевод казахов, алтайцев, хакасов, бурят на 15-десятинный надел и постепенное введение волостных управ как у русских крестьян. Освободившиеся земли используются для заселения в основных русских крестьян-переселенцев. Объективно прогрессивная тенденция приобщения аборигенных этносов к западной модели цивилизационного развития приводит к социокультурному расколу формирующихся у них национальных элит, отстаивающих альтернативные варианты национального самосознания, ориентирующиеся не только на западную цивилизацию в лице России, но и на интеграцию народов Центральной Азии (панмонголизм) или ислам. Еще один вариант реализации «национальной идеи» в религиозной оболочке дали в начале XX в. алтайцы попыткой создания «новой алтайской веры», более известной как бурханизм, связанной с тем, «что на завершающем витке любого конкретного этногенеза, выводящего на время-пространство новый этнос, внутри него при благоприятных условиях вызревает и новая, чисто религиозная идеология, непременно несущая в себе национальную идею, разделяемую и ощущаемую всеми без исключения членами этноса» [Шерстова 1999, 41].

Среди факторов, обусловивших нарастание оппозиционных настроений среди алтайцев накануне 1917 г., следует упомянуть высочайшее повеление от 25 июня 1916 г. «О реквизиции мужского инородческого населения на работы по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе деятельности армии». Предусматривалось привлечение мужчин в возрасте от 19 до 43 лет из числа оседлых и кочевых «инородцев» Северной Азии (казахов, алтайцев, хакасов, бурят) на тыловые работы. Сюжет этот применительно к Горному Алтаю не изучен. Согласно донесению томского губернатора «годных к работам» в Бийском уезде насчитывалось 3 тыс., в Кузнецком 2 тыс. «инородцев» [Когда рушилось государство 2015, 199]. В 1916 г. из Кош-Агачской волости на основании повеления призвали 86 чел., из которых в живых осталось 27. Как вспоминал известный сибирский писатель А.Л. Коптелов, алтайский художник Н.И. Чевалков рассказывал, как в 1916 г. «был мобилизован на тыловые работы, как рыл окопы, как скитался по Петрограду, куда ездил делегатом от своей воинской части ходатайствовать о демобилизации [Демидов 1996, 27; Коптелов 1983, 354].

В отличие от Якутии, Бурятии, Казахстана в Горном Алтае и Хакасии не оформился устойчивый слой национальной интеллигенции с определенной системой взглядов, в том числе относительно перспектив развития родного этноса. Будущий руководитель Алтайской Горной думы художник Г.И. Гуркин (1870–1937), учившийся в Петербурге и неоднократно устраивавший свои персональные выставки в Томске (1907, 1910, 1915) и Бийске (1912) был хорошо знаком с многими видными сибирскими общественно-политическими деятелями: Г.Н. Потаниным, М.Б. Шатиловым, В.И. Анучиным, С.В. Востротинным, Н.Я. Новомбергским, А.В. Адриановым и др. Впоследствии он следующим образом определил свое политическое credo накануне 1917 г.: «Ни о какой политике и рабочем движении в Улале алтайцам и русским не было известно никому... В классовом вопросе я еще не разбирался и вообще политикой как художник за неимением досуга не занимался и не был сведущ» [Эдоков 1993, 36].

В июле 1917 г., обосновывая необходимость существования Горной думы, Гуркин подчеркнул: «Наши друзья – социалисты, своей невинной кровью завоевавшие свободу, а наши враги – те паразиты, которые жирели на нашей крови» [Гуркин 1917]. В декабре 1917 г., заполняя анкету делегата Чрезвычайного общесибирского областного съезда в Томске, Григорий Иванович отнес себя к эсерам. По мнению В.И. Эдокова мировоззрение Гуркина тогда «тесно примыкает к идеям и устремлениям нового поколения сибирских писателей и публицистов, выступавших в печати после революции 1905 года и находившихся под влиянием идеологии умеренно либерального направления областников...» [Эдоков 1993, 33].

Среди других активных сторонников самоуправления алтайцев следует назвать Д.М. Тобокова 1877 г. р., образование домашнее, скотопромышленника, беспартийного левого, депутата II Государственной думы от Томской губернии. К нему следует добавить врача В.П. Тибер-Петрова, 38 лет, сочувствующего социал-демократам; С.С. Борисова, 28 лет, из крестьян, журналиста, окончившего 3 класса гимназии, примыкающего к социал-демократам (меньшевиком); Г.М. Токмашева, 25 лет, образование начальное, учителя, сочувствующего народным социалистам. Характерно, что на съезде представителей инородческих волостей Алтая в Бийске 1–6 июля 1917 г. для подготовки введения волостного земства наметили на должности инструкторов 13 чел. из числа исключительно учителей и священников [Демидов 1996, 26]. На съезде алтайцев Кузнецкого уезда 28–30 июля 1917 г. под председательством учителя С.И. Кузургашева, учреждается уездная

Горная дума в составе учителей Кочубеева, Чудоякова и др. [Общественно-политическая жизнь 2013, 359].

Таким образом, основную часть алтайских автономистов составили молодые местные интеллигенты, беспартийные, но ориентирующиеся на социалистов. В частности, главным лоббистом в прохождении вопроса о создании Алтайской горной думы в Томске выступал видный эсер М.Б. Шатилов. Эсеры на своем 3-м съезде (25 мая – 4 июня 1917 г.) высказались за создание федеративно-демократической республики с территориально-национальными автономиями в пределах этнографического расселения народов.

Консолидации алтайских сторонников автономии препятствовало ее распыленность, отсутствие центра консолидации, поскольку численность населения неформальной столицы Горного Алтая села Улала составляло 2,7 тыс. чел. Поэтому основными «площадками» для разворачивания борьбы за национальное самоопределение становятся 30-тысячный уездный Бийск и Томск. После проведения выборов в губернское народное собрание (аналог земской структуры), в том числе и в Горном Алтае, 20 апреля открылась его первая сессия в Томске. А 22 апреля состоялось собрание делегатов от «инородцев» Бийского и Кузнецкого уезда с участием Г.Н. Потанина и М.Б. Шатилова для обсуждения вопроса «об учреждении постоянного комитета для алтайцев, как центрального органа алтайцев». 12 мая Г.И. Гуркин выступил на сессии с докладом «Об Алтае и его нуждах». Принимается специальное постановление: «В целях организации самоуправления алтайцев, шорцев и телеутов, живущих в пределах Бийского и Кузнецкого уездов, созывается Алтайский съезд, с функциями Учредительного собрания...» [Судьбы коренных народов 2004, 57].

8 июня исполком Томского губернского народного собрания предложил всем комитетам инородческих волостей Бийского и Кузнецкого уездов избрать делегатов на съезд в Бийске. Он проходил 1–6 июля 1917 г. и постановил «учредить центральный орган по местному управлению инородцев Бийского и Кузнецкого уездов, назвав его Алтайской Горной Думой...». Председателем ее избирается Г.И. Гуркин, почетным председателем – Г.Н. Потанин. Местом пребывания Думы определяется г. Бийск [Судьбы коренных народов 2004, 61–63]. Следует заметить, что в протоколе первого дня заседаний форума, его задачей являлось «обсуждение вопроса об организации алтайского местного самоуправления» [Судьбы коренных народов 2004, 61]. С учетом того, что 17 июня Временное правительство утвердило «Временное положение о земских учреждениях в Архангельской губ. и в губерниях и областях Сибири», бийский съезд принял решение об

организации самостоятельной земской единицы – Алтайской горной думы. Он стал первой ласточкой земского строительства в регионе, поскольку предписание Томского губернского комиссара Б.Н. Гана Бийскому уездному исполкому о немедленном введении волостных земств в уезде последовало 14 июля [Судьбы коренных народов 2004, 67]. И еще одно важное обстоятельство: в июне 1917 г. из Томской губернии выделили Алтайскую и горнодумцам теперь необходимо было налаживать контакты с Барнаулом.

Тем не менее, алтайские автономисты, казалось бы, должны были торжествовать. Именно так интерпретировал произошедшее лидер бурятских националистов Э.-Д. Ринчино, называя главного виновника значимого события: «Алтайские калмыки по сравнению с бурят-монголами в смысле культурного развития почти ничего не имеют. У них нет почти своей интеллигенции, они выдвинули из своей среды только художника Гуркина. Они не имеют письменности и обращаются к нам, бурят-монголам, за советом какую им принять письменность... Но все это нисколько не смущает товарищей томичей. Томское губернское народное собрание созывает съезд калмыков для организации думы и отпускает 500 руб. на содержание горной думы... Томичи и томские революционные организации отнеслись к алтайским инородцам с отеческой чуткостью и внимательностью. Они, стараются, как видно из приведенных фактов, поднять на ноги всеми способами и мерами в конец задавленных самодержавием и беспощадной эксплуатацией кабинета бывшего царя алтайских калмыков... Алтайская горная дума – вечный памятник революционной демократии Томска и яркое доказательство того, что идея братства народов еще не сгинула» [Ринчино 1994, 69–70].

Попытка организации обособленных национальных органов самоуправления была негативно воспринята чересполно проживающими с аборигенами русскими крестьянами. Проблема эта не ощущалась в Якутской области, где к 1917 г. на 220 тыс. якутов приходилось примерно 25 тыс. русских. Но, на юге в Забайкалье, в Хакасии, Горном Алтае, Степном крае ситуация постоянно обострялась, в связи с массовым переселенческим движением и дала мощный протуберанец летом 1916 г. массовыми волнениями «инородцев», переросшими в восстание, спровоцированное призывом аборигенов на окопные работы. Из информации штаба Омского военного округа: по состоянию на середину октября 1916 г. волнения возникли в Усть-Каменогорском уезде, «а затем перекинулись и в другие местности с киргизским населением, достигнув наиболее широких размеров в уездах: Зайсанском, Усть-Каменогорском,

Каркаралинском и Семипалатинском Семипалатинской области, Акмолинском и Атбасарском Акмолинской области и в районе Кош-Агач Бийского уезда Томской губернии» [Толочко, Буктугубова 2004, 115–120]. Мятежники сжигали русские селения, вытаптывали поля, угоняли скот.

После создания Алтайской горной думы, ее функционеры попытались образовать национально обособленные волости. «По их настоянию началось дробление волостей по национальному признаку, – констатирует В.А. Демидов. – В с. Онгудае, например, возникли две волостные управы – русская и алтайская. Русско-алтайское село Мьюта раскололось на две части: алтайцы образовали инородческую волость, а русские приписались к соседней Шебалинской волости. В Кузнецком уезде отделу Алтайской горной думы в конечном счете удалось образовать 4 национально-обособленные шорские волости» [Демидов 1983, 27].

Подобные действия вызвали неприятие со стороны крестьянства, возникающих советских органов, особенно после возвращения фронтовиков. Уже 26 июля на заседании Алтайского губернского земельного комитета М.О. Курский и Г.И. Гуркин сформулировали следующие предложения по землепользованию: «весь Горный Алтай – инородцам; воспрещение переселения в Алтай русских; уничтожение аренды; передача инородцам монастырских земель, всех доходов земельных и лесных; возврат арендных денег за прежние годы на нужды развития и просвещения». «После продолжительных и оживленных прений» выносится следующая резолюция: «Комитет приветствует стремление инородцев к развитию и просвещению и охотно пойдет им навстречу по всем вопросам строительства новой жизни. Однако, усматривая тенденции Горной думы создать исключительные условия для немногочисленной по своему составу группы инородцев путем предоставления им явных преимуществ земельного и финансового обеспечения перед всем остальным населением губернии, относится к этой тенденции отрицательно и полагает, что инородцы, как и другие граждане, должны пользоваться в государстве одинаковыми и равными для всех правами» [Судьбы коренных народов 2004, 69].

В сложившейся ситуации, по мнению Я. А. Пустогачева: «Осенью 1917 г. Алтайская Горная дума отказалась от идеи создания национально обособленных административных единиц и признала необходимым выделить Горный Алтай в единую земскую единицу без различия национальностей. В обращении к населению, напечатанном в газете «Свободный Алтай» за 6 октября 1919 г., говорилось, что Горная дума решила не выделять русское население из инородческой среды, и,

наоборот, объединить, так как интересы совершенно одинаковы; что не в ее интересах вносить национальную рознь в среду народов, населяющих Горный Алтай» [Пустогачев 1993, 112]. Можно предположить, что руководство Думы пошло на это исходя из явного преобладания алтайцев над русскими в Горном Алтае. О сложившейся ситуации в статье анонимного автора из Кузнецкого уезда сообщалось следующее: «Но вот русское население Кузнецкого уезда поняло это не так и, исходя из этого ложного понимания, выживают инородцев, говоря им, что раз они вошли во вновь выделившейся округ, то должны переселиться в Алтай. Остаться же на старых местах они разрешают только при том условии, если они, т. е. инородцы, войдут в состав русских волостей и ликвидируют свое самоуправление» [Вот тебе, бабушка 2018].

Тем временем власть на местах в Томской губернии в конце 1917 г. переходит к земским органам. Поэтому 19 ноября алтайцы обратились к депутатам открывшейся первой сессии Бийского уездного земского собрания с просьбой: «Устройте нас, горных жителей, а вместе с нами и русских, живущих в горах, в особый «Горно-Алтайский уезд». Принимается решение отложить решение вопроса, после проведения опроса населения заинтересованных волостей [Судьбы коренных народов 2004, 78, 84]. 9 января 1918 г. на чрезвычайной сессии собрания доложили о результатах «референдума»: 71888 душ высказались «за» и 7924 – «против», в основном из числа населения отдельных русских поселений. Гласные потребовали предоставить сведения по ряду неопределенных в выборе селений, хотя это принципиально не меняло общую картину. В заявлении Алтайской горной думы по этому поводу от 12 января говорилось: «Мы сделали все, что было в наших силах, чтобы пойти с Вами рука об руку по пути развития и цивилизации. Вы этого не приняли. Теперь, оскорбленные до глубины души Вашим недоверием и Вашим эгоистическими замыслами, мы от имени 60000 инородческого населения Горного Алтая, в составе всей Алтайской горной думы, ... заявляем Вам, что инородческое население Горного Алтая объединяется в самостоятельную национальную единицу, игнорируя Ваше эгоистическое желание затянуть на неопределенное время создание нового уезда, с пути краевого переходим на путь национального объединения, и берем свое самоуправление в свои руки» [Судьбы коренных народов 2004, 85, 89].

Г.И. Гуркин, С.С. Борисов, А.М. Кульджин, В.Н. Михайлов слагают с себя полномочия гласных уездного земства. Горная дума переезжает в Улалу и на 20 февраля назначает Учредительный горно-алтайский краевой съезд инородческих и крестьянских депутатов. 21 февраля (6

марта н. ст.) 1918 г. он открылся в Улале в составе 112 делегатов. Председателем форума избирается приглашенный в качестве эксперта-ученого, эсер В.И. Анучин, в конце 1917 г. признанный третейским судом клеветником и недобросовестным человеком [Шиловский 2007, 39]. По его докладу предлагается выделиться не в уезд, а в Каракорум-Алтайский округ. За данное предложение проголосовало 100 делегатов, против – 6, воздержалось – 20. В состав окружной управы избрали Г.И. Гуркина, М.Б. Шатилова, В.К. Манеева, В.К. Тюкина и Д.А. Филатова [Судьбы коренных народов 2004, 97].

Главный сюрприз Г.И. Гуркин озвучил вечером 7 марта, предложив объединить саяно-алтайские народы (алтайцы, хакасы, тувинцы, монголы) в республику Ойрот. Решили: «1) В силу права на самоопределение народностей, созданного великой русской революцией, и съезд признал за благо объединить в самостоятельную республику земли, входящие некогда в состав государства Ойрот, а именно: русский Алтай, земли минусинских туземцев, Урянхай, Монгольский Алтай и Джунгарию. 2) Новая республика должна войти, как часть в Общероссийскую федерацию. 3) Для учреждения назначается Курултай (съезд депутатов) от народов названных земель, который состоится в местности Кош-Агач 28 июля нового стиля 1918 года. 4) Каждая из названных земель посылает на Курултай депутатов в числе по одному от каждых 3000 жителей населения. 5) Для организации созыва и открытия Курултая, а также для всех, могущих возникнуть переговоров по делам республики избран... особо уполномоченный... (Каган)». Им стал В.И. Анучин, которому от президиума улалинского съезда выдали специальный «ярлык» (мандат): «Признав за благо объединение в самостоятельную республику Ойрот земли и народы, входившие некогда в состав государства Ойрот, съезд единогласно избрал на заседании... гражданина В.И. Анучина каганом (особоуполномоченным) по делам республики Ойрот, поручив ему ввести переговоры с представителями заинтересованных государств» [Судьбы коренных народов 2004, 98]. Алтайские автономисты попытались перехватить инициативу у хакасских коллег, высказавшихся еще в августе 1917 г. за объединение тюрков Южной Сибири в единую республику.

Противодействовавшие созданию думы Совдепы свою политику в отношении ее выстраивали по-своему. Если исполком Алтайгубсовдепа 27 апреля 1918 г., на основании резолюции особой комиссии, с учетом «безучастного отношения уездной власти к его выделению из Бийского [уезда], постоянного, отрицательного отношения как Бийского комиссара Временного Правительства и уездного исполкома, как и

Бийского Совдепа», дал согласие на организацию в Горном Алтае особой уездной административной единицы в составе губернии и командировал для установления ее границ своего представителя [Судьбы коренных народов 2004, 94–95]. То, в постановлении исполкома Бийского уездного Совета крестьянских депутатов от 12 апреля того же года заявлялось, что Каракорум-Алтайский Горный округ автономным не признавать, а всех членов его управы признать врагами народа». Уже после свержения советской власти 11 июля 1918 г. Г.И. Гуркин докладывал губернскому земскому собранию, излагая свою версию возникновения национального территориального образования: «Образование Каракорума не понравилась Советской власти, главным образом, Бийской... Пришлось вести борьбу с Бийским совдепом и его красной гвардией, вступая несколько раз в вооруженные столкновения... Чтобы избежать дальнейших жертв, разгона Каракорума силой и не допустить банды в пределы Алтая, управа была вынуждена добиться признания Каракорум-Алтайского уезда в губсовдепе, что ей и удалось при условии наименования совдепом... Алтайский губсовет признал Каракорум-Алтайский уезд и предложил Бийскому совдепу не вмешиваться в дела Каракорума. Но и после этого преследования продолжались до 8 июля по ст. ст., когда Каракорумская управа объявила себя подчиненной Сибирскому Временному правительству, организовав отряды и всюду на Алтае смела большевистские Советы, заменив их земскими управами» [Судьбы коренных народов 2004, 107].

Начав борьбу за национальное самоопределение алтайские автономисты за год своих усилий, дальше дарованных в июне 1917 г. волостных земских управ, не продвинулись. Затормозилось решение вопроса о выделении Горного Алтая в отдельный уезд.

Связующим звеном для национальных движений Азиатской России и своеобразным теоретическим центром стало сибирское областничество. Уже в августе 1917 г. участие в Сибирской конференции общественных организаций в Томске приняли: Б. Вампилун от Иркутского бурятского национального комитета, З.С. Гайсин от исполкома Томского губернского мусульманского совета, А. Кульджин – алтайский калмык, С.Д. Майнагашев от инородческого съезда Минусинского уезда, А.К. Побызиков от Кузнецкого уездного инородческого народного собрания, А.И. Юняев от Томского губернского мусульманского совета [ГАНУ.Ф. Д-143.Оп. 1.Д. 28. Л. 15–16]. Делегаты утвердили «Постановление Сибирской конференции общественных организаций по вопросу об автономном устройстве Сибири», в котором проводилась мысль о том, что «Сибирь, в качестве

автономной единицы, должна обладать той полнотой законодательной, исполнительной и судебной власти, какой обладают штаты в соединенных федеративных государственных соединениях». Для этого необходимо создать Сибирскую областную думу. Кроме того, принимается решение провести в Томске в октябре общесибирский областной съезд для обсуждения вопроса об организации Думы.

Он работал 8–17 октября в Томске. Из 180 делегатов, помимо русских, на съезде присутствовало 62 (34%) татарина, украинца, казаха, немца, еврея, поляка, якута и т. д., в том числе алтайцы: С.С. Борисов и В.Т. Тибер-Петров [ГАНУ.Ф. Р-552.Оп. 1.Д. 11. Л. 27–28, 292–293]. 16 октября форум принял специальное постановление «Областное устройство Сибири». Признавая единство Российской республики, документ требовал для ее частей «автономии национальной или территориальной». При этом законодательно «Должны быть обеспечены права национальных меньшинств в местностях со смешанным населением и права наций без территорий, путем образования экстерриториальных персонально-автономных союзов» [ГАНУ.Ф. П. 5.Оп. 4.Д.645.Л. 9–10].

Областники же в рассматриваемое время активно поддерживали национальные движения аборигенных этносов региона. Так, М. Б. Шатилов становится главным лоббистом автономии алтайцев. При его поддержке на сессии Томского губернского народного собрания 12 мая 1917 г. по докладу Г.И. Гуркина рассматривается вопрос о их самоопределении. Он становится одним из инициаторов проведения 1–6 июня в Бийске съезда представителей инородческих волостей Горного Алтая, избравшего Алтайскую Горную думу. По мандату от нее Шатилов участвует в первом Сибирском областном съезде. На русско-инородческом съезде в Улале 6 марта 1918 г. он заочно избирается товарищем председателя Каракорум-Алтайской окружной управы [Шиловский 2007, 286–287]. В самый разгар советизации региона А.В. Адрианов в редактируемой им «Сибирской жизни» провозгласил: «Алтайская горная дума должна существовать. Мы надеемся, что из горького вынесенного ею опыта она сумеет сделать все нужные выводы и только укрепит свое положение» [Адрианов 2017].

Свои надежды на получение автономного статуса многие национальные движения Азиатской России в конце 1917 – начале 1918 г. связывали с Сибирской областной думой. На Чрезвычайный сибирский областной съезд, открывшийся в Томске 6 декабря 1917 г. прибыло 160 делегатов с решающим голосом, в том числе 50 (31%), представляющие 12 этносов, помимо русских, из них 21 чел. были делегированы национальными объединениями. Горный Алтай

представляли: С.С. Борисов, Г.И. Гуркин, В.Т. Тибер-Петров и Г.М. Токмашев [ГАНО.Ф. Р-578.Оп. 1.Д. 1]. На нелегальной сессии Сибирской областной думы в ночь на 29 января 1918 г. избирается Временное правительство автономной Сибири (ВПАС) во главе с П.Я. Дербером, в котором националисты заняли следующие посты: Э.-Д. Ринчино – министр народного просвещения; В.Т. Тибер-Петров – министр туземных дел; Д.Г. Сулим – министр экстерриториальных народностей; М.Б. Шатилов, Г.Ш. Неометулов – министры без портфелей.

Пришедшее к власти Временное Сибирское правительство (ВСП) 18 июля 1918 г. обнародовало проект «Временного положения о культурной автономии национальностей Сибири», в котором зафиксировало отрицательное отношение к национально-территориальной автономии. На этом основании омская власть отказалась признавать национальные комитеты органами национально-государственной власти» [Омский вестник 1918, 18 июля].

Окончательно надежды на автономию рассеялись после самороспуска Сибирской областной думы 10 ноября 1918 г. Выступая на ее заседании от имени националов, лидер хакасского национального движения С.Д. Майнагашев сказал: «Пришла революция, и туземцы в автономном управлении Сибири надеялись выйти из угнетенного положения. Больше того, они уже мыслили о возможности автономии национальностей. Но вот новый поворот в революции; самороспуск автономных управлений. Нужно временно понести еще одну жертву, и представители национальностей будут, хотя и с тяжелым чувством, голосовать за самороспуск» [Народная Сибирь 1918, 14 нояб.]. Этим и завершились попытки алтайцев обрести автономию в период социального катаклизма 1917–1918 гг.

Литература

Адрианов А.В. Пробуждение инородческого Алтая // Сибирская жизнь. 1917. 24 ноября.

«Вот, тебе, тебе бабушка, и Юрьев день» // Знамя революции (Томск). 1918. 18 апр.

Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Д-143.Оп. 1.Д. 28.

ГАНО.Ф. П. 5.Оп. 4.Д.645.

ГАНО.Ф. Р-552.Оп. 1.Д. 11.

ГАНО.Ф. Р-578.Оп. 1.Д. 1

Гуркин Г. Алтайская горная дума // Красный Алтай (Бийск). 1917. 26 июля.

- Демидов В.А. От Каракорума к автономии. Новосибирск, 1996.
- Кислицын В.Н. Алтайская духовная миссия и ее роль в колонизации Горного Алтая // Алтайский сборник. Барнаул, 1992. Вып. 15.
- Когда рушилось государство: судьба сибирской провинции в контексте Первой мировой войны. Томск, 2015. Т. 1.
- Коптелов А. Л. Минувшее и близкое. Новосибирск, 1983.
- Майдурова Н.А. Чорос-Гуркин и Горная Дума (По материалам архива Алтайского края) // Возвращение. Сб. докл. и сообщ. науч.-практич. конф. «Чорос-Гуркин и современность». Горно-Алтайск, 1993. Народная Сибирь. 1918. 14 нояб.
- Общественно-политическая жизнь Томской губернии в 1880–1919 гг. Т. 2. Ч. 1. Томск, 2013.
- Омский вестник. 1918. 18 июля.
- Пустогачев Я.А. Правление и судьба (К вопросу об общественно-исторической реабилитации политической деятельности Г.И. Гуркина в период 1917–1918 гг.) // Возвращение. Сб. докл. и сообщ. науч. практич. конф. «Чорос-Гуркин и современность». Горно-Алтайск, 1993.
- Ринчино Э.-Д. Великая революция и инородческая проблема в Сибири (1918) // Э.-Д. Ринчино. Документы, статьи, письма. Улан-Удэ, 1994. С. 69–70.
- Судьбы коренных народов Горного Алтая (Из истории национально-государственного строительства. 1800–1940 гг.). Горно-Алтайск, 2004.
- Толочко А.П., Буктугутова Р.С. Общественное движение в Степном крае в 1895 – марте 1917 гг.: Хроника, материалы, документы. Омск, 2004.
- Шерстова Л.И. Этнополитическая история тюрков Южной Сибири: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 1999.
- Шиловский М.В. Каган государства Ойрот // Шиловский М.В. Судьбы, связанные с Сибирью: Биографические очерки. Новосибирск, 2007.
- Шиловский М.В. Загадки биографии М.Б. Шатилова // Шиловский М.В. Судьбы, связанные с Сибирью: Биографические очерки. Новосибирск, 2007.
- Эдоков В.И. Г.И. Чорос-Гуркин (Судьба. Творчество) // Возвращение. Сб. докл. и сообщ. науч.-практич. конф. «Чорос-Гуркин и современность». Горно-Алтайск, 1993.

M.V. Shilovskiy
Novosibirsk State University
Institute of History, SB RAS

**Gorny Altai in the Context of Ethno-Political Processes
in Asian Russia, 1917–1918**

Abstract. *The article analyzes an attempt to establish a national-territorial autonomy in the Mounting Altai in 1917–1918. The majority of Altaian autonomists were young representatives of local intelligentsia headed by G.I. Gurkin and oriented towards Socialist-Revolutionaries (SRs) and Siberian regionalists. Biysk and Tomsk became key platforms for the struggle for national self-determination. In July, 1917 the congress of delegates from the "inorodtsy volosts" of the Biysk and Kuznetsk uyezds adopted a resolution declaring the Altai Mountain Duma's establishment. In February, 1918 the Gorny Altai Regional Congress in Ulala formulated a task of uniting the Sayan-Altai peoples to form the Oyrot Republic. Having started the struggle for the national self-determination, the Altaian autonomists did not progress beyond granting the volosts the right to create "zemskaya upravas" (executive boards).*

Keywords: *Mounting Altai, national-territorial autonomy, Socialist Revolutionaries (SRs), regionalists, Altai Mountain Duma, national self-government bodies*

ПЕРЕСЕЛЕНИЯ И ССЫЛКА

Леончик С.

*Институт Истории Естественно-гуманитарного
университета (г. Седльце, Польша)*

Приенисейская Сибирь в воспоминаниях ссыльного поляка Максимилиана Маркса (вторая половина XIX века)

***Аннотация.** Статья посвящена малоизвестным мемуарам Максимилиана Маркса (1816–1893). Ссыльный поляк решил их написать в ссылке в Енисейске и описал всю свою жизнь. В дневнике он описывает повседневную жизнь русских сибиряков, а также коренных народов Сибири. Кроме того, представляет описания польской колонии в Енисейске, в том числе описывая пожар 1869 г. Много места он посвящает описанию встреч с учеными – исследователями Сибири. «Записки старика» – это уникальный источник, описывающий события истории Польши в XIX в., польско-русские отношения, а также события из истории Сибири.*

***Ключевые слова:** Приенисейская Сибирь, мемуары, ссылка, вклад поляков в развитие Сибири.*

Максимилиан Маркс личность малоизвестная как в российской (советской), так и в польской историографии. Родился он в 1816 г. в Витебске, как указано в свидетельстве о рождении, хранящемся в местном архиве [Нацыянальна́я гістарычні архіў Беларусі]. Его отец был подпоручиком в польской армии, в Витебске скорей всего оказался в ссылке.

Детство и юность Максимилиана Маркса прошли в Витебске, где он учился в местной гимназии. Потом он поступил в Московский университет, но не окончил его по болезни. В 1857 г. он сдал экстерном экзамены на учителя географии и первоначально работал в Смоленске, а с 1861 г. в Москве [Kijas 2000, 211–212]. Его деятельность на благо независимости Польши привела к тому, что, как и большинство членов союза патриотического общества «Рух», он был арестован и помещен на несколько месяцев в Петропавловскую крепость в Петербурге. После

освобождения он продолжал свою подпольную деятельность в Польском комитете, чему хорошим примером служит оказанная им помощь Ярославу Домбровскому при побеге из московской тюрьмы. Основным направлением деятельности Комитета в то время было содействие побегам и предоставление укрытия беглецам. Маркс также надеялся, что Польскому комитету и русским революционным партиям удастся ввести конституционно-демократический строй в Российской империи. В 1866 г. он стал одним из обвиняемых по делу Дмитрия Каракозова, совершившего покушение на Александра II. Вместе с главой Польского комитета Павлом Маевским и Болеславом Шостаковичем он был лишен права собственности и приговорен к ссылке в Сибирь [Деятели революционного движения в России., 1928, 237–238].

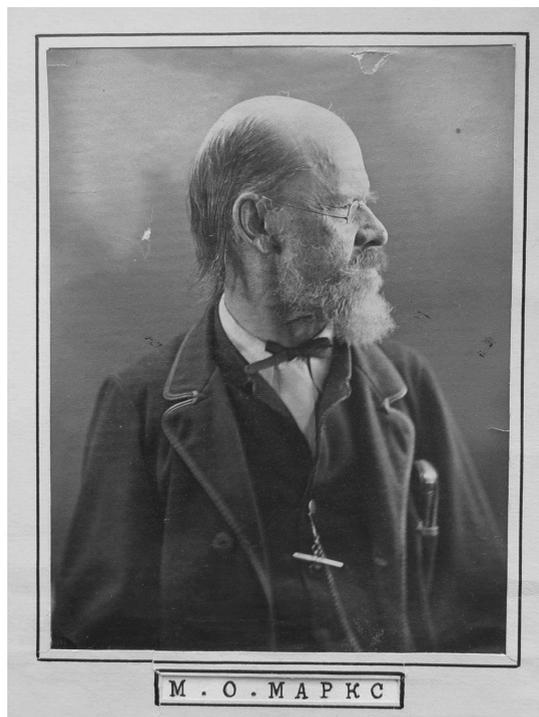
Сначала он остановился в Кежме, а затем в Енисейске, одном из сибирских уездных городов. Сюда к нему приехала семья – жена и дочь, которые также участвовали в подпольной деятельности. Во время ссылки он сосредоточился на научных исследованиях: гидрографических измерениях и метеорологических наблюдениях. Его работа была быстро замечена другими учеными: в 1875 г. он получил профессиональное оборудование, необходимое для дальнейших исследований, из Главной физической обсерватории в Санкт-Петербурге, а в 1877 г. был награжден золотой медалью престижного Русского географического общества (ранее он также стал его членом). Максимилиан Маркс скончался в Енисейске 5 июля 1893 г. в возрасте 76 лет и был похоронен в Енисейске на Абалацком кладбище [П. Г-въ. 1893, 7–8].

В Енисейске Максимилиан Маркс написал свои воспоминания под заголовком «Записки старика». Понимая, что издать их на польском языке практически невозможно, Маркс перевел их на русский язык и отправил в самый читаемый исторический журнал в Российской империи «Русская старина», а точнее его главному редактору Михаилу Ивановичу Семевскому. Неизвестно, по каким причинам журнал решил не публиковать его воспоминания. Можно только предположить, что прошлое Маркса, и особенно его контакты с организацией Дмитрия Каракозова, повлияли на решение редакции.

В 1891 г. Максимилиан Маркс решил передать русский перевод «Записок старика» своему другу Эдварду Павловичу, который в то время работал хранителем Музея Любомирских при Национальном институте им. Оссолинских во Львове [Turowicz 1992, 103–109].

Первое фрагментарное издание воспоминаний Маркса произошло почти столетие спустя, в 1971 г. [Федосова 1971, 154–185]. Интерес к

рукописи воспоминаний Максимилиана Маркса, вызванный публикацией Татьяны Федосовой, стал причиной передачи фотокопии «Записков старика» из Львовской государственной научной библиотеки Министерства культуры УССР сначала в Центральный Государственный Архив Октябрьской Революции (в настоящее время – ГАРФ), а затем уже и в Краеведческий музей в г. Енисейске Красноярского края РСФСР, то есть в город, где и были написаны эти воспоминания.

«Записки старика» – произведение, разделенное на шесть частей, в которых автор вспоминает свою жизнь в родном Витебске (1821–1840), позднее работу в Смоленске (1841–1860) и Москве (1861–1864), дорогу в Сибирь (1866–1867) и, наконец, жизнь в ссылке: село Кежда (1867–1868) и Енисейск (1869–1888). Каждая часть разбита на несколько глав, которые образуют связную композицию, но в то же время могут быть проанализированы и опубликованы как отдельные фрагменты, касающиеся конкретных событий.

Действие пятой части книги происходит в Приенисейской Сибири. Стоит подчеркнуть, что на протяжении всего этапа в Сибирь ни Маркс, ни другие осужденные не знали, куда их направят. 5 января 1867 г. их привезли в Енисейск, но, учитывая, что это был Сочельник (по юлианскому календарю), полиция оставила их на произвол судьбы, отметив только их приезд. Им помог местный поляк, некий Бобрович, который пригласил ссыльных к себе домой. После завершения праздников ссыльные были отправлены севернее Енисейска – в волостной центр село Пинчуга. И уже только на месте был вскрыт конверт, который был у сопровождающего осужденных полицейского. Оказалось, что согласно приказу, русские ссыльные останутся в Пинчуге, а Маркс и Маевский будут отправлены еще дальше на север – в Кежму. «Оставалось жить в неприглядной Кежме, далеко от милых друзей, от дорогого и осиротелого семейства, жить в одиночестве, с грустью, тоскою, и без малейшего проблеска надежды. Тот только, кто сам, да еще проживши 50 лет чуть не в неге, испытал подобную моей житейскую катастрофу, тот только поймет весь гнет такого горя» [Маркс, 23,25].

Живя в Кежме, Маркс познакомился с обычаями и чрезвычайно скромной повседневной жизнью сибиряков, о чем он вспоминал спустя годы, приводя подробности быта: «Мыло здесь составляет туалетную только специальность, и девушки часто не только от матери, но иногда и от бабушки получают кусок его, как свадебный подарок» [Маркс, 25].

В Кежме он также познакомился с северными народами – тунгусами, которых описал очень положительно: «Тунгусы – это северные испанцы и по цвету кожи, и волос, и по статности фигуры» [Маркс, 27].

Почти двухлетнее пребывание в Кежме было для него чрезвычайно трудным. Вскоре он стал равнодушен ко всему и разочаровался в какой-либо деятельности. Он не знал, как долго ему придется оставаться в Кежме и увидит ли он еще снова свою семью. Он рассказал о своем психическом состоянии проезжему врачу, поляку: «я сижу или лежу, не сплю и в то же время ни о чем не думаю?». Последний подтвердил ему, что это «вступление в сумасшествие». Маркс решил посвятить себя науке, а точнее наблюдению за природой. Он знал, что только регулярное занятие может спасти его от психического заболевания. Семья Максимилиана Маркса, его жена Леокадия и дочь Екатерина хотели приехать в Кежму. 15 декабря 1868 г. Максимилиану Марксу было разрешено жить в Енисейске с семьей.

Последняя часть воспоминаний касается пребывания в Енисейске в 1869–1888 гг. В то время в городе с населением почти 7000 чел. проживало около 100 поляков. Как отмечал Маркс, «некоторые из них,

особенно врачи и ремесленники, устраивались безбедно. Много служило в тайге и в городских конторах европейских золотопромышленников» [Маркс, 49–51]. Одним из наиболее подробно описанных событий стал пожар в городе в 1869 г. «Причина пожара была очевидна, но все-таки нужно было доискиваться ее. И тут-то выступила легендарная польская интрига. „Поляки сожгли город!“ – крикнул один из гласных» [Маркс, 57]. Стоит добавить, что в том же году аналогичные пожары произошли в нескольких других сибирских городах и повсюду, например, находившемся на расстоянии более 400 км Минусинске – винули поляков. Подобные обвинения предъявлялись полякам почти при каждом пожаре после 1863 г. [Мулина 2012, 93].

В Енисейске Максимилиан Маркс работал учителем, подготавливая детей местных мещан к учебе в гимназии. У него было много учеников не только в городе, но и в округе. В то же время Маркс продолжал исследовательскую работу. Его гербарии привлекли внимание шведских ученых во время их северных экспедиций 1875–1876 гг. В монографии о климате Енисея 1873–1883 гг. Маркс отмечал: «Невольно приходится удивляться выносливости здешних растений, когда после сильнейшего инея утром, в полдень, на какой-нибудь лужайке, встретите в полноте жизненной энергии целые тысячи исполинских пионов (*Paeonia anomala*) или башманок (*Syrpidium macranthos*), которыми случалось любоваться на европейских выставках цветоводства только под стеклянными клетями» [Маркс 1887, 31].

Увлечение ботаникой и педагогическая работа были не единственными занятиями ссыльного поляка. В Енисейске Маркс развернул обширные научные исследования в области метеорологии. С 1870 г. он стал постоянным сотрудником Русского географического общества, а в конце 1871 г. начал постоянные метеорологические наблюдения в Енисейске согласно специальной инструкции, высланной Академией наук. Это был тяжелый кропотливый труд, поскольку ученый работал сам, без помощников. Он проводил свои наблюдения ежедневно трижды в день без перерывов в течение 12 лет, в строгом соответствии принципам науки того времени. Результаты исследования были настолько точными, что Общество сразу передавало их в Главную физическую обсерваторию и публиковало в метеорологических обозрениях. Поначалу, из-за отсутствия каких-либо приборов, Маркс был вынужден изготавливать их сам. В 1874 г. Енисейск посетил директор Пекинской обсерватории Герман А. Фриче, который высоко оценил работу Маркса, однако используемые приборы считал неподходящими для проведения наблюдений. Год спустя из Главной физической обсерватории в Санкт-Петербурге были высланы новые

приборы, и исследования стали еще более точными [Кытманов 2016, 476].

Наблюдения, научная и организационная работа Маркса-ученого не ограничивались Енисейском. Он основал метеорологические станции в Туруханске и на реке Гольчихе. Данные, собранные на этих станциях, также отправлялись в Географическое общество. Действительный член Императорского Русского географического общества Михаил Александрович Рыкачёв внес предложение о награждении Максимилиана Маркса золотой медалью Общества за его работы в области метеорологии и промер реки Енисей. В январе 1877 г. Маркс был награжден малой золотой медалью Императорского Русского Географического Общества [Список лиц, удостоенных наградами], но из-за очень тяжелого финансового положения был вынужден ее продать [Галенко 1989, 5].

Енисейск был тем местом, которое часто посещали ученые во время своих исследовательских экспедиций на север России. В 1872 г. сюда прибыли участники научной экспедиции Александра Чекановского, вернувшиеся на пароходах из Туруханского края. Эта экспедиция должна была исследовать гидрографию Енисея и Лены. В состав группы вошли: геолог Александр Чекановский, астроном Фердинанд Миллер, топограф Гаврила Нахвальный и польский ссыльный таксидермист и собиратель ботанических коллекций Владислав Ксенжопольский. Экспедиция была важна не только из-за научных, но и практических целей. Чекановский привез обширные и интересные геологические и палеонтологические коллекции. Дневники, написанные Чекановским, были собраны и опубликованы, в т.ч. Яном Черским и Фредериком Шмидтом. Чекановский также собрал материалы, необходимые для научного описания тунгусского языка, которые позднее были обработаны академиком Францем Антоном Шифнером. Александр Чекановский сблизился с Марксом, который помог ему написать отчет об экспедиции. Как писал Маркс в своих записках, Чекановский просил помочь ему: «я, как воспитанник Дерптского университета, плохо знаком с русскою терминологиею. Помогите мне, сделайте одолжение» [Маркс, 65–66].

Во время совместных бесед с семьей Маркса Чекановский рассказал волнующие истории о судьбе ссыльных поляков. Один из таких разговоров был передан Марксом в воспоминаниях: «Много пало, предалось пьянству, оскотинилось и навскач достигло возможного для них счастья, – рассказывал Чехановский, – Другие крепятся, но это до поры, до времени. У кого есть цель жизни, основанная на научных любимых занятиях, тот потянет подольше. Но все-таки в перспективе –

сумасшествие. И прекрасно! Не придет оно, так придется порешить с жизнью». Маркс, пытаясь утешить гостя, заметил: «Трудясь для науки, работаем на все человечество. Достанется что-нибудь и нашей родине, и нашим родным» [Маркс 67–68]. Как видно из дальнейшего описания этой встречи, отношение Чекановского изменить не удалось, ни разговоры, ни особый подарок – засушенные польские цветы, с величайшей тщательностью хранящиеся в молитвеннике хозяйки дома, которые в ссылке превратились в величайшее сокровище. Тоска по родным, родине, по родной природе только усугубляла его депрессию и горечь. 10 октября Чекановский покинул Енисейск. Два года спустя, в 1874 г., он совершил еще одну поездку на реку Оленек. Вернувшись из экспедиции, он отправился в Петербург, где 30 октября 1876 г. покончил жизнь самоубийством [Wójcik 1982, 16].

В 1875 г. в Енисейск прибыла научная экспедиция под руководством шведского профессора Адольфа Норденшельда. Международная исследовательская группа, состоящая из специалистов по ботанике, зоологии и геологии, остановилась в Енисейске на четыре дня и сразу же встретилась с Марксом. Профессор Норденшельд, знавший о научной деятельности Маркса, посоветовал ему заняться наблюдениями за космической пылью. После нескольких лет изысканий, 3 октября 1881 г., Маркс, наконец, сделал революционное открытие присутствия в атмосфере космической пыли, представленное в Известиях Императорского Русского Географического Общества [Известия. 1882, Т. 18]. Примечательно, что краеведческий музей в Енисейске был основан в 1883 г. по инициативе Александра Кытманова и Максимилиан Маркс с самого начала участвовал в создании и работе этого учреждения, входя в его правление вместе с Александром Кытмановым и Никитой Скорняковым. Во время своих поездок он искал экспонаты для музея. В 1882 г. Маркс участвовал в научной экспедиции по исследованию возможности создания конно-железнодорожной дороги от Енисейска до пристани Полуустной на реке Чулым. Изучив территорию между Енисеем и рекой Чулым, Маркс предложил такую дорогу как один из путей соединения речных систем Оби и Енисея. По расчетам Маркса, этот путь должен был составлять 161 версту [Кривошеева 2009, 3].

Ссылный Соломон Чудновский, журналист «Сибирской газеты», лично встретился с Марксом незадолго до его смерти и много лет спустя вспоминал, что его уважали не только остальные сосыльные, но и золотопромышленники и местная администрация. Он также выдвинул предположение о том, почему Маркс не воспользовался амнистией, оставаясь в Енисейске: «Маркс был уже амнистирован и мог вернуться

в Европейскую Россию, но без права проживания в Царстве Польском. Это он не находил возможным и оставался в Енисейске» [Чудновский 1934, 233–234].

Максимилиан Маркс, находясь в ссылке в Енисейске, также писал стихи на польском и русском языках, которые передал во Львове Э. Павловичу. Мечтой Маркса было издать свои полные печали стихи во Львове, но это не удалось осуществить. Из стихов мы узнаем о ранней смерти дочери Екатерины и смерти 13 февраля 1887 г. его жены – Леокадии Маркс в девичестве Добкевич [Л. М. 13 lut. 1887 г.].

«Записки старика» – важный источник по истории Польши XIX в., польско-русским отношениям, истории Сибири, а также истории Витебска и Смоленска, Москвы и Енисейска. До сих пор воспоминания Максимилиана Маркса изучались и публиковались лишь во фрагментах исследователями, занимающимися локальной историей. Обращает на себя внимание колоритный язык автора, полный иронии и литературной страсти. Несомненно, это был не только эрудит, получивший серьезное образование, но и прекрасный наблюдатель и рассказчик. Маркс – пример поляка, который смог реализовать себя в условиях Российской империи. Его польское происхождение не мешало ему преподавать в Смоленске и Москве. Даже в изгнании он сумел проявить себя как метеоролог, деятельность которого заметили ученые всего мира. Конечно, его видение отличается от взглядов большинства ссыльных. В своих мемуарах он рассказывает о своей жизни на фоне исторических событий, дополняя свое повествование многочисленными отступлениями, рассказами и местными интересными деталями, которые не дадут скучать читателю при чтении «Записок старика».

В настоящее время ведется подготовка к изданию первого полного варианта мемуаров М. Маркса на русском языке (в серии «Польско-Сибирской библиотеки»), а также перевод на польский язык, подготовленный студентами и преподавателями Варшавского университета с научно-биографическими комментариями автора данной статьи.

Литература

Галенко П. Маркс в Енисейске // Красноярский рабочий. 1989. № 23.
Г-въ П. Максимилиан Осипович Маркс. (Некролог) // Восточное обозрение. 1893. № 38.

Деятели революционного движения в России: Био-библиографический словарь: От предшественников декабристов до падения царизма / Под ред. Вл. Виленского-Сибирякова, Феликса Кона, А.А. Шилова и др. Т. 1: От предшественников декабристов до конца

«Народной воли»; Ч. 2: Шестидесятые годы / Сост. А.А. Шилов, М.Г. Карнаухова. М., 1928.

Известия Императорского Русского географического общества. Т.18. 1882.

Кривошеева Л. Учреждение, «имеющее целью своей познание истины» // Енисейская правда. 2009. 16 сент.

Кытманов А.И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии 1594–1893 годов. Красноярск, 2016.

Маркс Максимилиан. Записки старика. ОФ. 2141/10. Машинопись. Енисейский Краеведческий музей им. А. И. Кытманова (Фотокопия рукописи, сделанная в 1973 г.).

Маркс М.К. Климат Енисейска по двенадцатилетним наблюдениям, 1873–1883 // Записки Академии Наук. Т. 55. СПб, 1887.

Мулина С.А. Адаптация ссыльных участников польского восстания 1863 года в Западной Сибири. СПб., 2012.

Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі. Ф.1781. Оп. 35. Д. 10, Л. 6.

Список лиц, удостоенных наградами Императорского Русского географического общества со времени его основания по 1907 год // Отчет Императорского Русского географического общества за 1907 год. СПб., 1908.

Федосова Т.Ф. Воспоминания Максимилиана Маркса «Записки старика» // Исследования по истории польского общественного движения XIX – начала XX в. / Ред. В.А. Дьяков, И.С. Миллер, А.М. Орехов. М., 1971.

Чудновский С.Л. Из дальних лет. Воспоминания. М., 1934.

Kijas A. Polacy w Rosji od XVII wieku do 1917 roku. Słownik biograficzny. Poznań, 2000. S. 211–212.

L. M. 13 lut. 1887 r. // Ossolineum Wrocław. Szczętki. Poezje M[aksymiliana] Marksa w 1869 r. zebrane i dopełnione w Jenisejsku w 1889 r. Pol. XIX w. Sygnatura 3453/I. K.59f-60.

Tyrowicz M. Edward Bonifacy Pawłowicz // Portrety ossolińskie. Antologia wspomnień. Wybrał, oprac. i biogramami opatrzył E. Adamczak. Wrocław, 1992.

Wójcik Z. Aleksander Czekanowski. Lublin, 1982

S. Leonczyk

*Institute of History of the University of Natural Sciences
and Humanities (Siedlce, Poland)*

**Siberian Yenisei Region in the Memoirs of a Polish Exile
Maximilian Marx (Second Half of the 19th Century)**

Abstract. *The article is focused on the little-known memoirs of Maximilian Marx (1816–1893). The Polish exile who decided to publish his memoirs describing his entire life in exile in Yeniseisk in Yenisei Region of Siberia.*

In his diary he wrote about the daily life of the forced colonists in Siberia and of the local indigenous peoples, as well as about the Polish colony and the town fire of 1869. He devoted a large amount of space to describe his meetings with the scientists and the explorers of Siberia.

The memories of the old men are an important source for the history of nineteenth-century Poland, Polish-Russian relations, and the history of Siberia.

Keywords: *Siberian Yenisei Region, Yeniseisk, memoirs, exiled, Polish contribution to the development of Siberia.*

Никулина И.Н.

Алтайский государственный университет (г. Барнаул)

**Ссылные поляки – участники Январского восстания 1863 г.
в Кузнецке**

Аннотация. *В статье рассматривается период пребывания в Кузнецке польских ссылных – участников Январского восстания 1863г. На основе архивных материалов и воспоминаний освещаются вопросы их численности, сословного состава. Дается характеристика отдельных слоев польского общества, оказавшихся в сибирской ссылке, показаны их материальное положение, род занятий, отмечается влияние ссылных поляков на экономическое и культурное развитие города. Некоторые из них оставили заметный след в истории Кузнецка.*

Ключевые слова: *польская ссылка, Январское восстание, политические ссылные, Алтай, Кузнецк.*

Значительное количество участников Январского восстания 1863г. в Царстве Польском отбывало ссылку в Западной Сибири, в том числе и на Алтае. Следует отметить, что политическая ссылка не получила значительного распространения на Алтае, т.к. его земли являлись собственностью Кабинета Его Императорского Величества [Никулина 2011, 401]. Тем не менее, все препоны, возводимые администрацией Кабинета, не могли оградить полностью округ от ссыльных. После подавления восстания среди городов Западной Сибири, определенных императором для жительства лиц, высланных по политическим причинам, были названы и города Алтайского горного округа, среди которых был Кузнецк (ныне Новокузнецк).

В общей сложности на основе изучения и систематизации архивных материалов и воспоминаний нам удалось выявить 62 ссыльных поляка, находившихся в Кузнецке [ИАОО. Ф. 3. Оп. 6. Д. 7784.Л.20–22]. Следует особо подчеркнуть, что из-за частого перевода ссыльных с одного места жительства на другое абсолютно точный подсчет достаточно затруднен и практически невозможен. На основании списков политических преступников 60-х гг. XIX в. удалось определить сословный состав польских ссыльных, находившихся в Кузнецке, хотя у части из них сведения по данному вопросу в архивных материалах отсутствуют. Среди польских политических ссыльных Кузнецка из дворян было 29 чел., из ксендзов – 10 чел., «из священнических детей» – 1 чел., «из привилегированного звания» – 4 чел. Таким образом, по имеющимся сведениям, среди ссыльных преобладали дворяне (29 чел.) [ИАОО.Ф. 3. Оп. 6. Д. 7784. Л. 20–22].

Большой интерес представляют воспоминания политических ссыльных 60-х гг. XIX в., являющиеся важным источником для изучения польской ссылки в Сибири. Упоминания о ссыльных поляках в Кузнецке содержатся в воспоминаниях известного участника революционного движения, политического ссыльного, экономиста, социолога, публициста, писателя Василия Васильевича Берви-Флеровского (Берви). О подробностях его пребывания в Кузнецке известно благодаря воспоминаниям самого ссыльного и его жены Екатерины Ивановны Берви. В.В. Берви отмечал, что «во время моего пребывания в Кузнецке и вообще в Сибири (1866 г.), туда высылались в большом количестве поляки, прикосновенные к восстанию» [Берви 1915, 113]. В воспоминаниях Е.И. Берви содержатся упоминания о ссыльных поляках братьях Ландсбергах, Конюшевском, Кухарском, Ковальском, общающихся с Берви, часто собирающихся вместе и беседующих Характеризуя польских ссыльных Кузнецка, Екатерина

Ивановна отмечала, что «большинство были шляхтичи с элементарным образованием. Кое-кто знал ремесло, и те сравнительно устраивались. Дворяне получали по 6 руб. в месяц... но большинство должно было проявлять настоящее искусство, чтобы прожить на свой паек» [Берви 1915, 129–133]. Многие из ссыльных занимались ремеслами. Например, Феликс Альбертович Ковальский обучался сапожному мастерству, младший Ландсберг – кузнечному. Домановский пек вкусный пшеничный хлеб, изготавливал колбасы и сосиски. Несомненно, эти занятия ссыльных оказывали определенное влияние на жизнь и быт местного населения. По этому поводу В.В. Берви отмечал, что «политические ссыльные из Польши... принесли с собой невиданное в этой глуши искусство и неизвестные до того ремесла. Все кинулись заказывать себе сбрюю, мебель, экипажи, даже картины и изящные вещи. Стали устраивать праздники с небывалою до этого роскошью, выписывали музыку. Явился домашний театр, устроилось что-то вроде клуба или гостиницы. Жители были в восторге: наша жизнь цивилизуется, повторяли они...» [Берви-Флеровский 1958, 128].

В воспоминаниях Е.И. Берви указывалось на дружбу семейства Берви с ссыльными поляками. «На Пасху муж разослал полякам чуть не весь запас имевшихся у нас визитных карточек. Когда все они собрались, то у нас было так тесно, что с трудом можно было пробираться в толпе. Пели... и какие-то были чудные песни» [Берви 1915, 134]. Сам Берви подчеркивал, что поляки «к русским ненависти не имели и прекрасно уживались с... народом» [Берви 1915, 121]. Не случайно, по его мнению, «в Сибири поляки повсеместно расположили к себе русский народ», хотя «чиновники... в угоду правительства разжигали в населении вражду к полякам» [Берви 1915, 113]. Тем не менее, большинство русского населения относилось к ним с сочувствием.

Важно отметить интерес поляков ко всему русскому. Именно этим объясняется чтение В.В. Берви в Кузнецке полякам лекций о русских социальных идеях, в которых он критиковал социально-политические порядки в России, помещичье землевладение. О впечатлениях, производимых на слушателей лекциями, он писал: «Пылкие поляки быстро воспламенялись этими идеями и наполняли ими свои письма, особенно им понравилось то место, где я доказывал, что материальный труд вовсе не осуждает рабочего человека на невежество и что рабочий класс может быть настолько же развитым и интеллигентным, как и так называемая образованная часть общества» [Берви 1915, 121].

В сибирской ссылке оказались различные слои польского общества, в том числе и представители римско-католической церкви. В Кузнецке

под надзором полиции находились ссыльные ксендзы Гимарий Яковлев Бацулович (Гилярий Быцулевич), Николай Гиртович, Альберт Григалюнович, Иосиф Давыдович, Доминик Никодимов Жук, Георгий Антонов Касиловский (Коссиловский), Эдуард Котович, Андрей Домиников Кржижановский, Урбан Юрьев Торгонский, Викентий Юстинович [Никулина 2011, 225, 228–230, 235–237, 249, 251]. Интересные упоминания о ссыльных представителях духовенства содержатся в воспоминаниях В.В. Берви. Он отмечал, что ксендзы «отличались способностью к тому роду самоотвержения, которое прививается католическому духовенству его аскетическим воспитанием. Это помогало им переносить свою судьбу с большей стойкостью и с большим достоинством... ни от одного из них я не слышал малодушного уверения, что он был против восстания. Кроме того, ни одна категория ссыльных не пользовалась такой поддержкой, как ксендзы» [Берви 1915, 118]. Таким образом, ссыльные представители духовенства мужественно переносили выпавшие на их долю испытания.

Материальное положение польских ссыльных было достаточно сложным. Часть ссыльных находилась в крайне тяжелой финансовой ситуации, не получая определенного от казны денежного пособия. Так, ксендз Вицентий Юстинович, высланный «по подозрению в участии в мятеже без лишения права и преимущества на житье», отбывавший наказание в Кузнецке, обратился в апреле 1866 г. с просьбой на имя начальника Томской губернии «об отпуске положенного пособия, как не лишенному права состояния» [ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1866 г. Д. 393. Л. 1–3]. С 8 марта 1868 г. Юстиновичу было назначено по 1 руб. 20 коп. квартирных денег в месяц [ГАТО. Ф. 3. Оп. 54. Д. 643. Л. 7, 7 об.]. 15 февраля 1868 г. из Томской казенной палаты сообщалось, что ксендзу Георгию Коссиловскому, «высланному из Виленской губ. за противодействие распоряжениям начальства относительно процессии и крестьянских ходов без лишения прав состояния на постоянное жительство под строгий надзор полиции в Томскую губернию (Кузнецк)...», назначено денежное от казны пособие по 15 коп. в сутки..., сверх кормового довольствия квартирных денег назначено по 1 руб. 20 коп. в месяц», поскольку он «...от родственников с родины пособия не получает, а потому существовать без пособия от казны не может» [ГАТО.Ф. 3. Оп. 54. Д.643.Л. 1 об., 3, 5, 6].

Поляки, находившиеся в ссылке, испытывали большие затруднения от невозможности вести привычный образ жизни, от разлуки с родиной и с близкими людьми. И в этих условиях ссыльные представители католического духовенства, безусловно, оказывали им большую

моральную поддержку. Оказавшимся в сибирской ссылке католическим священникам запрещалась любая религиозная и миссионерская деятельность.

Тем не менее, в отдельных случаях допускались исключения из правил. Так, ссыльный ксендз Иосиф Давыдович, первоначально находившийся в Кузнецке, указывал на разрешение правительственной власти совершать богослужение в частном доме капланам, не лишенным прав своего сана. Он отмечал, что «...к сожалению, в дни праздничные на богослужение, осуществляемое в 11 часов утра, приходят только от 10 до 20 чел.» [Dawidowicz 1992, 276]. В целом, отмечая высокую активность «священников в деле организации религиозной жизни для своих соотечественников...», польский исследователь Я. Зюлек особо подчеркивает, что «примером такой пастырской деятельности может послужить биография отца Давидовича» [Зюлек 2002, 139].

Среди польских политических ссыльных, находившихся в данный период в Кузнецке, нельзя не вспомнить женщин, сам факт пребывания здесь которых представляет немалый интерес, существенно дополняя общую картину политической ссылки. Известно, что 16 августа 1865 г. Михаил Еринович поступил в Кузнецк с женой Екатериной, детьми Константином, Амалией, Юлией и матерью жены Анной Донебровской Ссыльный ксендз Альберт Григалонович, находившийся в Кузнецке с 16 августа 1865 г., прибыл к месту назначения с сестрой Екатериной [ИАОО.Ф. 3. Оп. 6. Д. 7784. Л. 21]. Таким образом, женщины разделили изгнанническую жизнь близких людей в ссылке. Важно отметить, что среди польских ссыльных, направленных на жительство под надзор полиции в Кузнецк, с 21 июля 1865 г. находилась Юлия Стефановичева с детьми Анастасией, Алабиной и Каролиной, принимавшая участие в восстании 1863 г. в Царстве Польском [ИАОО. Ф. 3. Оп. 6. Д. 7784. Л. 21].

Некоторые из ссыльных поляков активно занимались предпринимательством. Владельцем пивоваренного завода в Кузнецке был ссыльный участник восстания 1863 г. Иван (Ян) Матвеевич Красимович (Висневский), занимавшийся виноторговлей. Следует подчеркнуть, что в судьбе Красимовича (Висневского) много неясных, требующих существенных уточнений, моментов, выяснение которых возможно в результате осуществления дальнейших углубленных исследований для получения дополнительной информации. В связи с этим хотелось бы особо отметить большую поисковую исследовательскую работу, осуществляемую праправнуком И.М.

Красимовича С.Г. Коротковским (Екатеринбург), собирающим буквально по крупицам сведения о своих родственниках.

Рядом с заводом И.М. Красимович построил большой (на шесть квартир) каменный дом. Примечательно, что в Новокузнецком краеведческом музее воссоздан макет дома И.М. Красимовича в Кузнецке [Лизогуб 2014]. Известно, что в 1897 г. в Кузнецком городском управлении рассматривался вопрос о постройке купцом Красимовичем моста через ров с Казацкой улицы в Слободку. Строительство моста продолжалось несколько лет. Построенный мост значительно облегчил передвижение по этой части Кузнецка, за что жители города были очень благодарны [Коротковский, Никулина 2019, 10–11, 15, 18, 19]. Исследователь Л.К. Островский отмечал, что семья Красимовича играла большую роль в общественной жизни Кузнецка. В 1915 г. сын Ивана Красимовича Альбин был директором литературно-музыкального драматического общества Кузнецка [Островский 2016, 259].

В 70-х гг. XIX в. в положении польских ссыльных произошли существенные изменения. На основании Высочайших повелений от 13 мая 1871 г., от 9 января 1874 г. отдельные категории политических ссыльных освобождались от полицейского надзора, им разрешалось выехать из Сибири. Однако удалось установить, что из ссыльных, отбывавших сроки наказания в Кузнецке, воспользоваться этим и покинуть Сибирь смогли только 3 чел. Так, ссыльный ксендз Д. Жук был освобожден в 1874 г. от надзора полиции, в дальнейшем проживал в Костроме, получая «от казны пособие в размере 72 руб. в год». В 1882 г. ему было разрешено переселиться в Нижний Новгород [РГИА. Ф. 821. Оп. 3. Д. 232. Л. 19, 26]. 4 чел. (Г. Бацулович, Н. Гиртович, Касиловский, И.М. Красимович) остались в Сибири по истечении срока наказания. Известно, что Г. Бацулович (Быцулевич), Н. Гиртович, И.М. Красимович) скончались в Томске [Католический некрополь города Томска 2001, 51, 55, 155]. Конкретных сведений о дальнейших судьбах других польских ссыльных пока не обнаружено. Возможно, последующие исследования внесут свои дополнения по данному вопросу.

Таким образом, польские ссыльные, находившиеся в Кузнецке, занимались различной деятельностью, оказывая значительное влияние на жизнь города и внося свой вклад в его экономическое и культурное развитие. Для польской ссылки 60-х гг. XIX в. характерен относительно высокий уровень культуры и образования. По воспоминаниям участника революционного движения Л.Ф. Пантелеева польская ссылка «...в огромном большинстве... представляла высококультурный

элемент» [Пантелеев 1958, 561]. Значение польской ссылки определялось В.В. Берви-Флеровским одной фразой «...они вносили с собой цивилизацию» [Берви 1915, 113]. В целом, ссыльные поляки смогли успешно адаптироваться к новым жизненным условиям, заняв определенное место в сибирском обществе.

Литература

Берви В.В. Воспоминания В.В. Берви // *Голос минувшего*. 1915. № 6–8. С. 110–126.

Берви Е.И. Воспоминания // *Голос минувшего*. 1915. № 7–8. С. 127–142.

Берви-Флеровский В.В. Избранные экономические произведения. Т.1. М.: Соцэкгиз, 1958. 618 с.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.109. 1 эксп. 1866 г. Д. 393.

Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 54. Д. 643.

Зюлек Я. Римско-католические священники, сосланные в Сибирь после Январского восстания // *Сибирь в истории и культуре польского народа / науч. ред. А. Кучинский, П.С. Романов*. М.: Ладомир, 2002. С. 133–145.

Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. 3. Оп. 6. Д. 7784.

Католический некрополь города Томска (1841–1919) / Отв. ред. В.А. Ханевич. Томск: ООО «Рау Шмбх», 2001. 282 с.

Коротковский С., Никулина И. Польская сибириада // *Europa Orientalis. Studia z Dziejów Europy Wshodniej i Państw Bałtyckich*. 2019. № 10. S. 9–35.

Лизогуб П. Дом купца Окулова // *Наш город Новокузнецк*. 2014. № 3. С. 32–35.

Никулина И.Н. Польская политическая ссылка на Алтай в XIX в. // *Сибирская ссылка*. /Отв. ред. А.А. Иванов, С.И. Кузнецов, Б.С. Шостакович. Иркутск: Оттиск, 2011. № 6(18). С. 400–425.

Никулина И.Н. Религия и политические ссыльные Западной Сибири в XIX в. (20-е – первая половина 70-х гг.). Иркутск: Оттиск, 2011. 254 с.

Островский Л.К. Поляки в Западной Сибири в конце XIX- первой четверти XX века. Новосибирск: НГАСУ (Сибстрин), 2016. 808 с.

Пантелеев Л.Ф. Воспоминания. Л.: Гослитиздат, 1958. 847 с.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 821. Оп. 3. Д. 232.

Dawidowicz J.S. Listy z zesłania // Zesłanie i katorga na Syberii w dziejach polaków 1815–1914 /oprac. A. Brus, E. Kaczyńska, W. Śliwowska. Warszawa:Wydawnictwo Naukowe PWN , 1992. S. 272–276.

Irina N. Nikulina
Altay State University

The Exiled Poles Participating in the January Uprising of 1863 in Kuznetsk

Abstract. *The article considers the period of stay in Kuznetsk of Polish exiles – participants of the January uprising of 1863. On the basis of archival materials and memoirs, issues of their number and class composition are covered. The characteristics of certain layers of Polish society that find themselves in Siberian exile are given, their financial situation, occupation are shown, the influence of the exiled Poles on the economic and cultural development of the city is noted. Some of them left a noticeable mark on the history of Kuznetsk.*

Keywords: *Polish exile, January uprising, political exiled, Altai, Kuznetsk.*

Деннингхаус В.

Институт культуры и истории немцев в Северо-Восточной Европе при
Гамбургском университете (г. Люнебург, Германия)

В родную Сибирь или «на край света»?: Эмиграция поволжских немцев в Америку в конце XIX – начале XX века

Аннотация: *Проблему земельного голода в конце XIX века немецкие поселяне решали специфическим, «нереволюционным путем»: арендой свободных земель в соседних регионах, путем развития ремесленного производства, а также эмиграцией за океан или переселением в Сибирь. В отличие от переселения в Сибирь, связанного с коренной ломкой устоявшегося быта и обязательным переездом всей семьи, «временный» выезд в Америку был под силу даже одному из ее членов. Наряду с возможностью сохранить свое хозяйство на родине, а также надеждой на скорое возвращение с накопленным за океаном капиталом, «чужая» Америка выступала альтернативой «родной»*

Сибири. По различным данным, с 1874 по 1914 гг. из Поволжья в Америку выехало до 100 тысяч российских немцев. Более половины из них поселилось в США (Миннесота, Небраска, Канзас, Айова, Миссури, Колорадо и др.). Переселение в Сибирь или эмиграция за океан, явились своеобразным клапаном, через который сбрасывалось недовольство части поволжских немцев своим имущественным и социальным положением, а также патриархальным характером заимствованной от русских соседей общины. Среди основных причин эмиграции из России немцев, граждан призывного возраста, уклонение от воинской повинности стояло далеко позади, пропустив вперед «экономическое бегство» целых семей от нужды и голода.

Ключевые слова: *Российская империя; Поволжье; Саратовская губерния; Самарская губерния; Сибирь; Северная Америка; Южная Америка; США, национальная политика; российские немцы; эмиграция; переселение*

1. Вступление

Начало массовой немецкой эмиграции из России в страны Нового Света было положено в 1874 г. [Long 1988, 25; Stumpp 1963, 5–19; Klüber 1965, 816–819]. На этом этапе ручеек переселенцев за океан был воспринят российскими властями не более, чем демонстративный акт, вызванный привлечением колонистов, в том числе меннонитов, к обязательному отбытию воинской службы [Brandes 1993, 366–367; Rath 1963, 22; Шульга 1997, 50]. Исходя из данных губернаторских отчетов, в 70-е гг. XIX в. только в США выехало в общей сложности около 15 тыс. российских немцев. К началу 80-х гг. XIX в. численность российских немцев в США достигла уже 20 тыс. чел. При этом количество переселенцев из Саратовской губ. составило немногим более семи тысяч, а из Самарской – около 1,6 тыс. чел. [Kloberdan 1994, 175–177].

По сути, именно несогласованность российских законов, особенно на первоначальном этапе эмиграции российских немцев, давала возможность всем призванным на военную службу юношам беспрепятственно покидать Россию. Дело в том, что списки предварительных призывников подавались в земские отделы по воинской повинности к 1 июля, а заявить о выезде за границу можно было до 1 сентября. Таким образом, у всех колонистов, вытянувших несчастливый «призывной» билет, оставалось время подать заявление о выезде из страны, так как сам призыв в армию проводился лишь осенью после полной уборки урожая [Шульга 2001, 35–36].

С 1874 по 1881 г. только из пяти волостей Камышинского уезда за океан перебралось около 500 немецких семей [Очерки 1995, 173–174]. Как правило, основная часть поволжских эмигрантов разместилась на землях штатов Канзас (Kansas), Небраска (Nebraska), Вайоминг (Wyoming), Колорадо (Colorado), Монтана (Montana), Айова (Iowa), Висконсин (Wisconsin) и Мичиган (Michigan) [Stumpp 1963, 7–8]. В 80–90-е гг. XIX в. общая волна немецкой эмиграции из России в США несколько спала: за двадцатилетний период туда переселилось всего лишь чуть более 20 тыс. колонистов [Кабузан 1996, 153]. Однако целая череда неурожаев в Саратовском Поволжье и бедность, особенно примечательные на фоне экономического благополучия ранее переселившихся за океан колонистов, придали новый импульс эмиграции [Очерки 1995, 123]. Только с осени 1886 по март 1887 г. из немецких волостей Камышинского уезда в Америку отправилось 350 семей [Очерки 1995, 123]. Причем на данном этапе эмиграция захватила и сравнительно многоземельное Заволжье, где наряду с немцами свои селения стали покидать и русские крестьяне.

В отличие от переселения в Сибирь, связанного с коренной ломкой устоявшегося быта и обязательным переездом всей семьи, «временный» выезд в Америку был под силу даже одному из ее членов. Наряду с возможностью сохранить свое хозяйство на родине, а также надеждой на скорое возвращение с накопленным за океаном капиталом, «чужая» Америка выступала альтернативой «родной» Сибири. Однако большая часть выехавшего на «быстрые» заработки населения обратно в свои родные селения так и не вернулась [Очерки 1999, 15].

К началу XX в. в западной части США уже проживало в общей сложности около 50 тыс. немцев, выходцев из России [Кабузан 1996, 151]. Менее привлекательной для россиян долгое время оставалась Канада, куда в 1874–1879 г. также прибыла первая крупная партия (около 18 тыс.) российских меннонитов, в основном, выходцев из Таврической и Херсонской губерний [Stumpp 1963, 11]. Несмотря на массовый поток именно причерноморских меннонитов, в Канаду попадали и представители других конфессий – католики и лютеране, включая выходцев и из Поволжского региона. Так, в 1907–1912 гг. при участии поволжских колонистов католического вероисповедания было основано поселение «*Happyland*», расположившееся юго-западнее провинции Саскачеван (Saskatchewan). Поволжские немцы-лютеране, начиная с 1893 г., активно осваивали территорию провинции Альберта (Alberta), создавая поселения в окрестностях города Калгари (Calgary) [Stumpp 1963, 12]. По различным подсчетам, к 1914 г. в Канаде проживало уже около 150 тыс. российских немцев [Stumpp 1963, 11–12],

включая реэмигрантов из США. До начала 1890 г., общая численность российских немцев в Канаде была незначительна. Основной поток переселенцев прибыл сюда в период с 1890 по 1914 гг.

Наряду с эмиграцией в Северную Америку росло и переселение немцев-колонистов в страны Южной Америки, преимущественно в Бразилию, Аргентину, Уругвай и Парагвай [Hollatz 1997, 165–186]. Первые массовые организованные наборы поволжских немцев, отправлявшихся в Бразилию и Аргентину, были отмечены в 1877–1879 гг. [Минх 1898, 156]. За два года было зафиксировано около 30 различных по количеству групп колонистов, организованно выехавших из России. Нередко численность колонистов в этих группах составляла несколько сотен человек. Только из селения Гнилушка (Pfeifer) Камышинского уезда (Саратовская губерния) в 1877–1881 гг. в Аргентину эмигрировали 40 семей (около 300 чел.). Так, из одной колонии Степная (Stahl) в 1878 г. в Бразилию эмигрировали около 80 семей. В период с 1876 по 1887 г. из Поволжья в Бразилию переселились еще 234 католические семьи. Необходимо заметить, что именно Бразилия (основными регионами расселения российских немцев в Бразилии являлись следующие провинции: Parana, Rio Grande de Sul, Santa Catarina и São Paulo – В.Д.) являлась для поволжских немцев, исповедовавших католицизм, одной из наиболее популярных стран с целью эмиграции [Stumpp 1963, 15–16; Hollatz 1997, 173–178]. В этот же период появляются многочисленные поселения поволжских немцев в Аргентине, названные, как правило, по имени оставленных колоний на Волге – Келер (Köhler), Маринталь (Mariental), Пфайфер (Pfeifer) и др. [Stumpp 1963, 18].

С началом XX в. в условиях быстрого увеличения народонаселения, катастрофического роста малоземелья и недостаточного развития экономики масштабы оттока населения из России продолжали нарастать. Так, за период с 1897 по 1917 гг. в страны Нового Света эмигрировали почти три миллиона российских граждан, из которых 86,2% осело непосредственно в США. Доля немцев среди общего количества российских иммигрантов в США составила 5,6%.

Только начало Первой мировой войны смогло затормозить развитие ежегодно нараставшей эмиграционной волны. Так, если в 1914 г. в США из России прибыло почти 256 тыс. иммигрантов различных национальностей, то в 1915–1920 гг. данная цифра составила всего 58,8 тыс. [Кабузан 1996, 189]. При этом с начала 1895г. по 1920г. включительно из пределов Российской империи в США эмигрировало почти 150 тыс. лиц немецкой национальности (в 1901–1910 гг. – 90 тыс.; в 1911–1920 гг. – 48,6 тыс. чел.). Более 50% всех российских немцев

(61,5 тыс. чел.) сконцентрировались преимущественно в штатах Северо-Западного центра США (Миннесота, Небраска, Канзас, Айова, Миссури) [Кабузан 1998, 182]. В целом, по различным данным, с 1874 по 1914 гг. из Поволжья выехало от 80 до 100 тыс. немецких колонистов [Очерки 1995, 174; Janssen 1996, 87].

2. Этапы эмиграция немцев Поволжья в страны Нового Света

Немцы Саратовского Поволжья были в полной мере вовлечены в эмиграционное движение: на рубеже XIX–XX вв. только из нескольких волостей Камышинского уезда (Олешинской, Норкской, Семеновской, Каменской и Усть-Кулалинской) за океан эмигрировали около 1,4 тыс. чел. (крестьянин села Суворово Камышинского уезда (Саратовская губерния) И. Рогаткин даже обратился к губернатору, с ходатайством о разрешении ему открыть в Саратове контору по отправке в Америку эмигрантов [Очерки 1999, 15; Воронежцев 1996, 221]. Из одной Усть-Кулалинской волости с 1895 по 1899 гг., по согласованию с сельскими общинами, в Америку направилось более 180 семей поселенцев-собственников, в общей сложности 717 человек обоего пола (Всего 369 мужчин и 348 женщин). И если в 1895г. из этой волости эмигрировали всего четыре семьи, то в 1899г. их число возросло более чем в 28 раз [ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6128. Л. 17–17об; Очерки 1999, 15].

Причем наибольшее число Усть-Кулалинских переселенцев выбыли из своих селений именно после «голодных», неурожайных лет (1897 и 1898 гг.) (с 1876 по 1881 г. из колонии Щербаковка (Усть-Кулалинская волость) в США эмигрировало 13 семей (около 100чел.), а в 1885–1886 гг. в Северную и Южную Америку – еще 7 семей (55 чел.), что указывает на экономические мотивы выезда немецких поселенцев [ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6128. Л. 17об.; Очерки 1999, 31; Юстус 1917, 21]. В то же время центральные власти старались особо не выпячивать экономические причины немецкой эмиграции, зачастую придерживаясь традиционной схемы, в которой главной причиной оставления России являлось уклонение немцев от службы в армии [Kloberdan 1994, 176–177; Stumpp 1963, 5]. На рубеже XIX–XX вв. эту точку зрения разделяло и руководство Саратовской губернии, не раз отмечавшее, что в результате эмиграции немецких поселенцев призывного возраста в «немецком» – Камышинском уезде воинскую повинность отбывают русские крестьяне, имеющие различные категории льгот. При этом главный акцент делался на то, что в соседних «русских» уздах данные категории крестьян на военную службу вообще не призывались [ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6128. Л. 34].

Объективно подходя к проблеме переселения в целом, необходимо заметить, что процесс эмиграции немцев (включая лиц призывного возраста) не всегда находил понимание и в самих немецких общинах, нередко рассматривавших эмиграцию (особенно на первоначальном этапе), как угрозу устоявшимся общественным и семейным отношениям [Kloberdan 1994, 177–178; Dahlmann 1996, 9–10]. Так, по официальным сведениям, в 1899 г. из немецких селений 5-го участка Камышинского уезда в Америку выехало 411 чел., причем семнадцать из них покинули свои селения самовольно, без паспортов, «[...] так как общество не давало им увольнительных приговоров в виду большой их задолженности или потому, что эти лица подлежали отбытию воинской повинности» [ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6128. Л. 16].

Основная часть поволжских эмигрантов направлялась в Северную Америку (США, Канада, Мексика) и лишь небольшая оседала в Южной Америке (Аргентина, Бразилия, Парагвай). Первый поток немецких эмигрантов из Нижнего Поволжья в Бразилию и Аргентину был отмечен в 1876 г. [Kloberdan 1994, 176; Очерки 1995, 174]. Причем регионы переселения зависели, как правило, от вероисповедания колонистов. По сообщению одного из земских начальников Камышинского уезда, большая часть немцев-католиков держала курс в Южную Америку и лишь единицы – в Северную (США) [Stumpp 1963, 13]. Однако, имелись и некоторые исключения, например, когда лютеранское население поволжских колоний направлялось в католическую Мексику или Бразилию [ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6128. Л. 16–16об.]. Несомненным оставалось, однако, лишь то, что «*поздние*» эмигранты селились в местах проживания их родственников или близких знакомых, ранее выехавших из России.

Если ограничиться территорией Самарской и Саратовской губерний, то и в довоенный период (1900–1914 гг.) эмиграционное движение почти повсеместно охватывало лишь уезды с немецким населением; случаи выезда за рубеж русских крестьян были спорадическими и единичными (по данным Всероссийской переписи 1897 г., русское население Саратовской губернии составляло 76,8% от всех жителей, а в Самарской – 64,5%) [Кабузан 1996, 283–284]. Среди основных причин эмиграции можно выделить тяжелое экономическое положение, ставшее следствием малоземелья и катастрофических неурожаев, отсутствие регулярных заработков и постоянный рост безработицы [ГАСО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 10721. Л. 7об.]. К числу второстепенных причин, необходимо все же отнести стремление части поселенцев уклониться от призыва в армию, наиболее заметно проявлявшееся в период боевых действий (Русско-японская война, Первая мировая война) [Шульга

1997, 52–53; Шульга 2001, 40, 48–53]. Несмотря на то, что первоначально срок нахождения в армии составлял 6 лет (1874 г.), нередко немцы-колонисты первых годов призыва уже после трех лет службы возвращались домой. Причина столь короткого срока службы заключалась в том, что военное ведомство имело право увольнять в запас солдат до истечения основного срока службы, чем оно нередко и пользовалось, с целью увеличения численности лиц, прошедших военную подготовку и, соответственно, – числа резервистов. Регулярное сокращение сроков службы и отсутствие боевых действий благоприятно влияло на мобилизационный процесс поволжских немцев. Однако начало русско-японской войны резко изменило настроение немецких призывников, включая и солдат-резервистов. Не последнюю роль в данном процессе сыграла непродуманная мобилизационная политика российского правительства, когда многие семьи призванных военнослужащих – колонистов были брошены на произвол судьбы. Именно в этот период, как уже отмечалось, поток немецких эмигрантов, решивших покинуть Россию, резко усилился.

Причем тенденция роста «экономической» эмиграции превалировала над *«политической»* весь довоенный период XX в. *«Поводом к переселению послужили неурожай последних лет»*, – подтверждали в 1910 г. и сотрудники Саратовского отделения Либавской конторы «Калсберг-Спиро и К^о». Данная посредническая контора была открыта в Саратове в 1907г. и наряду с продажей пассажирских пароходных билетов занималась также оформлением всех необходимых документов до места следования переселенцев. Только в период с 1907 по 1910 г. услугами данной конторы воспользовались около 2 тыс. чел., отправившихся преимущественно в США. По их сведениям, основной контингент выезжавших и оформлявших паспорта состоял из представителей малоимущих слоев немецких поселенцев, преимущественно выходцев из Камышинского и Новоузенского уездов Саратовской и Самарской губерний [ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8473. Л. 1; ГАСО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 6989. Л. 64–64об.]. По мнению руководства Медведицкой волости Аткарского уезда, одной из главных причин выселения колонистов явилась именно – *«недостаточность [их] имущественного положения»* [ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8473. Л. 7]. Данная точка зрения полностью совпадала с выводами исправника Саратовского уезда, наблюдавшего развитие эмиграционного движения в *«исключительно»* немецкой Ягодно-Полянкой волости, также заметившего, что отъезд поселенцев напрямую связан только с *«рядовыми неурожаями хлебов за несколько*

лет» [ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8473. Л. 15; ГАСО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 6989. Л. 115–116; Булычев 1996, 217].

Данное высказывание не было голословным. Повторявшиеся, особенно в конце XIX – начале XX в. с регулярной последовательностью неурожайные годы, ставшие настоящей катастрофой для всего Нижнего Поволжья, не только привели к разорению многочисленных немецких хозяйств, но и существенно подорвали веру широкого слоя обедневших поселян в их будущее благополучие. Наступавшая нищета и безысходность в изменении материального положения вынуждали часть колонистов к поиску радикальных путей преобразования своей жизни, но не ценой политической борьбы за права земледельца-собственника в России, а за счет переселения в другие страны, обладавшие, по их мнению, более совершенными законами [Long 1988, 132]. *«[...] Неурожайные годы в России, отсутствие местных заработков и отчасти малоземелье, с другой стороны – хорошие урожаи в Америке, высокий уровень там заработной платы и обеспеченное существование рабочего класса»,* – так перечисляли положительные стороны эмиграции представители уездной власти Саратовской губернии, оголяя, тем самым, самые болевые точки российской экономики, вынуждавшие тысячи немецких поселенцев оставлять свой привычный мирок и перебираться далеко за океан [ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8473. Л. 61об., 120].

За период с 1900 по 1909 г. из одного Саратовского Поволжья эмигрировали около 21 тыс. чел.: свыше 17,5 тыс. – из Камышинского, более 2,5 тыс. – из Аткарского (в первое десятилетие XX в. Аткарский уезд покинуло 1275 мужчин и 1285 женщин различных возрастов) и около 600 чел. – из Саратовского уездов [ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8473. Л. 118–118об.]. Доля выезжавших была достаточно высока, что давало возможность оставшимся поселенцам практически сразу почувствовать некий *«эффект разряженности»*, особенно в наболевшем вопросе землевладения. Исходя из статистических данных местных волостных органов, только из одной Усть-Кулалинской волости *«число выехавших со включением возвратившихся составляло [...] от 10 до 25% всего населения»*. При этом, если *«бедный класс»* и относящиеся к средним слоям поселенцы-собственники выезжали целыми семьями, то представители более зажиточных слоев, как правило, покидали свои общины по одиночке [ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8473. Л. 5–5об., 57]. Основное ядро выселенцев составляли лица мужского пола, в основном чернорабочие и хлебопашцы разных возрастов, но преимущественно *«рабочего»* – от 18 до 40 лет [ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8473. Л. 65; Очерки 1999, 15]. Нередко в эту категорию попадали и рабочие-ремесленники,

как правило, малоимущие. Данная характеристика потенциального эмигранта (бедность и четкая возрастная планка) зачастую рассматривалась местными властями как подтверждение того, что наряду с экономической эмиграцией имело место уклонение немцев от призыва в армию [ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8473. Л. 65об.]. Хотя здравая логика подсказывает, что только здоровые и привыкшие к физическому труду лица могли рассчитывать на успех в эмиграции. Эмигранты «нерабочего» возраста просто были бы не в состоянии прокормить себя и свою семью, тем более начиная жизнь «с нуля». Кроме того, возможность заработать деньги «на стороне», несомненно была более заманчивой, чем военная служба в российской армии (средний заработок чернорабочего в этот период составлял в Америке в среднем от 900 до 1200 руб. в год (около 500–900 долларов) [ГАСО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 6989. Л. 77–77об.].

3. Реклама и агитационная деятельность пароходных компаний

Как правило, основной поток эмигрантов из Нижнего Поволжья отправлялся по железной дороге через пограничный пункт Вержболово (Кибарты) до крупнейших европейских портов (Гамбург, Бремен или Антверпен), а оттуда, морским путем до Нью-Йорка или Гальвестона [Hollatz 1997, 179–180]. Меньшая часть немецких переселенцев добиралась по железной дороге до порта Либава, откуда, уже на кораблях, добиралась до вышеуказанных портов Европы [ГАСО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 6989. Л. 115–115об.].

В большинстве случаев, пароходные компании сообщали лишь о времени отхода своих судов и указывали конечную цену и условия перевозки пассажиров. Однако имела место и вербовка населения официальными агентами ряда пароходных представительств, регулярно объезжавших поволжские селения [ГАСО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 6989. Л. 80–80об.]. Среди них, в первую очередь, можно выделить две наиболее известные в Поволжье компании: «Friedrich Missler» из Бремена и «Karlsberg – Spiro & Co» из Либавы [ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8473. Л. 120–120об.; Юстус 1917, 23].

Нужно заметить, что, начиная с 1905 г., выезд российских подданных за границу был несколько облегчен, а крупнейшие российские пароходные компании стали составлять конкуренцию заграничным, получив разрешение на перевоз пассажиров в США через порт Либава. Такое право в 1905 г. получило, например, «Русско-Восточно-Азиатское пароходство». При этом Курляндскому губернатору было разрешено открыть отделение его Канцелярии, выдававшее заграничные паспорта выезжающим, независимо от их постоянного

места жительства [Кабузан 1996, 191]. Этим новшеством воспользовались и поволжские немцы, нередко оформлявшие свои заграничные паспорта уже в Либаве, а не в Саратовской или Самарской губерниях.

Несмотря на постоянный рост переселенцев, пароходные представительства (а также будущие работодатели, так, например, железнодорожная компания «Northern Pacific» направила в Европу 800 своих агентов, с целью распространения рекламных изданий на всех основных языках, для привлечения эмигрантов), проводили определенную агитационную работу, распространяя среди немецких поселенцев и русских крестьян различные рекламные брошюры и буклеты, касающиеся эмиграции за океан [Long 1988, 120; Rath 1963, 32]. Так, например, в 1909–1910 гг. в Камышинском уезде имели хождение письма-рекламы германской пароходной компании «Friedrich Missler Bremen», в которых описывались все преимущества эмиграции в Бразилию, включая возможность бесплатной доставки желающих туда переселиться. Критерии к бесплатному переселению были достаточно просты – а) целые семьи, а не отдельные ее представители; б) глава семьи должен был быть официально зарегистрирован в качестве земледельца; в) хорошее здоровье. Кроме этого, эмигранты, имеющие глазное заболевание «трахома», перед выездом в Америку должны были обязательно пройти курс лечения. [Колчина 1995, 293–294]. В одном из таких писем, подписанном лично Фридрихом Мисслером, с пафосом отмечалось: *«Я никогда не рекомендовал бы путешествие в Бразилию, если бы не был вполне уверен, что колонистам там хорошо живется, и что они имеют будущность впереди, если они трудолюбивы и прилежны [...]»* [ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8473. Л. 69–72об.].

Нередко в селениях распространялись и так называемые письма-призывы от ранее уехавших колонистов, агитировавших своих односельчан последовать их примеру. Например, в 1910 г. по Гусельской и Илавинской волостям Камышинского уезда по рукам ходило письмо некоего колониста Вильгельма Раутмана, всесторонне расхваливавшего жизнь своей семьи в далекой Бразилии. В частности, в нем отмечались не только прекрасные климатические условия, возможности выращивания аналогичной Нижнему Поволжью сельскохозяйственной продукции, но и всесторонняя помощь переселенцам со стороны бразильских властей. *«Пропитание доставляет до первой жатвы правительство, – сообщал Вильгельм Раутман, – так что в крайнем случае, даже самый малоспособный человек сумеет здесь заработать столько, чтобы можно было [бы]*

[про]существовать. Землю здесь дают в полное наследственное владение, что обеспечивается бразильским законом [...] [ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8473. Л. 70–71]. При этом в своем письме он призывал к переселению не только земледельцев-хлебопашцев, но и представителей различных ремесленных специальностей. Нужно заметить, что текст письма был составлен довольно умело и не мог не ввести в соблазн любого, кто его прочитал, особенно тех, чье материальное благосостояние оставляло желать лучшего [Kloberdan 1994, 178]. В конце своего послания Вильгельм Раутман с сожалением отмечал, что слишком поздно принял решение перебраться в солнечную Бразилию, т.к. для него стало совершенно ясным, *«[...] насколько [ему] здесь лучше живется, чем на родине жилось [...]*» [ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8473. Л. 70–71; Stojentin 1908, 31].

По некоторым данным, представительства вышеперечисленных пароходных компаний имели и своих «тайных» агентов, в качестве которых, по утверждениям местных властей, выступали немецкие шульмейстеры. Например, среди жителей русского села Смородино Гусельской волости упорно ходили слухи, что католический шульмейстер немецкого поселения Йозефсталь Илавлинской волости в 1905 г. не только агитировал местное население за выезд в Бразилию, но и брал за свои услуги по оформлению заграничных паспортов достаточно большие деньги. Для семьи, состоящей из 3–4 чел. эта сумма составляла порядка 25руб. [ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8473. Л. 73; Rath 1963, 32].

Можно также отметить случай возбуждения уголовного дела полицейскими органами Саратова против поселенца-собственника Ивана Глока. В вину последнему, выступавшему по утверждению полиции «тайным» агентом германского пароходства «Ллойд» (Гамбург), была поставлена нелегальная агитация за выезд колонистов в страны Нового Света, включая снабжение последних всеми *«надлежащими сведениями и документами до места назначения»* [ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8473. Л. 1–1об.].

Однако необходимо признать, что несмотря на стремление российских властей обвинить в нарастании эмиграционных настроений какие-либо сторонние силы, будь то «официальные» представители пароходных компаний, прямо заинтересованные в притоке отъезжающих, или «тайные» агенты, получавшие определенное вознаграждение за дополнительный набор российских переселенцев, главенствующую роль в этом процессе играли не они. При сложившихся в поволжской деревне экономических условиях в особой агитации населения к эмиграции из России нужды не было.

«Отъезд обыкновенно происходит [...] под влиянием писем родственников и знакомых, отбывших за границу ранее, и рисующих жизнь за границей в соблазнительных красках», – отмечали местные наблюдатели [ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8473. Л. 110об.]. Земской начальник 6-го участка Саратовского уезда, анализируя настроение немецких поселян, выделил целый ряд несомненных преимуществ эмигранта в Америке – развитые пути сообщения, постоянный рост промышленного производства, потребность в рабочей силе. Причем кроме потенциального экономического благополучия, он обращал внимание губернских властей на развитие за океаном целой сети школьных учреждений, дававших возможность немецкому переселенцу не чувствовать себя *«заброшенным в медвежью яму, подобно нашему сибиряку»* [ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8473. Л. 95–95об.].

Среди *«агитаторов»* эмиграционного движения необходимо также упомянуть прессу, как русскоязычную, так и немецкую. Сюда же можно отнести и немецкоязычную прессу, издаваемую в Америке, которая пересылалась поволжскими эмигрантами своим родственникам и знакомым в России. Сюда же можно отнести и немецкоязычную прессу, издаваемую в Америке, которая пересылалась поволжскими эмигрантами своим родственникам и знакомым в России [Kloberdan 1994, 187–188; Peter 1998, 511]. Ее роль наиболее полно проявилась в период революционных событий 1905–1907 гг., когда был налажен бесцензурный выпуск (1906) таких газет, как *«Saratowsche Deutsche Zeitung»* [*«Саратовская немецкая газета»*], *«Unsere Zeitung»* [*«Наша газета»*], *«Приволжская газета»* и др., в которых достаточно широко освещались проблемы и перспективы эмиграции немецких поселенцев Поволжья [Long 1988, 200–202; Parionova 1994, 201].

4. Роль реэмигрантов в немецких колониях Поволжья

По оценкам саратовских губернских властей, лишь около 15–20% эмигрантов, пробыв за границей, как правило, от трех до пяти лет, возвращались обратно *«либо вследствие неудачи, нищими, либо, наоборот, с накопленными средствами, достаточными для безбедного существования на родине»* [ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8473. Л. 118об.–119]. По словам земского начальника 8-го участка Камышинского уезда, поволжские колонисты *«свели себе прочное гнездо»* за океаном, регулярно перемещаясь между Америкой и Россией [ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8473. Л. 67об.; Kloberdan 1994, 173]. Данное обстоятельство не давало никакой возможности точно выявить, кто из немецких поселенцев эмигрировал навсегда, а кто просто отправился туда на заработки. Причем в основной своей массе выезжавшие оформляли

шестимесячные заграничные паспорта, что подтверждало характер их временного отъезда *«на заработки»*. По заверению земского начальника 4-го Камышинского уезда, официальных заявлений о выселении *«навсегда из России»* среди подотчетных ему селений в период 1900–1909 гг. вообще не встречалось [ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8473. Л. 5; Brandes 1997, 95–96].

Однако именно цель выезда из России (на временное или постоянное жительство) определяла поведение выселенцев. Как правило, все выезжавшие за границу получали заграничный паспорт только на полгода, объясняя свое намерение нежеланием эмигрировать из России навсегда, а необходимостью подзаработать за границей. Несмотря на утверждения поволжских немцев, заявлявших об их временном, краткосрочном отъезде, выезжавшие целыми семьями, как правило, полностью распродавали все свое имущество, как *«движимое, так и недвижимое»*, разрывая тем самым какие-либо имущественные связи со своей родиной. При отъезде отдельных членов семьи имущество, само собой разумеется, оставалось в собственности оставшихся родственников. Так, например, если представители Каменской волости в большинстве своем ликвидировали свои хозяйства (за исключением земельных наделов, сдаваемых в аренду до следующего передела), то в Семеновской волости случаи полной ликвидации хозяйства и семейно-имущественные разделы были весьма редкими [ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8473. Л. 61об.].

Резко выросшие к началу XX в. цены на аренду земли привели к тому, что зачастую съемщик не мог рассчитывать на получение даже небольшой прибыли. По словам современников, *«при наличных арендных ценах съемщик даже при среднем урожае недополучает несколько рублей из своей заработной платы: при неурожае же он не только ничего не получает в возврат за свой труд [...], но еще должен изыскать возможность применить где-то свой труд, чтобы вырученными деньгами рассчитаться с землевладельцем за аренду земли, без чего он не может рассчитывать на получение земли для посева в будущем году»* [Очерки 1999, 25].

Выход из создавшегося положения, неуклонно ухудшавшегося с каждым годом, многие немецкие поселенцы видели только в оставлении России. Причем краткосрочная цель временно *«подзаработать»* за границей нередко приводила к настоящей эмиграции [ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8473. Л. 57]. По мнению представителей властей Саратовской губернии, развитие эмиграционного движения было полностью привязано к уровню заработной платы на американском континенте: *«Если хорошие*

заработки – [эмиграция] будет продолжаться; при понижении заработков – движение может заглохнуть» [ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8473. Л. 58]. В то же время анализ источников показывает, что большинство выселений из общины все-таки заканчивалось полной ликвидацией хозяйств и промыслов и лишь в относительно редких случаях – их временным свертыванием или сокращением [ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8473. Л. 7–7об.].

Начиная с 1870-х гг. и вплоть до начала Первой мировой войны, в немецких колониях Поволжья наряду с российскими немцами проживали и «американские» граждане, по каким-либо причинам вернувшиеся назад в Россию [ГАСО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 6989. Л. 80–80об.]. Данное обстоятельство не могло не отразиться и на сложившемся годами патриархальном мире поселян-собственников, включая такие краеугольные отношения, как «община – поселенец» или «отец – сын» [Kloberdan 1994, 181–185; Dahlmann 1996, 9–10; Дитц 1997, 380].

Образовавшаяся тесная связь между бывшими колонистами и новыми «американцами» (часть из которых постоянно кочевала между Америкой и Россией) только усиливало волну эмиграции, помогая не только информацией и агитацией, но и выделяя финансовую помощь на переезд. Так, например, только скромными усилиями одного поселенца Леглера, уроженца села Ной-Бауер Новоузенского уезда, были завербованы на выезд в Мексику (штат Чиapas) не только жители его родного селения в Самарской губернии, но и целого ряда сел из соседней, Саратовской губернии [ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6128. Л. 20–20об.].

Следует обратить особое внимание на взаимопомощь немецких колонистов, как правило бравших на себя все материальные затраты по переезду своих родственников и знакомых. «Эмигранты последних лет, – замечал в своей докладной записке земской начальник 7-го участка Камышинского уезда (1900 г.), – в большинстве случаев сами ничего из своих средств не затрачивают. Дело в том, что проживающие в Америке родственники местных поселян, высылают последним на проезд деньги или вперед оплаченные билеты до конца пути следования и делают это даже для каждого желающего переехать в Америку [...]. В свою очередь, переехавшие при помощи других в Америку, таким же образом переправляют и своих родных, и в этом заключается также одна из важных причин усиливающейся эмиграции» [ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6128. Л. 18].

Эмиграционное движение, включая кратковременный выезд на заработки, затронуло не только чисто земледельческие колонии, жителей которых на переселение толкал земельный «голод» и низкое качество наделов, но и регионы, где немало поселенцев существовало

за счет развития своего кустарно-ремесленного производства. Так, например, в центре сарпиночного производства – Сосновской волости, волна эмиграции с начала XX в. также поступательно шла вверх [ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8473. Л. 57]. Однако, несмотря на постоянный рост численности сосновских выселенцев, основная их часть, выезжая в Америку, все же оставляла нераспроданным свое недвижимое имущество, надеясь, по всей видимости, вернуться назад в Россию.

На вопрос, имеет ли эмиграция какое-либо заметное культурно-воспитательное влияние, исходя из примера немцев-возвращенцев, большинство представителей местных властей отвечали отрицательно, ссылаясь на то, что по словам вернувшихся в свои села поселян, *«тяжелый физический труд и незнание местного языка не дают возможности ближе познакомиться с жизнью американцев»* [ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8473. Л. 60б.]. Кроме этих причин, многие немецкие реэмигранты ссылались и на элементарное отсутствие свободного времени, необходимого для посещения просветительно-образовательных учреждений в Америке. По словам земского начальника 5-го участка Камышинского уезда, *«[...] последние возвращаются на родину без всякого запаса опыта и знаний, и не в состоянии внести в закостенелую среду своих однообщественников какое-либо новое, оживляющее начало культуры и прогресса, к усвоению которого дана была им возможность за границей»* [ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8473. Л. 60]. Некоторые изменения в данном плане отмечались только у лиц, проживших за океаном довольно продолжительное время [ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8473. Л. 12]. К этому можно лишь добавить, что наряду с отсутствием «культурно-образовательных достижений» у большинства возвратившихся реэмигрантов в немецких селениях Поволжья не было замечено и каких-либо особых технических новшеств и нововведений, позаимствованных колонистами из-за границы [ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8473. Л. 73 об.].

5. Переселение на восток России, как альтернатива эмиграции за океан

В конце XIX – начале XX в. наряду с эмиграционными потоками из России за рубеж, весьма масштабными были и внутренние миграции жителей, переселявшихся на окраины империи. Только в 1897–1916 гг. за Урал переехало почти 5,3 млн. человек, в том числе в Сибирь – 2,6 млн. (48,8%), в Казахстан и Среднюю Азию – 1,4 млн. (27,3%) [Кабузан 1996, 177; Brandes 1997, 95–96; Малиновский 1995, 91–94]. После прекращения в 1890-х гг. отвода казенных земель в Заволжском регионе, выручавшем долгое время малоземельных переселенцев,

многие крестьяне Поволжья, включая немецких поселенцев-собственников, соблазненные большими земельными наделами и слухами о хороших заработках, стали переселяться целыми семьями не только за океан, в страны Нового Света, но и в Сибирь, Туркестан или на Кавказ [Шайдуров 1996, 68–69; Воронежцев 1998, 106; Бетхер 1999, 79–81].

«Настоящая малоземельность крестьян при невозможности приобрести землю при помощи Крестьянского Банка ведет [не только] к сильной эмиграции в Америку, но и к исканию каких-либо земель в России», – констатировал земской начальник 1-го участка Камышинского уезда (Саратовская губерния) в декабре 1899 года [ГАСО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 10721. Л. 9]. Нужно заметить, что скудность земельных наделов в немецких селениях Поволжья вынуждала ее жителей задолго до начала «турбулентного» XX в. искать «свободные земли» на стороне. Только с 1859 по 1873 г. на жительство в Самарскую губернию переселилось более 4000 немецких колонистов, жителей Сосновской волости (Саратовская губерния) [Long 1988, 118]. После введения ограничений на переселение в Самарскую губ., волна немцев из Сосновской волости потянулась как в эмиграцию – на запад, так и на восток – в Сибирь и Туркестан [ГАСО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 10721. Л. 9]. В 1899 г. немцы Сосновской волости даже послали в Сибирь специальных «ходоков», с целью выяснения возможности организованного переезда туда целых селений [ГАСО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 10721. Л. 9–9об.; Минх 1898, 160].

К концу XIX в., кроме организованного переселения целыми семьями, возросло и число так называемых «отходников», когда крестьяне-одиночки, включая немцев, не просто уходили на заработки в соседние селения или уезды, но и выезжали далеко за пределы своих губерний. К примеру, численность отправившихся на заработки селян только из Усть-Кулалинской волости (Саратовская губ.) на рубеже столетий выросла в несколько раз [Булычев 1996, 217]. Так, если в 1880 г. властями этой волости был выдан всего 101 паспорт «на отлучку», то в 1899 г. ими было оформлено уже 968 паспортов [ГАСО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 10721. Л. 7об.]. В целом, только за период с 1875 по 1900 г., Усть-Кулалинскую волость покинуло более 400 семей, часть из которых выехали в Сибирь и Закаспийский край [ГАСО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 10721. Л. 7об.]. Не отставала от своих соседей и Самарская губ. Только в 1904 г. Степновскую волость (Новоузенский уезд) покинули в поисках лучшей жизни около 4,8 тыс. чел., при этом 1,8 тыс. (38%) поселенцев отправились за океан, а около 2/3 из них (62%) рассеялись по просторам России, включая Сибирь [Юстус 1917, 22].

Для многих немецких земледельцев «слабого достатка» именно Столыпинская реформа и связанное с ней выделение государственных земель в Сибири, на Дальнем Востоке и Северном Кавказе представлялось не только единственным средством спасения от бедности, но и альтернативой эмиграции за океан. Удешевленный проезд по железной дороге, возможность продажи своего наделного участка без согласия на то общины, надежда разбогатеть – вот основные мотивы, побуждавшие немецкую бедноту на переселение за Уральский хребет.

Анализируя процесс организации немецких селений в Кулундинской степи (южная часть Западно-Сибирской равнины), Л.В. Малиновский заметил, что почти все они возникли именно в начальный период столыпинских преобразований. Так, из 51 колонии 45 возникли в 1907–1910 гг. В 1910–1914 гг. здесь было создано всего лишь 5 немецких поселений. При этом основное население их составили переселенцы с юга Украины; немцев из Поволжья среди них было относительно мало [Малиновский 1995, 94]. В то же время поток миграционного движения поволжских немцев был отмечен в Казахстане и Средней Азии. Среди 30 немецких поселений, возникших в 1901–1910 гг. в северных уездах Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областей, именно мигранты из немецких колоний Поволжья составили основное большинство [Ерофеева 1998, 166].

Нередко поиск «земли обетованной» за Уралом заканчивался для немецкой бедноты настоящими трагедиями. Описывая одно из таких переселений в Сибирь, житель колонии Ключи Сосновской волости (Саратовская губерния) сообщал: «[...] *Желание [переселиться] приняло эпидемический характер – до 250 семей [...] зимой 1908 г., явилось в местное сельское управление для получения выписок из посемейного списка [...]*» [Камышинские вести 1910, 3]. Многие из поселян, поверив сказочным мифам проживавших в Сибири земляков об их материальном благополучии, распродал свои дома, скот, скарб и не успев даже получить специальных свидетельств для проезда по льготному (переселенческому) тарифу, отправились зимой туда, «где их встретили полное разочарование» [Камышинские вести 1910, 3; Малиновский 1995, 92–94]. Большая часть переселившихся семей была вынуждена сразу же вернуться назад, потеряв при этом последние накопления, с твердым убеждением, что «*наши же ключийцы – такие же заурядные бедняки, какими были и дома [...]*». «*Переселенческий дух пропал, – отмечали очевидцы, подводя итоги поездки в Сибирь, – охота к переселению как рукой снята*» [Камышинские вести 1910, 3].

На факты бедственного положения переселенцев, стоявших на грани нищеты, обратил свое внимание и корреспондент газеты *«Odessaer Zeitung»*, посетивший в 1907 г. немецкое селение Келлеровка в Северном Казахстане. Он подтвердил случаи «заманивания» новоселами своих же односельчан и родственников, зачастую путем обмана, чтобы просто занять у них денег [Малиновский 1995, 93]. В итоге для значительной части переселенцев-неудачников, вынужденных вернуться назад в родные селения, оставался только один путь – эмигрировать. В противном случае они могли пополнить и без того многочисленную армию поволжских «босяков».

6. (Э)миграционное движение поволжских немцев в предвоенный период

В 1909–1910 гг. эмиграционная волна в немецких волостях несколько поутихла, что, по всей видимости, было связано с общим ухудшением заработков в Америке и появлением там безработицы [ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8473. Л. 6]. Столыпинские преобразования в деревне (от Указа 9 ноября 1906 г. и до принятия Третьей Государственной Думой проекта аграрной реформы П.А. Столыпина в качестве закона 14 июня 1910 г.) также не вызвали особых изменений в эмиграционном движении немецких поселенцев. В целом, по Саратовской губ., наиболее массовым выход крестьян из общины пришелся на 1908–1909 гг. Именно в этот период, ее покинули более половины (52%) крестьян, исходя из общего числа всех выделившихся в период проведения Столыпинской реформы [Очерки 1999, 90]. *«Что же касается дальнейшего развития эмиграционного движения, – отмечал в 1910 г., в разгар столыпинской аграрной реформы, исправник Камышинского уезда, – то, несмотря на то, что таковое благодаря наплыву рабочих в Америку, уменьшению спроса на рабочий труд, а вместе с тем и значительному понижению заработной платы, в последние два года заметно уменьшилось, предположить, что оно и в дальнейшем будет уменьшаться – трудно, особенно в виду закона 9 ноября 1906года, влияние которого на настоящий вопрос предположить пока невозможно»* [ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8473. Л. 11об.]. По оценкам саратовского историка Алексея Воронежцева, исследовавшего положение поволжского крестьянства в период аграрных преобразований, тенденции переселения немецких поселян на окраины империи, в частности в Сибирь, в данный период (1910–1913 гг.) не прослеживается вообще. Важной частью аграрной реформы Петра Столыпина была организация переселения малоземельных крестьян за Урал (в Сибирь, на Дальний Восток, в Среднюю Азию). В 1906–1913 гг.

за Урал выехало около 3,5 млн. крестьян. [Геллер 1997, 240]. Напротив, эмиграционное движение среди немецких поселенцев, включая краткосрочные выезды на заработки, не прекращалось весь предвоенный период.

В целом по России пик эмиграции пришелся именно на последние предвоенные годы (1912–1914) [Кабузан 1996, 331–332, 334]. *«Не предвидя в ближайшем будущем введения интенсивной системы хозяйства при общинном владении землей, некультурности массы немецкого населения, его национальной замкнутости и приверженности к старине, надо ожидать и желать дальнейшего развития эмиграционного движения в интересах, как самих эмигрантов, так и всего населения»*, – не без основания прогнозировали уездные власти Камышинского уезда в 1910 г., как раз в самый разгар коренных преобразований в российской деревне [ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8473. Л. 120об.].

Вместе с тем в преддверии Первой мировой войны заметно возросло число немецких поселенцев, официально заявивших властям о своем намерении покинуть Россию. По данным Саратовского губернского присутствия, только с 1910 по 1912 гг. из губернии выехали «на заработки» (преимущественно в США) – 14348 чел. и на постоянное местожительство – 2860 чел. [ГАСО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 6989. Л. 4, 7–10]. Причем 93% выехавших «на заработки» так и не возвратились обратно в Россию [ГАСО. Ф.23. Оп.1. Д.6989. Л. 4, 7–10; Воронежцев 1996, 74]. Если в русскоязычных уездах, расположенных далеко от немецких поселений, эмиграционное движение не отличалось особой активностью и в предвоенный период, то в таких смешанных уездах, как Камышинский, несмотря на все прогнозы, отток за границу русскоязычных крестьян также резко усилился [ГАСО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 6989. Л. 7–10]. Так, если в «русской» Банновской волости, расположенной по соседству с «немецкой» Усть-Кулалинской, в 1910 г. на заработки в Америку отправились всего лишь 13 крестьян, в 1911 – 81, то в 1912 – уже 278 [ГАСО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 6989. Л. 81]. Подобная ситуация наблюдалась и в остальных «смешанных» участках Камышинского уезда. Например, за первое десятилетие XX в. выезд крестьян за границу из «русских» волостей (Красноярская, Бурлукская, Тарасовская и Нижне-Добринская) не фиксировался вообще, зато в 1912 г. эти волости покинули уже 325 чел. Причем тон задавали немецкие соседи из Линево-Озерской волости, откуда только за два года (1911–1912) на постоянное местожительство в Америку эмигрировало более шестисот человек [ГАСО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 6989. Л. 72, 84–86].

В 1912–1914 гг. отток переселенцев из Поволжья в Америку, как и в целом по стране, вновь стал набирать обороты [ГАСО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 6989. Л. 115–115об.]. Только в 1912 г. Камышинским полицейским управлением было выдано более 3300 свидетельств на выезд в Америку, а за первые два месяца 1913 г. – уже 1515 [Очерки 1999, 15]. С 1910 по 1913 г. включительно уезд покинули 13697 жителей, из которых 2851 чел. открыто заявили о своем выезде на постоянное место жительства. Темпы «явной» эмиграции (когда выезжавший официально заявлял о своей эмиграции) выросли в Камышинском уезде за этот короткий срок более чем в семь раз (с 219 до 1601 чел.), а количество лиц, не вернувшихся с заработков, увеличилось в 4,5 раза [Воронежцев 1996, 226; Очерки 1999, 15]. Аналогичная ситуация наблюдалась в немецких волостях Самарской губ. [Юстус 1917, 22].

Впечатляющий рост «явных» эмигрантов из немецких поселений с общинной системой землевладения свидетельствовал, как правило, о голосовании данной части поселян против общины и отсутствии страха разрыва с ней. Однако, наряду с этой тенденцией, закономерной в момент ломки общинной системы, четко проявился и количественный рост эмигрантов из уже разделенных на отруба немецких селений. Так, например, немецкие волости Камышинского уезда с отрубной системой хозяйствования дали за период 1910–1913 гг. 260 «явных» переселенцев и 4654 (!) «скрытых» (не вернувшихся с заработков) эмигранта [Воронежцев 1996, 226].

Эмиграционную волну российских немцев смогла остановить лишь Первая мировая война, а точнее говоря, закрытие государственных границ с момента ее начала. Если в 1915–1916 гг. за океан из России каким-то образом сумели перебраться около одной тысячи немцев, то в период с 1916 по 1920 гг. таких случаев вообще не было зафиксировано [Кабузан 1996, 331–332, 334]. По различным данным, миграционная активность российских немцев (включая поволжских поселенцев-собственников), начиная с начала XX в. и вплоть до 1914 г., была одной из самых высоких в Европе [Кабузан 1996, 192; Кабузан 1998, 182].

7. Заключение

Положение немецких колоний Поволжья в конце XIX – начале XX в. было далеко не таким радужным, каким оно представлялось в националистических органах российской печати. Резкий рост цен на долгосрочную аренду земли и часто повторявшиеся неурожаи привели к большим задолженностям среди местного населения, включая немцев – поселян-собственников. Одновременно резко выросло число немецких семейств, что объяснялось не только общим приростом

населения, а также раздроблением старых, «многолюдных» семей. Причем следствием этого разделения явилось не только обнищание отдельной части колонистов за счет уменьшения рабочих рук, скота и инвентаря в каждой отдельной семье, но и немецких поселений в целом.

Аграрное перенаселение, проявлявшее себя в немецких колониях уже с середины XIX в., к началу XX в. стало важнейшим фактором, влиявшим на социально-экономическое развитие не только мест компактного проживания немцев, но и всего Нижнего Поволжья. Развитие товарно-денежных отношений, возникновение безработицы, рост отходничества и появление новых регионов переселения приводили не только к коренной ломке психологии единичных поселан-собственников, но и всего патриархального жизненного уклада их обществ.

Проблему земельного голода в конце XIX – начале XX в. немецкие поселане решали специфическим, «нереволуционным путем»: эмиграцией за океан, переселением в далекую Сибирь, арендой свободных земель в соседних регионах, путем развития ремесленного производства и т.д. Отток беднейших слоев населения немецких волостей, включая движущую силу любой революции – молодежь, – как и вообще сама возможность выезда из России, привели к более мягкому социально-классовому «климату» в немецких колониях по сравнению с русскими деревнями Поволжья.

Литература

Бетхер А.Р. Система землепользования у немцев – выходцев из Поволжья – в Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. // Немцы России в контексте отечественной истории: общие проблемы и региональные особенности. М.: Готика, 1999. С. 79–87.

Булычев М.В. Социально-экономическое положение немецких селений Саратовской губернии в конце XIX – начале XX в. // Российские немцы: Проблемы истории, языка и современного положения. М.: Готика, 1996. С. 210–219.

Воронежцев А.В. Поселане-собственники Саратовской губернии и столыпинская аграрная реформа // Российские немцы: Проблемы истории, языка и современного положения. М.: Готика, 1996. С. 220–231.

Воронежцев А.В. Миграционные процессы в Поволжских колониях в XIX в. // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект. М.: Готика, 1998. С. 97–108.

Государственный архив Саратовской области (далее ГАСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 6128.

- ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8473.
ГАСО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 10721.
ГАСО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 6989.
ГАСО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 8056.
Геллер М. История Российской империи. Т. 3. М.: МИК, 1997.
Дитц Я. История поволжских немцев-колонистов. М.: Готика, 1997.
Ерофеева И.В. Типы миграции немцев в Казахстан в дореволюционный период //Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект. М.: Готика, 1998. С.159–172.
Кабузан В. Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII – начале XX века. М.: Наука, 1998.
Кабузан В.М. Русские в мире. Динамика численности и расселения (1719–1989). Формирование этнических и политических границ русского народа. СПб.: БЛИЦ, 1996.
Камышинские вести. Камышин, 1910. 4 апреля. № 14. С.3.
Колчина С.А. Семейная жизнь поволжских немцев (по материалам журнала Американской ассоциации немцев из России) //Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге. М., 1995. С.288–295.
Малиновский Л. Немцы в России и на Алтае. Барнаул: ГИПП «Алтай», 1995.
Минх А.Н. Историко-географический словарь Саратовской губернии. Т.1. Вып.1. Саратов, Аткарск, 1898.
Очерки истории Саратовского Поволжья (1894–1917). Под ред. И.В. Пороха. Т.2. Ч.1. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1995.
Очерки истории Саратовского Поволжья (1894–1917). Под ред. И.В. Пороха. Т.2. Ч.2. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999.
Шайдуров В.Н. Самовольное поселение немецких крестьян на Алтае (конец XIX – начало XX вв.) //История и культура российских немцев. Вып.3. Саратов, 1996. С.66–74.
Шульга И.И. Военная служба поволжских немцев и ее влияние на формирование их патриотического сознания (1874–1945гг.). Дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. Саратов: Саратовский государственный университет, 2001.
Шульга И.И. Немецкие колонисты Поволжья и всеобщая воинская повинность (1874–1914гг.) // Военно-исторические исследования в Поволжье. Вып.1. Саратов, 1997. С.49–56.
Юстус К.Ф. Приволжские колонисты (по поводу закона 2февраля 1915г.). Саратов, 1917.
Brandes D. Einwanderung und Entwicklung der Kolonien //Deutsche Geschichte im Osten Europas. Rußland.Hg. v. G. Stricker. Berlin, 1997. S.95–96.

Brandes D. Von den Zaren adoptiert. Die deutschen Kolonisten und die Balkansiedler in Neu-rußland und Bessarabien 1751–1914. München: Oldenbourg Verlag, 1993.

Dahlmann D. Die Deutschen an der Wolga von der Ansiedlung 1764 bis zum Ausbruch des Ersten Weltkrieges // Deutsche in Rußland. Hg. v. H. Rothe. Köln, Wien: Böhlau Verlag, 1996.

Hollatz D. Die Auswanderung von Kolonisten nach Südamerika // Forschungen zur Geschichte und Kultur der Rußlanddeutschen. 1997. №7. S. 165–186.

Ilarionova T. Die deutsche Presse in Rußland und an der Wolga vor 1914 // Zwischen Reform und Revolution: die Deutschen an der Wolga 1870–1917. Hg. v. D. Dahlmann, R. Tuchtenhagen. Essen: Klartext Verlag, 1994. S. 190–204.

Janssen S. Vom Zarenreich in den amerikanischen Westen: Russlanddeutsche Immigranten in North Dakota und Nebraska (1870–1928) // Deutsche in Rußland. Hg. v. Hans Rothe. Köln, 1996. S. 87–101.

Kloberdan T. J. Die Auswanderung nach Amerika und ihre Auswirkung auf Identität und Weltanschauung der Wolgadeutschen in Rußland // Zwischen Reform und Revolution: die Deutschen an der Wolga 1870–1917. Hg. v. D. Dahlmann, R. Tuchtenhagen. Essen: Klartext Verlag, 1994. S. 172–189.

Klüber K. Rußlanddeutsche Auswanderer nach Nordamerika im Jahr 1874 // Deutsche Zeitschrift für Familienkunde. 1965. Bd. 14. S. 816–819.

Long James W. From Privileged to Dispossessed. The Volga Germans, 1860–1917. Lincoln, London: University of Nebraska Press, 1988.

Peter S. «Zufällig billig zu kaufen». Unternehmeranzeigen in der deutschen Presse an der Wolga am Beispiel des «Klemens» // «... Das einzige Land in Europa, das eine große Zukunft vor sich hat». Deutsche Unternehmer und Unternehmen im Russischen Reich im 19. und frühen 20. Jahrhundert. Hg. v. D. Dahlmann, C. Scheide. Essen: Klartext Verlag, 1998. S. 499–522.

Rath G. Die Rußlanddeutschen in den Vereinigten Staaten von Nordamerika // Heimatbuch der Deutschen aus Rußland. 1963. S. 22–55.

Stojentin M. Ein deutscher Stamm auf fremder Erde // Landwirtschaftliche Wochenschrift für Pommern: Amtsblatt der Landwirtschaftskammer. Stettin, 1908. S. 19–31.

Stumpp K. Das Rußlanddeutschtum in Übersee // Heimatbuch der Deutschen aus Rußland. 1963. S. 5–19.

V. Dönninghaus
Hamburg University

**To the Native Siberia or "to the End of the World"? Emigration
of the Volga Germans to America in the Late 19th –
Early of the 20th Centuries**

***Abstract.** German settlers solved the problem of land hunger at the end of the 19th century in a specific, "non-revolutionary way": by leasing free land in neighbouring regions, by developing handicraft production, as well as by emigration overseas or resettlement to Siberia. In contrast to the resettlement to Siberia, associated with a radical breakdown of the established way of life and obligatory relocation of the whole family, even one of its members was able to make a "temporary" trip to America. Along with the opportunity to preserve their economy at home, as well as the hope of a speedy return with the capital accumulated overseas, the "foreign" America acted as an alternative to the "native" Siberia. According to various sources, from 1874 to 1914 up to 100 thousand Russian Germans left the Volga region for America. More than half of them settled in the United States (Minnesota, Nebraska, Kansas, Iowa, Missouri, Colorado, etc.). Resettlement to Siberia or emigration overseas was a kind of valve through which the dissatisfaction of a part of the Volga Germans with their property and social status, as well as the patriarchal nature of the community borrowed from their Russian neighbours, was dumped. Among the main reasons for the emigration from Russia of Germans, citizens of draft age, evasion from military service was far behind, letting ahead the "economic flight" of entire families from want and hunger.*

***Keywords:** The Russian Empire; Volga region; Government of Saratov; Government of Samara; Siberia; North America; South America; USA, Nationalities policy; Russian Germans, emigration; migration*

Пожарская К.А.

Алтайский государственный университет (г. Барнаул)

**Этнические группы в переселенческом движении на Алтай
времен реализации столыпинской переселенческой политики:
проблемы сохранения этнокультурной идентичности и
социокультурной адаптации**

***Аннотация.** В статье рассматриваются основные элементы этнокультурной идентичности сохраняемые и поддерживаемые различными группами мигрантов в период реализации столыпинской переселенческой политики на Алтае. Затрагивается вопрос о содержании процесса социокультурной адаптации крестьян-переселенцев в иноэтнической среде.*

***Ключевые слова:** этнокультурная идентичность, переселенцы, старожилы, хозяйственно-бытовой обмен.*

Алтайский округ ведомства Кабинет Его Императорского Величества (далее – Алтай) стал доступен для переселений крестьян из Европейской части страны еще в 1865 г., но по-настоящему беспрецедентным по количественным показателям, этническому составу и географии выхода участников явилось движение земледельцев времен реализации в Российской империи Столыпинской переселенческой политики. Осваивая территорию Зауралья в начале XX в., крестьяне-переселенцы из центральных губерний страны заселяли не безлюдные и абсолютно свободные пространства, а районы проживания старожильского и инородческого населения, мигрантов предыдущих десятилетий. Важно отметить, что крестьяне, переселившиеся еще в 1880-х гг., т.е. прожившие в Сибири 20 и более лет, к 1906 г. уже считались сибирскими старожилами [Андюсев 2001, 21]. В свою очередь, в переселенческой массе были представлены не только выходцы из различных губерний России («курщина», «тамбовщина», «рязанщина» и т.д.), но и этнические (прибалты, немцы, украинцы), конфессиональные (католики, протестанты, баптисты) группы населения. Этнические и конфессиональные признаки часто переплетались между собой (так, немецкие мигранты по вероисповеданию являлись меннонитами, баптистами, католиками, лютеранами), что в условиях иноязычного, иноконфессионального окружения, сельского локального образа жизни, а также под

воздействием религиозных норм (эндогамия и пр.) приводило к складыванию этноконфессиональных групп. Например, одной из таких этноконфессиональных групп являлась крупнейшая из немецких общин Алтая – община меннонитов (по подсчетам исследователей она включала более 40 % всех немецких колонистов) [Шлейхер 1992, 42].

Сама ситуация миграции на новую территорию актуализировала для новоприбывших целый комплекс адаптационных проблем, выразившихся, кроме прочего, в необходимости «освоения» нового социального окружения. В начале XX столетия данный процесс в регионе оказался существенно осложнен конфликтами из-за земли. Суть его заключалась в земельном утеснении местного населения («Видно мы утпахали – кто где хошь!» [Алтайский крестьянин 1913, 3], «когда бывало пахарь пахаря не видит» [Насонова 1914, 659]), явившимся следствием увеличения и уплотнения населения в результате миграций, что требовало внесения изменений в систему землепользования сибирских крестьян и ее развития по пути интенсификации производства. Потому довольно скоро новоселы стали восприниматься «аборигенами» как опасные конкуренты: «стеснили лапотяне», «заразу разносят самоходы-лапотники» [Залесский 1893, 110]. Даже в фрагментарно и малозаселенной к началу XX в. Кулундинской степи фиксировались случаи поголовного ухода сибиряков на новые места [Насонова 1914, 658].

Уже при первых контактах старожилов и переселенцев в первую очередь обращали на себя внимание различия в языке и одежде. Старожилы нередко говорили, что «их (российских) бывало не поймешь, че говорят» [Бардина 1995, 19], что речь их странная [Жизнь Алтая 1912, 3]. В свою очередь, в среде новоселов наблюдалось стремление к сохранению языковой обособленности. В частности, украинские переселенцы во всех сферах общения использовали родной язык, и первое поколение переселенцев из украинских губерний России еще не было двуязычным [Фомин, Щербакова, Ан 2001, 8]. А на страницах газеты «Жизнь Алтая» воспроизводился рассказ книгоноши, который продал «...за раз 40 штук “Кобзарей”... как узнали, что книжки на ихнем языке...» [Жизнь Алтая 1914, 3]. Вероятно, язык являл собой простейший и наиболее доступный инструмент поддержания памяти о совсем недавней родине, сохранения связи с предками. Схожая тенденция фиксировалась применительно к третьей (по количеству участников) национальной общности мигрантов периода Столыпинской реформы – немцев [Разгон, Храмков, Пожарская 2013, 211]. Различные группы немецкого населения Алтайского округа придерживались общения на диалектах родного языка. В частности,

иноязычное окружение, большая дистанция от других диалектов способствовали консервации языка меннонитов – «платтдойч», имевшего значительные фонетические, лексические и грамматические отличия от литературного немецкого языка, диалектов средненемецкого языка (язык поволжских немцев) [Смирнова 2005, 58]. В ряде случаев создавалась даже новая языковая ситуация, когда носители различных немецких диалектов общались с друг другом на русском языке, что соответственно сужало сферу действия диалекта до внутрисемейного общения [Коровушкин 2003, 195]. Поддержанию коммуникации на родном языке способствовал сам алгоритм миграций, который заключался в переселении группами семей, партиями родственников и односельчан, жителей определенной волости или уезда. В связи с этим, в большинстве населенных пунктов Алтая возникли родственные или земляческие группы («кусты», «концы», «края»), и нередкой являлась практика перенесения названий родных мест на вновь образованные поселения. Так, созвучными с топонимикой мест прежнего жительства крестьян-переселенцев явились названия сел и поселков: Екатеринославский, Курский, Харьковка, Эстлань, Новокиевский, Мариуполь, Новополтавский и пр. [Дмитриева 2002, 24–26; Разгон, Пожарская 2007, 72–75].

В тоже время бытовые контакты переселенцев с «коренным» населением не могли не отразиться в языке. Известный российский ученый Н.П. Огановский отмечал, что под влиянием русскоязычных переселенцев произошли некоторые изменения в русском языке, например, крестьяне-старожилы северных поселков Алтая, стали произносить вместо «ш» – «ж» или «з»: «Узе наси присли», а инородцы Кузнецкого, Бийского уездов в результате этого влияния стали говорить на испорченном русском языке [Огановский 1922, 23]. В целом, языковые различия не являлись непреодолимым препятствием для развития коммуникации внутри сложносоставного сельского общества. В частности, член Государственной Думы А.Л. Трегубов после поездки в Кулундинскую степь в 1913 г. зафиксировал характеристику русскоязычными местными жителями меннонитов как «весьма общительных» [Трегубов 1913, 29].

В качестве еще одного аспекта сохранения этнической идентичности выступал перенос на алтайскую почву национальных традиций домообзаводства (строительных техник, бытовой планировки, элементов двора и др.). В частности, современники отмечали национальную специфику селений немцев, имевших линейную застройку. При этом, немецкие-колонисты из украинских губерний строили дома вытянутой прямоугольной формы, обращенные к улице

узким фасадом. Вход в такие дома находился на длинной боковой стороне. Часть хозяйственных построек возводились параллельно дому. А немецкие мигранты с Поволжья располагали свои дома на улице длинной стороной. Вход в них находился со стороны противоположной улице, а хозяйственные постройки и дом образовывали каре [Коровушкин, Лоткин, Смирнова 2003, 115]. Стремление объединить жилье и хозяйственные постройки (амбары, конюшня, колодцы) обуславливалось необходимостью сделать их легкодоступными в непогоду [Нагнибеда 1917, 152]. Немецкие поселки, в целом, отличали чистота и порядок: дворы и улицы подметались, а в засушливое время поливались. Нередко в селениях функционировал специальный институт санитарных попечителей. Размещение домов в глубине дворов позволяло разбивать сады и палисадники. В.Я. Нагнибеда писал, что по наполняющему воздух аромату цветов (табак, петунья, гвоздика, левкой) даже темной ночью угадывался немецкий поселок [Нагнибеда 1913, 185]. Внешний вид домов являлся своеобразным маркером немецких поселений: снаружи их окрашивали яркими масляными красками, а фасад, заборы и калитки украшали орнаментом из цветов и птиц [Коровушкин 2004, 22].

Поселения украинцев имели, как правило, уличную застройку относительно регулярных форм. Дома малороссийские переселенцы размещали вдоль улицы с обязательным устройством палисадника перед ними [Коровушкин 2004, 26]. Проживавшие в Кулундинской степи мигранты-малоросы, стремясь сохранить традицию побелки хат, научились добывать по берегам соленых озер белый мергель (осадочная горная порода), называемый в народе «белой глиной» [Миротворцев 1911, 14]. В.Я. Нагнибеда при описании украинских поселений Кулундинской степи писал, что в редких случаях малороссийские крестьяне пытаются скрасить однообразие ландшафта садами. Серо-желтые пластяные и саманные постройки украинцев, иногда беленые, с плоскими крышами и маленькими окнами он уподоблял крепостным казематам [Нагнибеда 1913, 185]. Дворы украинских переселенцев имели Г-образную (иногда П-образную) форму, открытую к огородам [Коровушкин 2004, 27].

Наряду с национальными особенностями организации жилищного комплекса Ф.К. Кокен указывал на различия в жилых постройках переселенцев из различных частей России [Шелегина 2002, 77]. На это обращал внимание и Г.Ф. Чиркин, в общих чертах отмечавший, что: «...дом орловца не похож на жилье херсонца или полтавца. Харьковцы малюют ставни своих мазанок “по-своему”, держась принятых на родине рисунков и красок, а екатеринославцы, перенявшие у немецких

колонистов тип их длинных домов с узковатыми окнами и характерными переплетами оконных рам, точно воспроизводят их в Азии» [Чиркин 1922, 104].

По мнению профессора С.И. Залесского, конфигурация жилого комплекса новоселов, заселявших Алтайский округ, являлась более рациональной по сравнению со старожилами, поскольку у реки или запруд переселенцы располагали огороды, жилые помещения, а в отдалении хозяйственные постройки (конюшни, хлева, скотные дворы). В то время как старожилы хозяйственные постройки возводили возле источников проточных вод, куда осуществлялся сток навоза. В некоторых сибирских деревнях запруды и речки служили выгребными ямами для слива всевозможных нечистот, что порождало неоднократные ходатайства жителей о переносе деревень в новые места по причине «сильного уважения» поселения [Залесский 1893, 117]. Еще в конце XIX в. Г.И. Танфильев, исследовавший Барабу и Кулундинскую степь, обратил внимание на пренебрежительное отношение сибирского населения к жесткой колодезной воде и предпочтительное потребление для хозяйственных нужд речной, прудовой или озерной воды. Откровенное удивление ученого и путешественника вызвал характер эксплуатации крестьянами ограниченных водных ресурсов, которые загрязнялись навозом и бытовыми отходами [Танфильев 1902, 136].

В обозначенный период менее заметны были изменения в системе питания русских мигрантов (включение в рацион продуктов местной флоры – черемша, лук-батун, ремень и т.д., увеличение потребления мяса), поскольку уже к середине XIX в. в Сибири (за исключением северных районов) полностью восстановилась традиционная русская культура питания с привычным соотношением растительной и животной пищи. Ограниченный набор выращиваемых в Алтайском округе огородных культур – горох, лук, морковь, свекла, брюква, редька и т.д. – значительно расширили переселенцы-украинцы, занимавшиеся акклиматизацией огородных и садовых культур (бахчевые, картофель, цветная капуста, бобовые, фрукты и т.д.) с целью введения в рацион привычных продуктов питания [Нагнибеда 1913, 173]. По данным В.Я. Нагнибеды лишь 7% переселенческих хозяйств, основанные в Кулундинской степи, не имели огородов, остальные же хозяйства выделяли под него до 3/5 усадебной земли [Нагнибеда 1917, 159]. В то же время активное заимствование у старожилов приемов пчеловодства «познакомило» украинцев Алтая с новым лакомством – медом. Примером адаптирования одного из элементов питания, национального напитка, служит приготовление немецкими-колонистами кофе из

заменителей – молотого цикория, жареных зерен ячменя или пшеницы [Смирнова 2003, 50].

Наиболее устойчивыми составляющими национальных систем питания являлись виды пищи, способы их приготовления и пищевой режим. Тем не менее, нельзя не отметить, что на начальных этапах обустройства переселенцев различной этнической принадлежности, структура питания менялась под влиянием факторов экономической конъюнктуры. Так, в первые годы проживания в Сибири баланс питания крестьян нарушался в сторону увеличения потребления хлеба при уменьшении растительной и мясной пищи [Нагнибеда 1913, 178]. Лишь по прошествии некоторого времени восстанавливалось оптимальное соотношение молочных, мясных и растительных продуктов в структуре питания. В целом в начале XX в. питание крестьян-мигрантов было неодинаковым, что объясняется этнической, религиозной, социальной неоднородностью пришлого населения округа.

Более медленное сближение переселенцев и старожилов в культурной сфере, образе жизни не препятствовало взаимовыгодному обмену хозяйственным опытом. Прагматические цели старожилов и переселенцев достигались в результате знакомства с агротехническими приемами друг друга, обмена технологическим опытом. Усваивая у старожилов приемы ведения земледельческого хозяйства, сообразные условиям сибирского климата, переселенцы, в свою очередь, демонстрировали старожилам способы интенсификации крестьянского труда, например, путем внедрения в производство более усовершенствованных сельскохозяйственных орудий (сакковские плуги, рядовые сеялки, жнейки, косилки и конные грабли и др.). До массового миграционного движения начала XX в. из центральной части России старики-староверы считали за грех работать на машинах, с приходом же переселенцев прежние «протестанты» начинали активно применять машинный труд в своих хозяйствах [Нассонова 1914, 697]. В газете «Жизнь Алтая» сообщалось: «... как ни консервативен старожило-сибиряк, как ни крепка его вера в авторитет «дедов», – все же смотришь, весной и он ходит за плугом новой конструкции, или осенью молотит хлеб не традиционным цепом, а эльвортовской молотилкой» [Жизнь Алтая 1914, 3]. В.Я. Нагнибеда прямо указывал, что в Кулундинской степи плуг вытеснил соху, жнейка – серп, а литовку – косилка и конные грабли [Нагнибеда 1917, 152]. Кроме того, взаимовыгодность выступила в качестве важного обстоятельства в урегулировании отношений пришлых с инородческим населением алтайских степей. Так, способ сохранения воды в «карлыках» (специальных сооружениях для хранения снега) крестьянам-переселенцам продемонстрировало

«коренное» население степей, в свою очередь, казахские земледельцы переняли у немецких переселенцев приемы обмолота хлеба, позволявшие существенно экономить время («выиграть целую осень») [Итоги статистического обследования Бельгагачской степи Змеиногорского уезда Томской губернии 1909, 16, 20].

Таким образом, участниками миграционного движения начала XXв. явились представители различных этно-конфессиональных групп, процесс адаптации которых на новой родине приобрел двунаправленный характер. С одной стороны, крестьяне-переселенцы демонстрировали устойчивое стремление сохранить элементы традиционной культуры (язык, конфигурацию и внешний вид жилых и хозяйственных построек, виды пищи). Их поддержанию способствовало создание территориально-областных общностей мигрантов, что несколько нивелировало стрессовые условия первых лет обустройства на новой родине. В тоже время слабое знание новоприбывшими естественной конъюнктуры Алтайского региона, его ресурсного потенциала (лесопокрытость, гидрография, почвенные режимы и т.д.) требовали открытости к установлению контактов с коренным населением, активного информационного обмена переселенцев с «аборигенами», готовности на рациональных основаниях перенимать элементы культуры «сибиряков».

Литература

- Алтайский крестьянин. 1913. № 18. 11 мая.
- Андюсов Б.Е. Субэтнос сибирских старожилов и особенности субэтнического характера (к постановке проблемы) // Этнография Алтая и сопредельных территорий: матер. междунар. науч.-практ. конф. Барнаул, 2001. Вып. 4. С. 20–22.
- Бардина П.Е. Быт русских сибиряков Томского края. Томск, 1995. 222 с.
- Дмитриева Л.Д. Ойконимический словарь Ключевского района // Ключевской район: история и современность. Барнаул, 2002. С. 24–26.
- Жизнь Алтая. 1912. № 201. 8 сентября.
- Жизнь Алтая. 1914. № 213. 13 ноября.
- Жизнь Алтая. 1914. № 44. 25 февраля.
- Залесский С.И. Исследование пригодности некоторых маловодных местностей Барнаульского и Каинского округа к заселению переселенцами из Европейской России. Отчет о командировке, состоявшейся летом 1893 г., по предложению Господина Томского губернатора. Томск, 1893. 135 с.

Итоги статистического обследования Бельгагачской степи Змеиногорского уезда Томской губернии. Барнаул, 1909. 142 с.

Коровушкин Д.Г., Лоткин И.В., Смирнова Т.Б. Неславянские этнодисперсные группы в Западной Сибири (формирование и этнокультурная адаптация). Новосибирск, 2003. 272 с.

Коровушкин Д.Г. Этнокультурная адаптация поздних переселенцев в Западной Сибири: автореф. дис... канд. ист. наук. Новосибирск, 2004. 41 с.

Миротворцев К.Н. Соленые озера и соляной промысел в Алтайском округе. Отчет чиновника особых поручений, к.е.н. К.Н. Миротворцева о поездке летом 1911 г. для обследования соленых озер Алтайского округа. Барнаул, 1911. 88 с.

Нагнибеда В.Я. Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губернии. Уезды Барнаульский, Каинский, Томский, Мариинский Вып. 1–2. Томск, 1913. 281 с.

Нагнибеда В.Я. Кулундинская степь Барнаульского уезда и культурно-экономический центр ее – село Славгородское // Труды Западно-Сибирского общества сельского хозяйства за 1913, 1914 и 1915 гг. Кн. IV. Томск, 1917. С. 146–188.

Нассонова А. Прошлое и настоящее Кулундинской степи // Сибирское сельское хозяйство. 1914. № 21. С. 657–659.

Огановский Н.П. Народное хозяйство Сибири. Эпизодический курс лекций, прочитанных на кооперативных курсах для служащих и работников кооперативных организаций г. Омска, февраль – март 1920 г. Омск, 1921. 152 с.

Разгон В.Н., Пожарская К.А. Заселение и хозяйственное освоение территории Кулундинского района в начале XX в. // Кулундинский район: страницы истории и современность. Барнаул, 2007. С. 63–75.

Разгон В.Н., Храмов А.А., Пожарская К.А. Столыпинские мигранты в Алтайском округе: переселение, землеобеспечение, хозяйственная и социокультурная адаптация: монография. Барнаул, 2013. 348 с.

Смирнова Т.Б. Немцы Сибири: этнические процессы и этнокультурное взаимодействие. Новосибирск, 2003. 88 с.

Смирнова Т.Б. Сравнительная характеристика групп немецкого населения Алтайского края и Омской области // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 2005. Вып. 5. С. 57–59.

Танфильев Г.И. Бараба и Кулундинская степь в пределах Алтайского округа. СПб, 1902. 261 с.

Трегубов А.Л. «По новым местам»: Переселение в Сибирь в 1913 г., впечатления и заметки по поездке в заселяемые районы Сибири члена Государственной Думы А.Л. Трегубова. СПб, 1913. 49 с.

Фомин В.Е., Щербакова О.С., Ан А.С. К проблеме изучения украинской этнокультуры Алтая // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: БГПУ, 2001. Вып. 4. С. 176–186.

Чиркин Г.Ф. Очерк колонизации Сибири второй половины XIX – начала XX в. // Очерки по истории колонизации Севера и Сибири. Вып. 2. Петроград, 1922. С. 83–136.

Шелегина О.Н. Ф.К. Кокен о проблемах миграций и адаптаций крестьянского населения в Западной Сибири в XIX в. // Русские старожилы и переселенцы в историко-этнографических исследованиях. Новосибирск, 2002. С. 71–82.

Шлейхер И.И. Пособие по истории российских немцев. Вторая половина XVIII–начало XX вв. Барнаул, 1992. 115 с.

К.А. Pozharskaya
Altay State University

**Ethnic Groups in the Resettlement Movement in the Altai Since
the Implementation of the Stolypin Resettlement Policy:
Problems of Preserving Ethno-Cultural Identity
and Socio-Cultural Adaptation**

***Abstract.** The article examines the main elements of ethno-cultural identity preserved and supported by various groups of migrants during the implementation of the Stolypin resettlement policy in Altai. The issue of socio-cultural adaptation of migrant peasants in a different ethnic environment was also considered in this article.*

***Keywords:** ethnocultural identity, immigrants, old-timers, household exchange.*

СОЦКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ В СИБИРИ

Дамешек Л.М., Дамешек И.Л.

Иркутский государственный университет (г. Иркутск)

Сибирские съезды православного духовенства о путях насаждения «русскости» среди коренного населения

Аннотация: В статье на основе неопубликованных делопроизводственных материалов рассматривается история созыва и деятельности съездов православных миссионеров Сибири конца XIX в. Особое внимание уделяется анализу персонального состава делегатов съездов, их взглядов на методы и способы распространения православия в инородческой среде, проблему инкорпорации коренного населения Азиатской России административно-политической и социокультурное пространство Российской империи.

Ключевые слова: Российская империя, Сибирь, инородцы, съезды православного духовенства, насаждение «русскости».

Одной из величайших территорий, которую когда-либо осваивал человек за всю свою историю, была Сибирь. Процесс освоения Сибири, начавшийся в XVII в., сопровождался колоссальными усилиями русского народа и имел длительную историческую перспективу. Для народов Сибири процесс вхождения в состав России означал начало новой исторической цивилизации, каждый из этапов которой имел свои отличительные черты. Данное замечание непосредственно связано с такой важной исторической особенностью России, как фактор ее многонациональности. Территориальная экспансия России на протяжении XVI–XIX вв., включение в ее состав народов Поволжья, Сибири, Дальнего Востока, Польши, Финляндии, Кавказа, Средней Азии превратили ее в многонациональную империю.

В начале XX в. на территории России проживало около 200 больших и малых народов, отличных по языку, культуре, религии,

менталитету и т.д. Данное обстоятельство накладывало существенный отпечаток на этническую структуру государства. Если в середине XVII в. на долю русского населения приходилось 95% населения России, то в начале XX в. только 44,6%. Развитие отношений центра с национальными окраинами неотделимо от процесса формирования политико-административной системы империи. Именно в рамках этой системы определялись конкретные модели взаимоотношения с этносами.

Сценарные планы осуществления этих теорий были различны. Тем не менее, все они предусматривали поглощение азиатских окраин империи русским национальным ядром, что вполне вписывалось в планы правительства по политическому и территориальному конструированию империи. Стратегической линией правительственной политики оставался курс на интеграцию этих территорий в экономическое, административное и социокультурное пространство империи, что особенно откровенно стало проявляться во второй половине XIX– начале XX в.

Рубеж столетий занимает особое место в истории России. Этот временной отрезок исследователи справедливо характеризуют как период кризиса самодержавия [Кризис самодержавия в России 1984, 3]. Кризисные периоды в истории России бывали и раньше, однако российская историческая действительность прежде всего при помощи государственной власти всегда преодолевала их. На смену архаичным принципам управления приходили новые, рационалистические методы управления экономикой и организации политического пространства.

Однако на этот раз к традиционным проявлениям кризисных явлений добавились национальный и неразрывно связанный с ним конфессиональный факторы, которые всегда играли немаловажную роль во внутренней политике империи. Сама мысль о всеобщем и беспрекословном повиновении самодержавию была подвергнута мощнейшей идеологической атаке. В этих новых исторических реалиях на помощь самодержавию поспешили идеологи русского национализма с теоретическими конструкциями «единой и неделимой России», «мирного завоевания», «оживления» окраин, водворения русской государственности на окраинах империи, в том числе и в Азиатской России [Дамешек, Дамешек, 2020, 83–105].

Сценарные планы осуществления этих теорий были различны. Но все они предусматривали поглощение азиатских окраин империи русским национальным ядром, что вполне вписывалось в планы правительства по политическому и территориальному конструированию империи. Предлагаемые теоретические концепты не

ограничивались тишиной кабинетов, а широко тиражировались в различных газетах и журналах, становясь тем самым важным фактором формирования общественного мнения. Вполне закономерно поэтому, что обострение национального вопроса на имперских окраинах породило и встречное движение в лице национальной интеллигенции, руководителей органов национального самоуправления, которые к тому времени зачастую выступали в виде авторитетных научных экспертов. Этому течению противостояла наступательная позиция русской православной церкви.

В абсолютистском государстве, каким была российская империя в начале XX в., традиционно составной частью окраинной политики была политика конфессиональная. К моменту описываемых событий в России тесная связь государства с православным духовенством насчитывала ни одно столетие. Конечно, на протяжении всей истории отношения православной церкви и государства приобретали различный характер, но в конечном итоге эти споры закончились полным доминированием российского государства над церковью и сращиванием последней со структурами бюрократического аппарата. Созданный в 1721 г. Священный Синод заменил патриархат, а обязанности главы главной конфессии империи стал исполнять назначаемый монархом чиновник. К середине XIX в. православная церковь добились по сути дела эксклюзивного положения в государстве, а само белое, приходское духовенство приобрело сословный статус. Однако правильность политики насильственного насаждения православия на окраинах империи, практиковавшаяся в XVIII в., подавление иных религий оказалась под сомнением прежде всего с точки зрения лояльности окраинных инородцев империи, а с другой – выстраивания отношений с сопредельными странами. Полиэтничность государства, как и религиозное многообразие подданных, по мнению московских, а впоследствии петербургских властей, не рассматривалось как нечто ненормальное.

Политическая, венная, культурная, научная элита империи была многонациональна. Поданные российской империи исповедовали все основные религии мира, а принадлежность к иной, отличной от православия конфессии, рассматривалась правительством ни как отступление от государственных законов, а как важное условие социального порядка. В конечном итоге, по убеждению сановного Петербурга, любая религия, при соответствующей имперской надстройке была способна служить государственным интересам России. Однако нельзя не признать, что все империи в конечном итоге стремятся к единообразию, в том числе и религиозному, источником

которого должен быть сюзерен – монарх. Именно поэтому конфессиональная политика Российского государства в отношении сибирских «инородцев» была неразрывной составной частью имперской политики в Сибири в целом. В основе всех мероприятий самодержавия в церковной сфере в Азиатской России лежит признание большой политической и социокультурной значимости распространения православия среди «инородцев».

Принятие православия аборигенами рассматривалось как составной элемент политики инкорпорации. В то же время это был и важный социокультурный процесс. Таким образом, в российской колонизационной модели восточных окраин империи политические и социокультурные цели взаимно дополняли друг друга. Окраинная политика империи отличалась прогнатизмом и известной гибкостью [Дамешек, Дамешек 2018, 87–110], однако это не означает, что имперские цели по насаждению «русского духа» на окраинах государства отходили на второй план. Конфессиональное разнообразие народов России рассматривалось правительством как вынужденное, временное явление.

Принципиальные взгляды сибирской администрации на эту тему насаждения «русскости» в инородческой среде были изложены иркутским генерал-губернатором А.П. Игнатьевым в специальной «Программе деятельности генерал-губернатора Восточной Сибири и правительственных мероприятий в отношении этого края с 1887 г. и приблизительно на 10 лет» [Библиотека РГИА. Печатные записки. № 131]. Применительно к народам Сибири конечной целью проекта А.П. Игнатьева, становилось обрусение инородцев, полное подчинение их русскому законодательству [РГИА. Ф.391.Оп.1. Д.73. Л.9]. Это предложение высокопоставленного чиновника, прозвучавшее при слушании его отчета в Комитете министров, настолько понравилось Александру III, что на полях документа он с восторгом написал: «Да! Весьма пора» [РГИА. Ф.1284. Оп.223. Д.200. Л. 12, 12об.]. В достижении этой цели сторонники обрусительного направления в политике по отношению к народам Сибири немаловажную роль отводили православию.

Даже в конце XIX в. в Восточной Сибири нередко были случаи массового крещения бурят по различным «поводам», «случаям» и т.д. Князь В.П. Мещерский, издатель небезызвестного «Гражданина», по этому поводу замечал, что слухи эти «весьма неутешительны», а религиозные преследования в Прибайкалье напоминают «самые лютые времена» [Зайончковский 1970, 130]. Однако в соседней, Забайкальской области, религиозная политика государства по отношению к бурятам

была иной. Отсутствие четкой обозначенной цинской границы, пограничной стражи, традиционное кочевое скотоводство бурятских племен, требовавшее, постоянного перемещения на больших земельных пространствах, наконец, мощные, сложившиеся на протяжении веков буддистские традиции понуждали правительство при выработке конфессиональной политики в этом специфическом регионе империи мыслить не только категориями религиозного, но внешнеполитического порядка.

Последний фактор напрямую соприкасался с экономическими интересами России в этой части Азии, связанными с сохранением статус-кво в области выгодной для России торговли с Китаем. В условиях нарастающей активности Великобритании в регионе, зачастую недружественной политики последней на Дальнем востоке «ламский вопрос» становился еще одной опорной базой для продвижения интересов России в Приамурье. В Восточной Сибири буддизм стал распространяться с середины XVII в. Однако только после формального определения границы России и Китая в 1727 г. царское правительство приступило к регламентации положения буддистов в России. В 1741 г указом императрицы Елизаветы Петровны буддизм был официально признан одним из вероисповеданий России и утверждены штаты буддийского духовенства.

В 1822 г. Устав об управлении инородцев. М.М. Сперанского подтвердил право сибирских инородцев на свободу вероисповедания [ПСЗ –I. Т. 38. № 29126. Ст. 288]. Однако наступательное движение русской православной церкви на народы Сибири, с одной стороны, и сокращение доходности края с другой, породили в определенных кругах российской администрации сомнения в правильности такой политики. Растущие недоимки в Забайкалье, неприятие бурятами православия стали напрямую связывать с принятием в 1853 г. известного положения о ламаистом духовенстве, быстрым ростом числа лам (в середине XIX в. общее число жителей-буддистов достигло 125 тыс. чел., а число священнослужителей 4556 – *авт.*) и освобождением последних от уплаты налогов. Именно поэтому в 30-х гг. XIX в. возник ряд проектов по ужесточению политики в отношении буддийской церкви в Забайкалье.

Совместное наступательное движение православной церкви и государства в отношении коренных народов Сибири проявлялось в миссионерских съездах, которые были призваны выработать единые политико-идеологические и организационные мероприятия, направленные на упрочение положения «первенствующей и главенствующей» церкви в Сибири и России в целом. Эти съезды сами

священнослужители называют соборами епископов, инициатором проведения которых был обер-прокурор Священного синода К.П. Победоносцев [Диакон Дмитрий Пашков 1990, 269; авторы выражает признательность Н.П. Матхановой за информацию об этой публикации]. Всего в 1884–1885 гг. было проведено 3 собора – в Киеве (сентябрь–октябрь 1884г.), Казани (июль 1884 г.) и Иркутске в 1884–1885 гг. Основами вопросами соборов было обсуждение борьбы с расколом и распространение православия среди нехристианских народов. В Иркутске такой съезд состоялся в июле–августе 1885 г. Письма Иркутского архиепископа Вениамина Томскому епископу Владимиру свидетельствуют, что этот собор был создан по инициативе обер-прокурора [Письма Вениамина 1893, 174].

Подчеркивая единство политических целей церкви и государства, указ Синода от 8 апреля 1885 г. гласил, что съезд духовных и светских властей Сибири проводится «для совместного обсуждения вопросов, касающихся настоящего состояния православия в пределах Сибирского края с целью выработать общие для всех сибирских епархий меры к развитию проповеди Слова Божия среди язычников». Присутствие на соборе представителей гражданских властей с правом подписи принимаемых решений стало существенным отличием иркутского съезда миссионеров от Киевского и Казанского. В то же время, в отличие от Киева и Казани, на съезде отсутствовали представители Св. Синода. Следует согласиться с мнением историков церкви о том, что анализ работы Киевского и Казанского соборов сильно разочаровал К.П. Победоносцева в способности иерархов решить стоящие перед ними вопросы без помощи гражданских властей [Диакон Дмитрий Пашков 1990, 291].

Власти тщательно готовились к первому съезду сибирских «святителей». В миссионерские станы было разослано специальное послание, в котором предписывалось провести съезды местных миссионеров, на которых обсудить «все вопросы ... состояния миссии в каждом стане» и о мерах «к предупреждению препятствий к принятию инородцами святого крещения». В работе Иркутского съезда приняли участие высшие сибирские иерархи: архиепископ Иркутский Вениамин, епископы Томский Владимир, Енисейский – Исаакий, Селенгинский – Мелетий, Киренский – Макарий. Кроме того, на заседаниях съезда присутствовали генерал-губернатор Восточной Сибири А.П. Игнатъев, приамурский генерал-губернатор А.Н. Корф, военный губернатор Забайкальской области Я.Ф. Барабаш, исполняющий должность Иркутского гражданского губернатора Петров. Заседания съезда были открытыми лишь частично. А.Н. Корф вообще настаивал на проведении

закрытых заседаний, «чтобы не возбуждать неблагонамеренных толков» среди бурят. Архиепископ Вениамин, наоборот, выступал за проведение открытых заседаний, дабы буряты поняли, «чего должно ждать от них христианское правительство» и не надеялись на продолжение покровительственной политики по отношению к ламаизму.

Съезд проходил в обстановке наступившей политической реакции в стране, т.е. в очень благоприятное для воинствующей православной миссии время. Заседания съезда, а их было 5, проводились открыто, однако обсуждение на нем так называемого «бурятского вопроса» не афишировалось с целью пресечения неблагонамеренных толков среди аборигенов. Ничего не говорилось об этом и в отчетах о работе съезда, опубликованных в печати.

Одно из центральных мест в работе съезда занял вопрос «по обращению инородцев Сибири, особенно забайкальских бурят к христианству». Подлинные причины пристального внимания участников съезда к этому вопросу были без обиняков сформулированы на первом же заседании. «Этого требует, – констатировал съезд, – великая и высокая важность обращения инородцев к христианству во всех отношениях – и в религиозно-нравственном, и в гражданском, как верный шаг к объединению их с русским народом и обрусению». На последующих трех заседаниях вопрос этот был «подвергнут всестороннему рассмотрению». Обращает на себя внимание то обстоятельство, что участники съезда требовали не только усиления пропагандистско-идеологической работы священнослужителей, но и настаивали на проведении таких мер, которые нуждались «в утверждении в законодательном порядке». Важно подчеркнуть и другое. В журнале заседания съезда от 24–26 июня отмечается, что такие меры были предложены вниманию членов съезда представителями гражданской власти. Таким образом, в вопросах насаждения «русскости» церковь и государство выступали с единых позиций.

В итоге работы съезда были выработаны решения, реализация которых могла бы, по мысли светских и духовных властей, способствовать усилению процесса русификации и христианизации аборигенов. Сам характер этих рекомендаций был таков, что осуществление их было возможно с помощью не церковных, а именно государственных органов. Это важное обстоятельство осталось незамеченным предшествующими исследователями вопроса.

Решения съезда, прежде всего, рекомендовали провести размежевание земель аборигенов и посадить кочевника на душевой надел

оседлого земледельца. Это должно было, констатировал съезд, «заставить инородцев-сибиряков перейти от кочевого быта к оседлому, что даст возможность удобнее и успешнее распространять между ними христианство». Освободившиеся земельные участки, предлагалось передать в пользование русским крестьянам – православным. «Живя в соседстве с последними», инородцы, по мысли участников съезда, «будут не только заимствовать русские православные нравы, но и христианские понятия». Все это вместе взятое должно было служить одной цели: «способствовать обращению их (аборигенов – *авт.*) в христианство». Рассуждения эти в определенной степени не были лишены здравого смысла. В конечном итоге развитие земледелия и усиление оседлости народов Сибири было делом объективно прогрессивным, как и сам процесс сближения и взаимовлияния русского и коренного населения Сибири. Однако в данном случае, эта идея в руках православных церковников и сибирской администрации превращалась в орудие насильственного обезземеливания и разорения скотоводов.

Аналогичные противоречия наблюдаются и при анализе предложений съезда, относящихся к вопросу административного устройства народов Сибири. Органы управления народами края, введенные Уставом 1822 г., предполагались к упразднению. Вместо них рекомендовалось ввести волостные управления, подчинив их «полицейским управлениям на общих основаниях». Во вновь создаваемые административные органы предполагалось ввести в качестве должностных лиц «инородцев-христиан».

Особое внимание участники съезда уделяли вопросу о привлечении сибирских аборигенов к воинской повинности. По их мнению, реализации этого предложения должна была привести к тому, что «ежегодно известный контингент людей, отбыв срок службы в войсках, будет возвращаться по домам в значительной степени обруселый». Иркутский архиепископ Вениамин предлагал даже пойти дальше этого. По его словам, следовало «вообще сравнять их (аборигенов – *авт.*) в правах и обязанностях с русскими крестьянами». Вениамину вторил Томский преосвященный Владимир. Он заявлял, что мера эта вполне применима и к «инородцам» Западной Сибири. Епископ Томский желательность этой меры видел еще и потому, что льгота язычников от воинской повинности служит благовидной причиной к отклонению языческими властями своих подданных от перехода в христианство, как первой степени привлечения инородцев к воинской повинности. Поистине, сибирские иерархи были персонами воинствующими.

Участники съезда рассмотрели и такой, казалось бы, далекий от нужд православия вопрос, как уплата аборигенами ясака. Внимательное изучение материалов съезда показывает, что «святые отцы» были плохо знакомы с ясачным законодательством империи и практикой уплаты ясака. По мнению томского епископа Владимира, взнос ясака натурою существовал лишь по той простой причине, что «языческие власти из своекорыстных целей застрашивают их» (аборигенов – *авт.*) тем, что «за уплатою ясака деньгами последует обращение инородцев в крестьяне со всеми прочими тяготами».

Нельзя не признать, что перевод ясачной подати в денежную форму отвечал объективным потребностям развития хозяйства народов Сибири, в котором все большее значение приобретали товарно-денежные отношения. Однако отнюдь не «языческие власти», а прежде всего коронное ведомство настаивало на сохранение натуральной формы уплаты ясачной подати [Подробнее см.: Дамешек, Дамешек 2014]. В данном конкретном вопросе интересы церкви и коронного ведомства не совпадали. Следует также подчеркнуть, что ратование православных пастырей за перевод ясака в денежную форму объяснялось отнюдь не заботой об аборигенах, а стремлением поскорее обрусить последних, полностью приравнять их к русскому населению. Участники съезда понимали, что большинство их предложений противоречит существующим законоположениям. Поэтому они ходатайствовали перед обер-прокурором Синода об утверждении рекомендаций съезда в законодательном порядке.

В итоге отметим, что в решениях Иркутского съезда духовных и светских властей содержались подчас идеи, отвечающие объективным потребностям экономического и общественного развития народов Сибири. Однако на практике эти идеи, порожденные попытками насильственного насаждения «русскости» на окраинах империи и приобретали уродливую форму Иркутский съезд 1885 г. был не единственным съездом сибирских иерархов. В 1893 г. состоялся съезд миссионеров в Забайкалье. Вопросам усиления христианизации народов Сибири были посвящены собрания миссионеров, состоявшиеся в августе 1909 г. в Иркутске. Подготовку и работу собрания возглавлял начальник Иркутской духовной миссии епископ Иоанн. Основное внимание было уделено вопросам организационного укрепления миссии и расширению агитационной работы в пользу православия. Эти же вопросы находились в центре внимания участников съезда миссионеров, состоявшегося в следующем году в Иркутске. Это был первый съезд миссионеров после подавления самодержавием революции 1905–1907 гг. Поэтому не удивительно, что власти

придавали ему большое значение. Обстоятельство это в значительной степени объясняется массовым отходом народов Сибири от православия в ходе первой русской революции.

Российская печать охарактеризовала Иркутский съезд как «первый в Сибири по количеству участников и важности вопросов, которые на нем должны быть поставлены и решены». К тому времени, несмотря на «весь официальный оптимизм» церковных иерархов, миссионерское дело в Сибири было далеко не в блестящем состоянии. «Количественные» результаты деятельности сибирских миссий были «крайне ничтожными». В 1906 г. «Алтайская миссия, несмотря на значительный штат миссионеров... не обратила ни одного инородца». То же самое можно сказать о миссиях Иркутской, Якутской, Чукотской и Благовещенской. Киргизская миссия в 1906 г. окрестила всего 19 чел., в том числе только 8 киргизов. По этому поводу печать не без сарказма писала, что каждый крещенный в этой миссии «стоил более 700 руб.».

В целом результаты съезда и деятельность сибирских миссий печать оценивала весьма скромно: «Рутиня, формальное отношение к делу, незнакомство с туземными языками – отличительные качества сибирских миссионеров». Совершенно очевидно, что теперь «сибирские миссии идут верным и быстрым шагом к самоупряднению». Свидетельство кадетской газеты в данном конкретном случае не просто интересно, но и важно еще и потому, что большинство фактов об антиклерикальных выступлениях крестьян в борьбе князей церкви с народными массами не было зафиксировано в опубликованных документах. О необходимости наступательной позиции церкви в отношении «иноверцев» говорилось и на общероссийских миссионерских съездах. Первый такой съезд состоялся в Казани в 1885 г., второй – в Москве в 1891 г. Еще более воинственно было настроено духовенство на третьем съезде миссионеров, состоявшемся в том же году в Казани. Работой этого съезда руководил будущий обер-прокурор Синода В.К. Саблер, назвавший православие «краугольным камнем самодержавия».

Для решения задачи обращения в православие всех иноверцев Сибири миссионеры стремились привлечь и высших правительственных чиновников. В 1892 г. в Петербурге с целью выработки общих организационных и идеологических мероприятий состоялось «особое совещание о мерах к облегчению христианской проповеди в Забайкалье». В совещании участвовали обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев, министр внутренних дел П.Н. Дурново, приамурский генерал-губернатор А.Н. Корф и управляющий министерством императорского двора д.т.с. Н.С. Петров. Совещание рассмотрело

предложения А.Н. Корфа о «мерах к усилению проповеди православия среди иноверцев». Наиболее верным способом борьбы с ламаизмом и одновременно пропагандой православия Корф считал распространение «общего образования» среди аборигенов. Относительно ламаизма генерал-губернатор предлагал ограничиться тактикой невмешательства. Однако совещание не приняло предложения Корфа. Наоборот, оно признало «существенно необходимым» переработать положение о ламаистском духовенстве 1853 г. в сторону его ужесточения. Что же касается предложения генерал-губернатора о необходимости распространения между аборигенами «образования», то участники совещания признали его «заслуживающим внимания», однако требующим значительных денежных затрат. Поэтому они не пошли дальше рассуждений о пользе образования, высказавшись в конечном итоге за улучшение состава миссий, благоустройство миссионерских церквей и т.д. Меры эти должны были осуществляться распоряжением духовных властей.

В конце 1911 г. при Синоде состоялось очередное «особое совещание». Оно было посвящено изучению методов деятельности православных миссий среди нерусских народов Поволжья, Сибири и Дальнего Востока. В это время отход крещенных аборигенов от православия, начавшийся в ходе первой русской революции, несмотря на все старания духовных пастырей, продолжался. В таких условиях члены совещания пытались найти выход из создавшегося положения. Необходимость упрочения положения «первенствующей и главенствующей церкви» в России требовала принятия срочных и действенных мер по усилению пропаганды православия среди нерусских народов. В то же время конечные цели этой пропаганды – обрусение и ассимиляция аборигенов с русским населением – оставались неизменными. События первой русской революции, сопровождавшиеся массовыми антиклерикальными выступлениями крестьян, заставили ревнителей православия быть более осмотрительными в выборе средств привлечения новой паствы. Поэтому совещание не рекомендовало каких-либо крутых мер, а ограничилось требованием к приходским священникам считать миссионерство «своею существенною и непременною обязанностью, не возлагаемую исключительно на миссионеров». Для усиления пропаганды православия рекомендовалось также проводить на языках народов Сибири проповеди и беседы, пение церковных песен, открытие школ «для детей язычников по системе Н.И. Ильменского», основание новых монастырей и т.д. По решению совещания и Синода в 1912 г. в Хабаровске и Тобольске были открыты курсы подготовки миссионеров,

причем в Тобольске собирались только лица, имеющие высшее духовное образование. Характерна реакция самого духовенства на это решение Синода. Многие миссионеры восприняли его «со страхом и некоторой конфузливостью», а сами курсы называли «учреждением недоучек и малосведущих членов клира». Программа 4-недельных курсов была рассчитана на 140 часов. Наряду с традиционными для православной церкви курсами – история и обличение раскола – особое внимание теперь уделялось изучению истории и обличению социализма, искусству проповедничества, законоучительству и методике.

По вопросу о методах крещения народов Сибири в XVIII – первой половине XIX в. среди исследователей нет единой точки зрения. К.М. Герасимова, Н.П. Егунов в своих работах приводят, главным образом, факты насильственного крещения народов Восточной Сибири. К аналогичным выводам пришли И.И. Огрызко и Н.А. Свешников, рассматривавшие вопросы распространения православия в Северо-Западной Сибири. Однако в литературе высказывается и иная точка зрения. Так, Н.А. Миненко основным методом крещения аборигенов Западной Сибири в первой половине XIX в. считает «предоставление новокрещеным различных льгот, в особенности, в уплате ясака». Обоснование концепции «мирных» методов распространения православия среди народов Сибири у Н.А. Миненко носит объективный и убедительный характер. Этот вывод исследователь подкрепляет большим фактическим материалом. Действительно, в первой половине XIX в. самодержавие было вынуждено отказаться от насильственных методов распространения христианства и соблюдать хотя бы «внешние приличия». Это, разумеется, не означает, что факты насильственного крещения аборигенов в XIX в. были совершенно изжиты.

В исследовательской литературе немало примеров насильственного крещения иноверцев, особенно в конце XIX в. Принцип свободы веротерпимости был закреплен в двух важнейших законодательных актах XIX и XX вв.: Уставе об управлении иноверцев 1822 г. и в манифесте 17 апреля 1905 г. В то же время принятие православия рассматривалось властями как положительное явление, и государство прилагало немало усилий для поднятия и распространения авторитета православной церкви в империи.

Рассматривая вопрос о методах распространения православия, следует отметить, что крещение «по поводу» или «случаю» получило в Сибири широкое распространение. Издание юбилейных пропагандистских брошюр, устная агитация – все это должно было, по замыслу миссионеров, способствовать привлечению язычников на лоно

православной церкви. В 1890 г. в Западной Сибири широко отмечали 60-летие со дня основания Алтайской православной миссии, а спустя два года – в 1892 г. – 100-летие со дня ее основателя архимандрита Макария. С целью популяризации и разъяснения его деятельности была выпущена специальная брошюра под названием «Архимандрит Макарий, основатель Алтайской миссии».

Наряду с этим организовывались совместные моления русских и аборигенов и т.д. Все это, по мысли начальника Тобольской епархии епископа Бийского, должно было способствовать лучшему пониманию аборигенами превосходства православия над язычеством и усвоению ими основных догматов новой религии. Однако массовые крещения, неоднократно отмечаемые источниками на протяжении всего XIX в., носили, как правило, формальный характер.

При этом основное внимание уделялось «на внешнюю сторону миссионерского деяния, т.е. на возможно большее количество крещений», а догматы и культы православия оставались непонятными для новой паствы. Примитивные языческие культы народов Сибири, особенно ее северных районов, были самым тесным образом связаны с существующими социальными отношениями и хозяйственным бытом народов. Поэтому функциональное место христианства оказывалось совершенно иным; его догматы и культы не были рассчитаны на конкретную программу непосредственных действий. Назначение религии – быть всеобщим основанием «для утешения и оправдания». Все это порождало многочисленные случаи двоеверия, совращения в язычество и т.д.

Посетивший в 1833 г. Березовский округ тобольский гражданский губернатор Муравьев доносил начальству, что крещенные ханты и манси «ни в образе жизни, ни в образе мыслей... ни в чем не различаются от язычников и даже продолжают... тайно в лесах свое прежнее богослужение». Об основах веры они не имели «ни малейшего понятия». Несмотря на усилия православных миссий, положение не изменилось и 30 лет спустя. В 1864 г. Совет главного управления Западной Сибири констатировал, что христианство между северными народами Тобольской и Томской губерний распространено было «номинально», а аборигены в душе продолжали оставаться язычниками. Об этом же доносил товарищу обер-прокурора Ю.В. Толстому А. Забелин, представивший в 1869 г. подробный «Обзор деятельности миссионеров Березовского края». К началу XX в. практически все аборигены Березовского края были крещенные. В 1898 г. епископ Тобольский Агафангел доносил в Синод, что в районе действия Сургутской миссии «не было уже язычников инородцев», однако

«качество» крещения было крайне низким. Подобные же явления отмечаются и в других сибирских епархиях.

В 70–90-е гг. XIX в. особенно «агрессивно» действовала Иркутская миссия, возглавляемая архиепископом Вениамином. В некрологе, посвященном памяти этого «опытного миссионера», особенно подчеркивалось, что он «с самоотвержением посещал самые отдаленные миссионерские станы, всюду наставляя деятелей миссии... крестить инородцев».

Ко времени прибытия Вениамина в Иркутск в здешней епархии было крещено 7154 бурята. Однако этот благородный пастырь остался не удовлетворен достигнутыми результатами. Он развил столь энергичную деятельность по крещению бурят, что в период с 1873 по 1886 г. «посвятил» 23000 аборигенов. Эта просветительная деятельность Вениамина «во всей Восточной Сибири» оставила «неизгладимое впечатление». Прибывший в 1875 г. в Иркутск новый генерал-губернатор Игнатьев – человек, по характеристике Победоносцева, «вполне русский, благочестивый, церковновоспитанный, принимавший к сердцу интересы церкви» – немедленно включился в кампанию по крещению бурят. Он сам ездил по миссионерским станам, убеждал коренных жителей губернии отречься от язычества и принять православие. Вениамин писал в Петербург Победоносцеву, что главный начальник края так горел желанием «всякого» бурята «принимать от купели крещения», что архиепископ вынужден был просить генерал-губернатора «не слишком продешевлять свое имя, довольно, если он начальников будет удостоивать такой чести». Не меньшую заинтересованность в этом деле проявляла и супруга генерал-губернатора, которая «также не раз была восприимной матерью при крещении бурят». Усилия светских и духовных властей не пропали даром. В 1887 г. в Иркутской епархии было крещено 1751 чел., в 1888 – 1663, в 1889 – 1491, в 1890 – 2381 чел. В Забайкальской области к 1885 г. было крещено 3956 бурят и эвенков.

Кампания крещения аборигенов с новой силой развернулась в 1891г., когда православные миссии решили использовать путешествие по Сибири наследника престола великого князя Николая Александровича, присваивая всем новокрещенным мужчинам имя Николай. Большую помощь в этом деле миссиям оказывали чины земской полиции. В июле 1891 г. балаганский окружной исправник Поздняков разослал главам бурятских ведомств циркуляр, в котором предписывал им принять «деятельное участие» и привлечь «к святому крещению возможно более число инородцев». Всех лиц, подлежащих крещению, следовало к определенному сроку «доставить в

миссионерский стан». За неисполнение этого распоряжения бурятская родовая администрация должна была «ответить по закону».

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют со всей определенностью заключить, что угрозы эти не оставались только на бумаге. Поздняков и некоторые бурятские родоначальники оказались ретивыми православными пастырями. Во время крещения бурят Балаганского округа по личному указанию исправника казаки ловили разбежавшихся по лесам от страха перед насильственным крещением мужчин и женщин, а сам Поздняков палкой избивал инаковерующих, стремясь подобными действиями заставить их креститься. От полицейских чинов не отставали и сами миссионеры. Жительница аларского ведомства М. Баканова жаловалась иркутскому генерал-губернатору А.Д. Горемыкину, что к ней в дом в глухую полночь ворвался священник Затопляев и попытался насильно окрестить ее. Когда женщина оказала сопротивление, ее связали, причем во время борьбы «вывихнули правую руку и повредили больно палец». Такие методы крещения были не единичны.

Христианизация коренных народов Сибири вызвала два последствия. С одной стороны, она укрепляла позиции самодержавия и церкви на окраинах империи, усиливала идеологическое воздействие царизма на народные массы. Преследуя ясно выраженные ассимиляторские цели, христианство выхолащивало самобытность коренных народов Сибири. С другой стороны, распространение православия среди народов Сибири имело и известное положительное значение. Принятие православия способствовало сближению русского и коренных народов, крещенные аборигены вступали в более тесное общение с русскими, перенимали новые методы ведения хозяйства, легче усваивали духовную и материальную культуру русского народа.

На методы и формы распространения православия определенное влияние оказывали экономические процессы, развитие капиталистических отношений, протекавшее очень быстро во второй половине XIX в. Не случайно исследователи истории церкви отмечают, что «переход от феодально-крепостнических методов христианизации к буржуазным составляет следующую стадию рассматриваемого процесса. Хронологически она охватывает период второй половины XIX – начала XX в.

Литература

Библиотека РГИА. Печатные записки. № 131.

Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Ясак в Сибири в XVIII – начале XX века: монография. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. 303 с.

Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Сибирь в системе имперского регионализма. (1822–1917 г.) // Дамешек Л.М. Избранное. Иркутск: Оттиск, 2018. Т. II. 416 с.

Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Российские окраины в системе внутренней политики империи XVIII– начала XX вв.: концепты, закон и практика. TERRAEURASICA: к 60-летию академика Б.В. Базарова. Оттиск. Иркутск. 2020. С. 83–105.

Диакон Дмитрий Пашков. Соборы епископов при К. Победоносцеве // Богословский сборник. 1990. № 4. С.269–293.

Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х – начала 90-х годов). М.: Мысль, 1970. 442 с.

Кризис самодержавия в России 1895–1917. Л.: Наука. 1984. 662 с.

Письма Вениамина, архиепископа Иркутского, Казанскому Архиепископу Владимиру // Чтения ИОИДР при Московском университете. М. 1893. № 247. С. 174.

Полное собрание законов Российской империи –I. Т. 38. № 29126. Ст. 288.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 391. Оп.1. Д. 73.

РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. Д.200.

L.M. Dameshek, I.L. Dameshek

Irkutsk State University

Siberian Congresses of the Orthodox Clergy on Ways to Inculcate "Russianness" Among the Indigenous Population

Abstract. *The article examines the history of the convocation and activity of the congresses of Orthodox missionaries of Siberia at the end of the 19th century on the basis of unpublished office materials. Special attention is paid to the analysis of the personal composition of the delegates of the congresses, their views on the methods and methods of spreading Orthodoxy in a foreign environment, the problem of incorporation of the indigenous population of Asian Russia into the administrative-political and socio-cultural space of the Russian empire.*

Keywords: *the Russian Empire, Siberia, foreigners, congresses of the Orthodox clergy, the planting of "Russianness".*

Валитов А.А., Федотова Д.Ю.

Тюменский государственный университет (г. Тюмень)

**Тобольская классическая гимназия
в период директора П.М. Чигиринцева (1849–1856 гг.)**

*Работа выполнена при поддержке РФФИ (исследовательский
проект 20-413-720014 р_а_Тюменская область)*

Аннотация. В статье рассмотрена история Тобольской гимназии (1849–1856 гг.) когда ее возглавлял Порфирий Матвеевич Чигиринцев. На опыте деятельности Чигиринцева показаны повседневная жизнь провинциальной сибирской гимназии в период реформ и преобразований середины XIX в. Рассматриваются такие сюжеты, как: организация учебного процесса, социальный состав обучаемых, материальное положение учителей, роль директора гимназии в организации ее жизни.

Ключевые слова: гимназия, учитель, образование, реформы, губернская пресса, педагогическое сообщество.

В истории Тобольской мужской гимназии в разные исторические периоды были подъемы в развитии, а также и определенные стагнационные процессы, во многом это зависело от личности директора и его инициативы, либо от ее отсутствия.

Интересным периодом в истории Тобольской мужской гимназии является время, когда ее возглавлял П.М. Чигиринцев.

Порфирий Матвеевич Чигиринцев был назначен директором Тобольской гимназии в середине 1849/1850 учебного года [Софронов 2020, 16]. П.М. Чигиринцев в 1829 г. выпускник Харьковского университета, обучался нравственно-юридическому факультете, далее проходил службу в Екатеринославской конторе иностранных поселенцев с декабря 1833 г. по август 1834 г., далее был протоколистом в Екатеринославском депутатском собрании, с 1838 г. стал столоначальником и избирался от дворянства Екатеринославского уезда членом комитета о продаже горячих напитков (1842 г. декабрь). В 1844 г. был письмоводителем канцелярии Екатеринославского губернского предводителя дворянства и в это же время был секретарем дворянского депутатского собрания. С 19 января 1846 г. служил советником пограничного управления сибирскими киргизами. Таким образом, ранее никогда не работал в системе народного просвещения.

Сам 1849/1850 учебный год начался при действии новых правил, утвержденных 21 марта 1849 г., которые изменили ряд положений устава гимназии.

Эти изменения состояли в следующем:

1) курс обучения в гимназии делился на общее (первоначальное) и специальное обучение;

2) специальное обучение начиналось с IV класса;

3) до IV класса воспитанники учатся все вместе Закону Божьему, русскому языку, математике, географии, истории всеобщей и русской, немецкому и французскому языкам, чистописанию с черчением и рисованием;

4) в высших четырех классах, назначенных для специального обучения, вводились новые предметы, а на некоторые увеличивалось количество часов, согласно требованиям будущего назначения воспитанников. Воспитанники в этих классах обучались вместе Закону Божьему, физике в математической географии, истории всеобщей и русской, немецкому и французскому языкам, общему курсу русского и славянского языков и математики [Замахасев, Цветаев 1889, 180].

Особая программа была для воспитанников, желающих, из гимназии сразу поступить на службу. Для таких воспитанников были следующие предметы:

– по русскому языку дополнительно два специальных урока в IV классе для занятий практических;

– по математике дополнительно также два специальных урока в IV классе для арифметических задач в применении и в практике;

– изучали законоведение с V класса. Для воспитанников, которые хотели поступить в университеты, предполагалось изучать латинский и греческий, оба с IV класса, и последний для тех, кто желал поступить в университет на 1-е отделение философского факультета [Замахасев, Цветаев 1889, 180].

В гимназии в это время обучались по следующим учебникам: по законоведению учебник Г. Рождественского (учитель Михаил Попов), по истории – Устрялова и Смарагдова (учитель Михаил Доброхотов), по Закону Божьему (законоучитель Лев Иваницкий), краткая священная история ветхого завета Зонтаг и Гибнера, катехизис митрополита Филарета, славянская грамматика (учитель Александр Плотников), в IV классе по руководству Неннинского, в VI классе теория красноречия по руководству Давыдова, в VII теория поэзия по Давыдову, по математике (учитель Стукальский) арифметика Буссе, алгебра Беллявина, Больмана и Бурдова; геометрия Буссе; тригонометрия Кушакевич и Книдерова (руководство для военных заведений), математическая география по

Ободовскому, физика – по Ленцу; по немецкому языку Бострем, хрестоматия Массона, Зейдештюккера и грамматика Оельшер,; по французскому языку Волко, хрестоматия Сен-Жюльен, Трико, карманный словарь Шмидта, грамматика Ноеля и Шапсаля; по латинскому языку Резанов, хрестоматия Беллюстина, грамматика его же.

Очень активно в период П.М. Чигиринцева получили развитие танцевальные и певческие классы. Если посмотреть статистику тех лет, то можно обратить внимание, на значительное количество уроков по данным предметам, в январе 1852 г. танцевальных классов было 10, в феврале 9, в марте 8, в апреле 6, в мае 7, в июне 1, в сентябре 9, в октябре 18. в ноябре 11, в декабре 7. Также часто были и певческие классы (церковно-нотного пения: в январе 17, в феврале 12, в марте 2, в апреле 9, в мае 17, в июне 8, в сентябре 10. в октябре 6, в ноябре 9, в декабре 16. Такие же большие цифры танцевальных и певческих уроков мы видим и в отчётах за 1853 год [Замахасев, Цветаев 1889, 181].

В другие годы танцевальные и певческие классы не получили такого развития. Деньги на устройство хора и наем регента, покупку нот и других материалов были употребляемы из остатков от суммы, назначаемой на содержание казенных воспитанников.

Произошли в Тобольской гимназии во время управления П.М. Чигиринцева следующие изменения.

В 1849/1850 учебном году на основании Высочайшего повеления от 31 декабря 1848 г. стали взимать оплату за право обучения. Для Тобольской гимназии сумма была определена в 5 руб. Сроки для взноса платы были назначены следующие: 1 января и 1 июля, так чтобы плата с всегда производилась за полугодие вперед, при чем для взноса денег ученикам была дана двухмесячная льгота. Те же воспитанники, которые в течении этого времени не внесли оплату, исключались из заведения. От оплаты были освобождены: дети преподавателей и чиновников заведения, а также дети, воспитываемые за счет благотворительных обществ, сироты и дети материально необеспеченных родителей.

Произошли изменения во времени проведения годовых экзаменов, так октября 1850 г. педагогический совет гимназии постановил ходатайствовать о времени назначения годичных испытаний учеников всех классов Тобольской гимназии.

Причины были приведены следующие: при существующем порядке проведения экзаменов много времени воспитанники теряют впустую, потому что в июне, когда проходит экзамен у воспитанников, оканчивающих гимназический курс с участием членов педагогического совета, классы старших учителей гимназии остаются без занятий и

ученики гимназии первых шести классов до середины июня ничем не занимаются.

В августе, когда проходят переводные и приемные экзамены, возникают трудности в одновременном сборе всех воспитанников, так по причине различной отдаленности, для многих очень значительной до 1200 верст до Тобольска, это не позволяет комиссии начать переводные экзамены ранее 9 или 10 августа, они продолжаются около 10 дней, и затем остальное время уходит на приемные испытания и приготовления к торжественному акту.

Таким образом ученики первых шести классов в течении двух месяце в июне и августе бывают заняты учебным процессом не более недели.

С переносом же годовых экзаменов перед каникулами, июнь и август пройдут в непрерывных учебных занятиях, что когда с 1 июня по 10 июня будут проходить испытания учеников, оканчивающих курс, то ученики прочих классов по необходимости воспользуются этим временем для повторения пройденного.

В период с 10 июня до конца месяца достаточно будет времени для переводных экзаменов в первых шести классах и для приготовления к торжественному акту, который должен быть не позже 1 июля, затем с 1 августа начнется обучение и начнутся приемные экзамены.

При действующем порядке проведения экзаменов трудно проверить итоги обучения за год, потому что воспитанники, оставаясь во время каникул без надлежащая надзора, не стараются употребить это время на повторение пройденного и являются в августе на экзамены неподготовленными. Постановление совета было доведено до сведения Министра народного просвещения, который от 24 января 1851 г. согласился на перенос экзаменов в Тобольской гимназии пред наступлением летней каникул в виде эксперимента на три года. Через три года директор сообщал, что мера оказалась весьма полезною как для преподавателей, так и для учащихся.

В таблице приведены сведения о количестве учеников Тобольской гимназии в период П.М. Чигиринцева.

Таким образом, большую часть учеников гимназии представляли выходы из дворян и чиновников.

Таблица 1
Воспитанники гимназии 1849–1856 гг.

Учебные	Общее кол-во	Дворяне	Городские	Сельские	Духовные	Почтовых
----------------	---------------------	----------------	------------------	-----------------	-----------------	-----------------

годы	ученико в к 1 января	чинов ники	сослов ие			
1849/50	114	95	14	1		4
1850/51	132	112	15	1		4
1851/52	134	113	15	1		5
1852/53	131	111	15	1		4
1853/54	135	102	21	6		6
1854/55	134	115	21	9		9
1855/56	136	107	19	10		

Характеризуя деятельность П.М. Чигиринцева на посту директора Тобольской мужской гимназии, следует подчеркнуть, что он имел и ранее выговоры во время прохождения службы, халатно относясь к своим обязанностям.

С.И. Замахаев и Г.А. Цветаев, готовя исторический очерк о Тобольской гимназии описывают деятельность П.М. Чигиринцева, он не подписывал протоколы педагогического совет по целым годам, ежегодные отчеты составлялись кратко с значительными пропусками. При бывшем директоре ежемесячные отчеты о состоянии пансиона и гимназии представлял инспектор директору, а вот П.М. Чигиринцев посчитал обременительным читать ежемесячно такие отчеты и предписал, чтобы данные отчеты направлялись надзирателями инспектору [Замахаев, Цветаев 1889, 183].

Отчет надзирателей нам дают возможность определить, как П.М. Чигиринцев посещал классы и пансион. Например, в 1852 г. в январе директор посещал классы и пансион по одному разу, в феврале классы два раза, пансион четыре, в марте классы раз, пансион три раза, в апреле классы один раз, пансион три раза, в июне пансион четыре раза, в августе пансион два раза, в сентябре классы и пансион по одному разу, в октябре пансион четыре раза, классы три, в ноябре классы четыре раза два раза, в декабре классы три раза. Итого директор в гимназии в продолжение года был 17 раз, а в пансионе 27.

П.М. Чигиринцев по-видимому считал себя не только директором гимназии, а большей мере директором училищ. Из города он уезжал в округ очень часто и заезжал в Омск где, по словам современников, принимал участие в деятельности городских театральном и драматическом кружках.

Сохранившие сведения о деятельности П.М. Чигиринцева свидетельствуют о его невнимательности к нуждам гимназии, если не сказать – о неспособности понять ее нужды. Большею же частью

гимназия жила без вмешательства ее директора и пользовалась значительной свободой.

Приведем статистику прогулов учителей и их опозданий. В январе 1852 г. пропущено учителями 40 лекций и 10 опозданий, в феврале 49 лекций и 3 опозданий, в марте 20 лекций и 6 опозданий, в апреле 43 лекции и 25 опозданий; в мае 54 лекции и 8 опозданий; в августе 27 лекций и 1 опоздание, в сентябре 84 лекции и 11 опозданий, в октябре 84 уроков и 13 опозданий, в ноябре 90 лекций и 26 опозданий, в декабре 37 лекций и 25 опозданий. Такие же данные есть и в следующем году, особенно систематический характер носили опоздания, так в январе их было 26 и 42 в марте 1853 г. [Замахаяев, Цветаев 1889, 184].

Что, несомненно, свидетельствует об отсутствии контроля со стороны руководства гимназии. Опоздания и пропуски уроков учителями встречались в период директорства Е.М. Качурина, он предпринимал меры к устранению этих нарушений, а вот П.М. Чигиринцев не беспокоили эти нарушения [Задорожная 2003, 82]. Пропускали уроки без уважительных причин и своекоштные ученики гимназии, которыми неоднократно вели себя неподобающим образом. Но Чигиринцев ни разу не прибегал к решительным мерам, а употреблял именно те меры, которые при иных условиях обнаруживают в человеке доброту, уважение к религии, а при других даже неспособность понять истинные нужды заведения.

От 4 апреля 1851 г. сохранилось предписание директора инспектору следующего содержания: «Воспитанников вверенной мне гимназии, избалованных в неприличных поступках: Николая А-ва, Федора и Павла Е-вых, уклоняющихся от классов, хотя бы следовало подвергнуть строгому взысканию, но из-за уважения настоящих святых дней я полагаю достаточным, выдержать их под арестом в течении этих трёх дней» [Замахаяев, Цветаев 1889, 185].

Вероятно, инспектор никак не ожидал, чтобы к ученикам, творившим безобразия и уклонявшимся от уроков в продолжении года, возможно было применить прощение. Относительно поведения пансионеров в нашем распоряжении имеется больше материалов благодаря существующим в 1852 г. и 1853 г. «частным ведомостям» пансионских надзирателей. Анализируя данные ведомости, можно обнаружить в них отчеты о поведении воспитанников гимназии, очень часто упоминается, «что ученики дурно себя вели во время занятий: смеялись, разговаривали, младшие грубо разговаривали со старшими и наоборот, ученики выбегали из пансиона без позволения во время занятий, курили табак на кухне, обманывали друг друга, особенно старшие вновь поступивших в пансион, обманывают надзирателей,

пишут дурные слова, пачкают казенный вещи, неблагопристойно поют, смеются в церкви» [Замахаяев, Цветаев 1889, 185].

В ведомостях приводится факт, об ученике, который был замечен во всевозможных непозволительных поступках, вплоть до употребления вина, его чуть не каждый день сажают в карцер, и все никак не могут уволить. И воспитатели, и инспектор пытаются прекратить безобразия ученика, а П.М. Чигиринцев не находит возможности уволить его из гимназии.

Смерть П.М. Чигиринцева дала повод к открытию и других нарушений в его деятельности. Оказалось, что почти вся обстановка его квартиры была сделана за счет гимназии и казенных средств.

Таким образом, подводя итог управления Тобольской мужской гимназией П.М. Чигиринцевым, можно сделать следующие выводы: организация учебно-воспитательного процесса в этот период полностью находилась в руках инспектора, директор не осуществлял должного контроля, формально подходил к работе в качестве руководителя образовательного учреждения. Использовал служебного положения для решения своих материальных вопросов.

Литература

Бегунова Е.А. Организация учебно-воспитательного процесса в мужских гимназических учреждениях Западной Сибири // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 34. С. 174–181.

Задорожня О.А. К вопросу о складывании образования слоя сибирского населения во второй половине XIX в. // Историко-педагогические чтения. 2003. № 7. С. 81–85.

Замахаяев С.И., Цветаев Г.А. Тобольская губернская гимназия: историческая записка о состоянии Тобольской гимназии за 100 лет ее существования. 1789–1889. Тобольск: Тип. Губ. Правл., 1889. 321 с.

Курская А.Е. Тобольская губернская гимназия: первая мужская гимназия Западной Сибири // Северный регион: наука, образование, культура. 2020. № 2 (46). С. 16–18.

Софронов В.Ю. Хроника семьи Менделеевых на основе семейной переписки и архивных документов // Национальные приоритеты России. 2020. № 1 (36). С. 8–18.

A.A. Valitov, D. Yu. Fedotova
Tyumen State University

**Tobolsk Classical Gymnasium During the Period
of Director P.M. Chigirintsev (1849–1856)**

Abstract. *The article considers the history of the Tobolsk Gymnasium (1849–1856) when it was headed by Porfiry Matveyevich Chigirintsev.*

The daily life of a provincial Siberian gymnasium during the period of reforms and transformations in the middle of the 19th century is shown on the experience of Chigirintsev's activity. The following subjects are considered: the organization of the educational process, the social composition of students, the material position of teachers, the role of the gymnasium director in the organization of her life.

Keywords: *gymnasium, teacher, education, reforms, provincial press, pedagogical community.*

Скачкова Г.К.

*Тобольский педагогический институт им Д.И. Менделеева
(филиал), Тюменский государственный университет (г. Тобольск)*

**Реформаторские идеи учителей
Тобольской классической гимназии
на страницах губернской прессы и реакция российского
педагогического сообщества (1862–1865 гг.)**

*Работа выполнена при поддержке РФФИ (исследовательский
проект 20-413-720014 р_а_ Тюменская область)*

Аннотация. *В статье приводятся сведения о демократизации учебно-воспитательного процесса в Тобольской гимназии (1862-1865 гг.), предпринятые педагогическим коллективом во главе с ее руководителем и отражение этих процессов на страницах газеты «Тобольские губернские ведомости». Интерес представляет неоднозначная оценка реформаторских начинаний тобольских педагогов в российской педагогической прессе.*

***Ключевые слова:** гимназия, учитель, образование, демократические реформы, губернская пресса, педагогическое сообщество.*

Во второй половине XIX в. произошли значительные преобразования в экономическом, политическом, социальном развитии России, упрочились демократические начала в общественной жизни. Все названные процессы привели к изменениям в системе образования страны. С усилением демократических тенденций одной из важнейших задач российского образования становится воспитание гражданственности, связь школы с потребностями государства.

Охваченные идеями демократизации, в процесс реформирования российского общества включаются разные слои, в том числе из удаленных мест России. Не остались в стороне от общественных процессов и представители сибирского образования, в частности, Тобольской гимназии.

В 1862 г. Генерал-губернатор Западной Сибири дал свое согласие на представление сведений по гимназии, на страницах Тобольских губернских ведомостей (ТВГ) и беспрепятственное посещение учебного заведения лицами, заинтересованными в учебном процессе [Рудаков 1862, 289].

Эти нововведения напрямую были связаны с личностью филолога Васильевича Рудакова, выпускника юридического факультета Казанского университета, талантливого педагога и общественного деятеля. Свой богатый педагогический опыт он приобрел в родной Томской гимназии, в которой служил 30 лет в качестве учителя законовещения и судопроизводства, а также надзирателя пансиона. Полезный опыт общественной работы Ф.В. Рудаков получил, успешно руководя Томским попечительным о тюрьмах комитетом. За свою активную общественную деятельность был неоднократно отмечен наградами [Гашинский 1890, 15–20]. Став директором Тобольской гимназии, не в лучший для нее момент, он постарался активизировать и сплотить ее педагогический коллектив, улучшить учебно-воспитательный процесс и оснастить материальную базу гимназии, по возможности, всем необходимым. Он убедил педагогический коллектив в том, что открытость гимназии для местной публики будет полезна учебному заведению. В этой связи директор обратился с просьбой ко всем преподавателям гимназии предоставить в Педагогический совет учебного заведения «записки» с изложением проблем в преподавании своей учебной дисциплины и предложениями по улучшению учебного процесса. После рассмотрения этих «письменных замечаний о том, что находит он нужным для успешного преподавания своего предмета» и

принятия соответственных решений на педагогическом совете, «замечания» вместе с решениями печатались на страницах Тобольских губернских ведомостей [Рудаков 1862, 292].

Это был первый опыт публичного представления текущих дел гимназии и, несомненно, поучительный для жителей г. Тобольска и всей губернии. Ф.В. Рудаков в своей вводной статье на страницах газеты отметил: «Открывая для общества во всякое время двери заведения и печатая свои труды в том именно виде, как они составлены были для себя, мы с полным доверием обращаемся к местному сообществу для приобретения и упрочения его к нам доверия. Сделав первый шаг, гимназия ждет ответа на свой призыв» [Рудаков 1862, 292]. Этот опыт представляет несомненный интерес для современных исследователей истории образования в сибирском регионе и представителей педагогической общественности.

Все учителя тобольской гимназии в своих «записках», приводили такие негативные моменты, тормозившие учебный процесс, как: слабая дисциплина, частые пропуски уроков учащимися, невыполнение домашних заданий, нехватка учебников, учебных пособий (в том числе чернил, перьев и бумаги), отсутствие достаточного количества учебной и внеклассной литературы в библиотеке, недостаточная подготовленность учащихся, перешедших из низших классов гимназии или уездного училища в гимназию, отсутствие единых сроков поступления в гимназию и др. Многие учителя отмечали загруженность не только учебной, но и канцелярской работой (ежедневная обязательная аттестация всех учащихся по своему предмету), нехватку методической литературы, особенно новейших педагогических сведений из периодической печати, неэффективность работы Педагогического совета и проч.

В ходе заседаний Педагогического совета гимназии высказанные замечания были устранены рядом решений, направленных на улучшение учебно-воспитательного процесса: укрепление дисциплины, установление определенных сроков приема новых учащихся, замену ежедневной обязательной аттестации всех учащихся на ежемесячную, пересмотр работы библиотеки и пополнение ее необходимой литературой, снабжение гимназистов учебными принадлежностями и т.п. Было предложено в газете ТГВ не только периодически освещать положение дел в гимназии, но и открыть постоянную рубрику. Автором этого предложения выступил младший учитель географии, действительный студент Казанского университета Василий Васильевич Кузьмин [Мнение Кузьмина В. 1862, 342]. Педагогический совет поддержал В. Кузьмина в стремлении регулярно печатать протоколы

заседаний Педагогического совета, ежемесячных ведомостей об успехах и поведении учеников, а также отдельных статей педагогического содержания на страницах Тобольских губернских ведомостей, что «может иметь благодетельные следствия через сближение этим путем родителей и общества с гимназией» [Копия с журнала 1862, 344.].

Самые обстоятельные «Записки вообще о препятствиях к более успешному преподаванию в Тобольской гимназии и в особенности о преподавании русского языка и словесности» в Педагогический совет представил старший учитель русского языка и словесности Александр Васильевич Плотников, опытный педагог, бывший инспектор классов гимназии, выпускник Московского университета [Мнение Плотникова 1862, 323–326].

В общей части его «записок» было отмечено пожелание обращать более пристальное внимание на детей, поступающих в гимназию, по его словам, «не на богатство разнообразных сведений, наполняющих юную голову, а более на то, в какой степени развиты его способности: восприимчивость, внимание, память, воображение, в состоянии ли он передавать воспринятое устно и письменно» [Мнение Плотникова 1862, 323]. Он предложил в низших классах гимназии, в основном, заниматься катехизическим преподаванием (чтение, рассказ, объяснение прочитанного, вопросы и ответы), постоянно поддерживающим внимание учеников, не задавать уроков на дом. Заботясь о гармоничном развитии личности ученика, А.В. Плотников считал необходимым ежедневно, после 6 основных уроков, заниматься с учащимися искусством, музыкой, рисованием, гимнастикой, чтением полезных книг и периодических детских изданий. На занятие чтением он призывал обратить пристальное внимание, особенно на «выписывание из них замечательных отрывков» на нравственные темы [Мнение Плотникова, 1862, 324].

Более содержательную программу А.В. Плотников предложил по преподаванию русского языка и словесности. Необходимо отметить, что Александр Васильевич, один из немногих преподавателей тобольской гимназии, был не только в курсе новых образовательных тенденций, но и сам занимался активным поиском адекватных методов преподавания своего предмета. Именно в этот период идеи демократизации и укрепления гражданственности российского общества привели к выдвигению на первый план изучение русского языка, истории и словесности. «Именно тогда, - как отмечает исследователь Беньковская, - начинают закладываться основы методики преподавания литературы как науки, начинается

осуществляться связь научной теории со школьной практикой. Уже тогда и начались поиски универсально объективной «методы», на которую можно было опереться в преподавании словесности в школе» [Беньковская, 2005, 267].

А.В. Плотников подверг критике единую министерскую программу преподавания словесности и русского языка в российских гимназиях, ее излишнюю обширность. Он отметил, что по действовавшей программе во 2-м классе учащиеся в основном занимались славянским языком, а по русскому языку практиковали лишь переложение стихов в прозу. С 5 класса начиналась общая теория сочинений (практический класс). В 6 классе проходили теорию поэтических и ученых сочинений с кратким историческим обзорением писателей древних, средних и новых веков. В 7 классе изучалась история русской литературы с повторением всего пройденного за 6 лет. Кроме того, программой предусматривалось много зубрежки, заучивание наизусть больших отрывков текстов из параграфов краткой грамматики (авторы Востоков или Иванов), а на чтение текстов художественных произведений отводилось мало времени» [Мнение Плотникова 1862, 326].

Учитель предложил свою программу преподавания, обратив пристальное внимание на изучение русского языка в низших классах гимназии и уездном училище. Он считал целесообразным добавить в этот курс преподавания русского языка больше практических заданий (грамматические упражнения, диктанты, письменное и устное изложение прочитанного, списывание текстов, переписывание их набело). Преподавание славянского языка, по его мнению, должно идти с 1 класса параллельно русскому, особенное внимание, нужно уделять грамматике и написанию сочинений уже с 4 класса. Преподавание риторики Плотников считал излишним, вместо нее предлагал изучение всеобщей литературы с 5 класса, а с 6 класса начать изучение русской литературы, преимущественно древней, в 7 классе приступить к изучению истории литературы нового времени. В преподавании истории литературы всех периодов основное внимание уделять только ярким личностям, дабы «возбудить в молодом человеке любовь ко всему прекрасному, истинному и доброму, любовь к знанию, к труду, к подражанию высоким образцам. Non multa, sed multum» [Мнение Плотникова 1862, 326].

Педагогический совет поддержал мнение старшего учителя Плотникова по многим аспектам: необходимости полезного чтения для учащихся, увеличения количества письменных работ по словесности и русскому языку, непрерывном преподавании славянского языка параллельно с русским, изменениях в программе преподавания

словесности в старших классах и о необязательности риторики [Копия с журнала 1862, 326]. За отмену риторики и замену ее словесностью ратовали многие российские педагоги, к тому же, в новый учебный план 1832 г., единый для всех гимназий, был включен «Курс российской словесности», тем не менее, как отмечает исследователь Беньковская, - «влияние риторики сохраняется до конца XIX века, о чем свидетельствует «Учебный план русского языка с церковнославянским и словесности», изданный Министерством народного просвещения в 1874 году [Беньковская 2005, 266].

Рассмотрев мнение Петра Карповича Криницына, старшего преподавателя математики, который считал главной причиной неуспеваемости по его предмету невыполнение учащимися домашних заданий, Педагогический совет счел необходимым вменить учителю, что его домашние задания по предмету бывают слишком велики и посоветовал сократить количество и не задавать слишком сложных задач на дом [Копия с журнала 1862, 304].

Для повышения интереса учащихся к изучению законовещения и судопроизводства Педагогический совет удовлетворил просьбу преподавателя этих дисциплин Петра Трифионовича Матросова практически использовать на уроках Свод законов российской империи 1857 г. и приложения к нему, более того, ходатайствовать перед губернским правлением о возможности работы учащихся старших классов с делами местных административных установлений [Копия с журнала 1862, 318].

Илларион Слаута, преподаватель физики и геометрии, в своих «заметках», обратил внимание педагогического руководства не только на нехватку учебных пособий по этим предметам, но и удаленность физического кабинета, где хранятся немногочисленные приборы, от классных комнат (расположен в отдельном здании). С целью формирования у гимназистов четких понятий по геометрии и физике Илларион Михайлович предложил усилить межпредметные связи с преподавателями алгебры и черчения, а на уроках рисования, уже в низшей школе, формировать навыки черчения геометрических и стереометрических фигур [Мнение Слауты 1862, 318–319].

Педагогический совет рассмотрел «записки» И. Слауты и постановил приобрести необходимые учебные пособия или изготовить их с пансионерами самостоятельно из бумаги и картона. Положительно был решен вопрос и о переносе кабинета физики и классов в помещение бывшей больницы, для которой строилось новое помещение [Копия с журнала 1862, 320].

О преподавании Закона Божия свои мысли подробно изложил законоучитель Тобольской гимназии иерей Лев Иваницкий. Он высказался за более строгие требования к знаниям учащихся по своему предмету на приемных экзаменах, и эти требования ежегодно публиковать в ТГВ, а также предложил внести изменения в программу преподавания предмета, добавить лекционных часов. Особое внимание Лев Федорович обратил на выполнение гимназистами своих христианских обязанностей: чтение молитв перед началом и после занятий, обязательное присутствие на богослужениях, вечерних, воскресных и праздничных, помощь священнику в проведении службы и проч.

Законоучитель подробнейшим образом изложил предлагаемые им меры к укреплению дисциплины в учебном заведении, призвал инспектора и классных наставников более бдительно следить за учащимися, упорядочить их передвижение по зданию гимназии, чаще применять внушения и наказания учеников за нарушения дисциплины. «Чтобы быть благотворными детоводителями, и чтобы поднять падающее в мнении народа учебное заведение, надо начальникам и всем пестунам гимназии быть исполненными духа веры и благочестия. А потому нужно на всякое опущение религиозных обязанностей детьми обращать особенное внимание и немедленно останавливать рассеянных или ленивых детей не только словом, но и строгими мерами взыскания» [Мнение Иваницкого 1863, 21].

Педагогический совет положительно отозвался на некоторые замечания и предложения Льва Иваницкого об изменении программы преподавания Закона Божия, но с предложением добавления лекций в 5–6-х классах некоторые преподаватели не согласились. Не было достигнуто полное согласие педагогического совета и по вопросу о наказаниях учащихся [Копия с Журнала 1863, 24–26]. В частности, инспектор гимназии Михаил Иванович Доброхотов, опытный педагог с большим стажем, выслушав и обсудив предложения учителей об ужесточении дисциплинарных взысканий, выразил свое мнение по улучшению нравственности, дисциплины и, соответственно, успехов гимназистов. Его педагогическое правило сводилось к «одному знаменателю: люби детей и сам будь человеком. А потому меры исправления должны быть основаны на уважении в воспитаннике человеческого достоинства. Частая, в особенности, запальчивая брань, роняет нравственный авторитет воспитателя. Если нужно прибегнуть к словесному увещанию, пусть это исполняется с кротостью и достоинством. Нравственное влияние учителя гораздо успешнее подействует на поведение ученика, чем принуждение, которое не всегда

бывает удачно... Но, если проступок сделан с умыслом ... если ученик обнаруживает склонность к противодействию, в таком случае, исполняя желания родителей, можно прибегнуть к розге; но эта мера должна быть употребляема с крайнею осторожностью, чтобы существенную часть наказания составлял стыд, а не телесная боль» [Мнение Доброхотова 1863, 23]. Большинство членов совета при обсуждении вопроса о телесных наказаниях гимназистов, выступили против таковых, мотивируя этот метод воспитания несостоятельным с точки зрения новейшей педагогической теории, и может применяться лишь как крайняя мера [Копия с Журнала 1863, 24–26].

Младший учитель чистописания, черчения и рисования Денис Петрович Шелутков, талантливый художник, выпускник С-Петербургской академии художеств, призвал педагогический совет включить свои предметы в обязательный курс обучения, и к оценкам, получаемым по ним гимназистами, относиться со всей серьезностью, чтобы «возбудить в них должное старание, как и к прочим словесным наукам; и они на эти искусства не будут более смотреть, как на ничего незначащие или маловажные предметы» [Мнение Шелуткова 1862, 343–344]. Педагогический совет поддержал учителя и принял решение, при переводе учащихся из трех низших классов в старшие, учитывать успехи по чистописанию, черчению и рисованию наравне с другими предметами [Копия с журнала педагогического совета 1862, 344].

Приведенные выше предложения учителей Тобольской гимназии и Журналы с заседаний педагогического совета, опубликованные на страницах Тобольских губернских ведомостей, не прошли незамеченными в прессе, и нашли отклик в российской педагогической общественности. Однако «нововведениям Тобольской гимназии» авторитетный российский педагогический журнал для родителей и наставников «Воспитание» дал неоднозначную оценку: «Начинать каждое уже начатое дело сызнова неблагоприятно: новое нужно лишь там, где старое уже совершенно негодно, совершенно износилось». [Нововведения Тобольской гимназии 1863, 41]. И здесь же присутствует другое мнение критика: «До сих пор почти все, происходящее в стенах наших учебных заведений и составляющее признаки проявления их внутренней жизни, хороших и дурных сторон ее, умирало в стенах этих же заведений, не служа ни примером, ни предостережением для других. А нет спора, почти каждый мыслящий наблюдатель может заметить много интересных фактов, которые, освященные для фундаментальной науки – педагогики и психологии, могут послужить камнями для фундамента отечественной, собственной нашей, вынесенной из нашего быта, педагогики. Поэтому повторяем: мы радостно приветствуем

первое «намерение» Тобольской гимназии и желаем ему побольше подражателей» [Нововведения Тобольской гимназии 1863, 42].

Редакция журнала «Воспитание» высказалась однозначно против свободного посещения гимназии и гимназического пансиона представителями городской и губернской общественности и родителями. «С этой точки зрения опыт Тобольской гимназии заслуживает сочувствия: время покажет, какие выгоды он принесет обществу и – что главное – учебным заведениям. Выражая свое сочувствие попытке, которая может повести к благодетельным результатам, мы, однако же, не можем скрыть некоторых опасений, как кажется, заслуживающих внимания. Не будет ли свободный во всякое время доступ каждому нарушать необходимую в учебном заведении тишину и невозмутимость; может ли наше общество, неимеющее педагогической подготовки, быть компетентным судьей во деле внутренней жизни учебных заведений? Хороший отец, мать – не всегда способны правильно судить об общественном воспитании. Жизнь в общественном заведении и в семействе – вещи разные» [Нововведения Тобольской гимназии 1863, 43]. И, наконец, еще одно откровенно негативное мнение о «реформах» Тобольской гимназии: «И тобольские педагоги по всему видно, также легко взглянули на педагогическую науку, они принялись прямо за эксперименты, не ознакомившись достаточно с азбукою педагогики» [Тобольским педагогам 1863, 79].

Ф.В. Рудаков, войдя в полемику с редакцией «Воспитания» (редактор Александр Александрович Чумиков), вступился за свое, как ему казалось, благое начинание – приобщать местное сообщество к внутренней жизни единственной в губернии гимназии. В своей статье «Ответ на замечания журнала «Воспитание» против педагогических статей Тобольской гимназии» он поблагодарил редакцию журнала «за прямой нелестливый голос», но откровенно сознался, что этот ответ ему и педагогическому совету Тобольской гимназии не понравился, а «резкий насмешливый тон статьи» показался «не соответствующим достоинству педагогического журнала» [Рудаков 1863, 141]. В частности, Ф. Рудаков приводит пример, что на откровенное мнение тобольского педагога о том, что учительские оценки успехов одного и того же ученика по разным предметам могут сильно отличаться друг от друга, редактор «Воспитания» заявил: «Как-то больно слышать, что в наше время есть наставники, торгующие совестью, а учебные заведения, в которых педагогическое сословие терпит такую безнравственную игру в щедрость» [Рудаков 1863, 142]. Или другое замечание редактора «Воспитания» на заявление тобольского учителя о частых пропусках занятий учениками старших классов, было выражено

в следующей фразе: «любопытно во многих отношениях знать, не занесено ли в Тобольск яснополянское поветрие? ...еще шаг и – классы тобольского высшего учебного заведения представят уморительную картину телесных упражнений *a La Ясная Поляна*» [Рудаков 1863, 142].

Особенное недоумение у редакции журнала, по словам Ф. Рудакова, вызвала критика сообщения педагогического совета гимназии об участии тобольских гимназистов в любительских спектаклях в пользу женской школы г. Ишима. «...Находившиеся в вакационное время в Ишиме ученики Тобольской гимназии Коротких, Козяшев, Сергеев, Лавровский, Глухарев, В. Гусев и Красин, при помощи гг. учителей Колесникова и Стукальского и некоторых частных лиц, дали в доме тамошнего приходского училища два спектакля в пользу Ишимской женской школы, от которых выручено 30 руб. 24 коп. [Рудаков 1863, 335]. Критик отмечает, что «с строго педагогической точки зрения участие учеников в спектаклях не должно быть терпимо и что если этого нельзя предотвратить, то уж никак не следовало бы начальству хвалить за это, да еще печатно». Далее редакция присовокупляет: «неужели ишимские жители не сделали бы приношения в пользу женского училища, если оно нуждается в средствах к существованию, не дожидаясь ученического спектакля?» [Рудаков 1863, 144].

Редактор журнала «Воспитание» выступил против участия Тобольской публики в танцевальных гимназических вечерах: «Г. Рудаков защищает публичные танцевальные вечера тем обстоятельством, что они бывают и в столичных учебных заведениях, а в Тобольской гимназии случаются нечасто. Как будто яд, которым отравляют другие, и нечасто, теряет от того свою смертоносную силу». [Тобольским педагогам 1863, 80]. А.А. Чумиков высказался против практического использования в учебном процессе по предмету законоведения различного рода узаконений, взятых как примеры из губернской судебной практики и проч. Все эти замечания, по словам Ф. Рудакова, вызвали в читающей публике резонный вопрос: «Принадлежит ли почтенный автор, писавший заметки на наши статьи к числу педагогов-практиков или нет, и как велика его практическая деятельность?».

Как отмечает известный энциклопедический словарь, редактор журнала «Воспитания» А.А. Чумиков – «педагог, писатель. Окончил курс в С-Петербургском университете на восточном отделении философского факультета. Преподавал в Николаевском сиротском институте русский и немецкий языки, историю, а в классе надзирательниц для малолетних детей – «педагогические наставления», впервые применив звуковой метод и наглядное обучение». А.А.

Чумиков – автор многочисленных педагогических работ [Брокгауз 1903, 53]. Говоря другими словами, опыт практической деятельности редактор журнала имел, но вот педагогические взгляды А.А. Чумикова, по всей вероятности, отличались от взглядов Ф.В. Рудакова, глубоким консерватизмом.

В отличие от столичных критиков, в октябре 1862 г. Главный инспектор училищ Западной Сибири одобрил действие Рудакова и рекомендовал продолжать преобразования: «Искренне благодарю Вас за благоразумные Ваши распоряжения по управлению вверенными Вам учебными заведениями. Меня вполне радуют все меры, которые Вы принимаете к улучшению учебной и воспитательной части гимназии. Прекрасно Вы делаете, что все свои предначинания предварительно подвергаете обсуждению педагогического совета, этим путем Вы лучше всего достигнете желаемых результатов, т.е. выясните самое дело и ближе ознакомитесь со своими сослуживцами. Действуйте так и впредь; автономия Ваша от этого нисколько не пострадает, напротив, более получит значения. Сотрудники Ваши всегда будут видеть в Вас своего руководителя и справедливого оценщика их действий... Преданный Вам Попов» [Гашинский 1890, 20].

Ф.В. Рудаков продолжал свою активную деятельность в 1863 г., составив подробнейшую инструкцию из 40 пунктов для инспектора классов гимназии, тем самым наделив его всецело правами регулирования учебным процессом. При этом включил такой пункт: «Инспектор не есть начальник преподавателей: он есть между ними только старший товарищ» [Замахаяев 1889, 305].

В 1864 г. в российских гимназиях начались преобразования по новому Уставу, которые затронули и Тобольскую гимназию. В отчете о работе учебного заведения за 1864/65 учебный год Ф.В. Рудаков предпринял еще одно новшество – предложил осуществить так называемое повышение квалификации преподавательского состава гимназии путем поездок на специальные курсы или посещение образовательных учреждений (гимназий и университетов) в столичных городах с целью общего знакомства с делом преподавания в них [Замахаяев 1889, 293].

Апогеем реформаторской деятельности в образовании губернии явился Педагогический съезд педагогов и смотрителей учебных заведений г. Тобольска и Тобольской губ., прошедший в августе 1865 г. в губернском городе. Это было новое явление в образовании. В дирекцию народных училищ, которую возглавлял Ф.В. Рудаков помимо его директорства в Тобольской гимназии входило еще 9 уездных училищ и все приходские училища, включая Петропавловск и Омск, 2/3

территории Западной Сибири [Гашинский 1890, 20]. В течение нескольких дней на съезде заслуживались отчеты о деятельности различных учебных заведений, состоялось их обсуждение и плодотворный обмен мнениями между педагогами и руководством дирекции учебных заведений Тобольской губернии [Несколько слов 1865, 205].

Таким образом, можно отметить, что педагогический коллектив Тобольской гимназии во главе с ее руководителем и вдохновителем Ф.В. Рудаковым не остались в стороне от общероссийских тенденций реформирования образования. Предпринятые ими меры по улучшению учебно-воспитательного процесса в гимназии и отражение этих изменений на страницах губернской периодической печати, а также открытость учебного заведения для местной публики, несмотря на негативную оценку некоторых российских педагогических кругов, дали положительный импульс развитию учебного заведения: оживили его внутреннюю атмосферу, сплотили педагогический коллектив, привлекли внимание общественности к нуждам гимназии и повысили ее престиж среди сибирских учебных заведений.

Литература

Беньковская Т.Е. «Классическое» и «реальное» направления в методике преподавания литературы XVIII–XIX веков (историко-библиографический аспект // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2005. С. 262–274.

Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. СПб., 1903. Т. XXXIX.

Гашинский С.И. Филолог Васильевич Рудаков, педагог – деятель Восточной и Западной Сибири. Тобольск, 1890. 178 с.

Журнал педагогического совета Тобольской гимназии // Тобольские губернские ведомости (далее ТГВ). 1862. № 46. С. 304–306.

Замахаяев С.Н., Цветаев Г.А. Тобольская губернская гимназия за 100 лет существования. Тобольск, 1889. 21 с.

Копия с журнала педагогического совета // ТГВ. 1862. № 48. С. 326–329.

Копия с журнала педагогического совета // ТГВ. 1862. № 50. С. 344.

Копия с журнала педагогического совета // ТГВ. 1863. № 4. С. 24–26.

Копия с журнала педагогического совета Тобольской гимназии // ТГВ. 1862. № 46. С. 318, 320.

Копия с мнения младшего учителя географии Кузьмина // ТГВ. 1862. № 50. С. 341–342.

Копия с мнения младшего учителя Д. Шелуткова // ТГВ. 1862. № 50. С. 343–344.

Копия с мнения старшего учителя Иллариона Слауты // ТГВ. 1862. № 46. С. 318–319.

Копия с мнения старшего учителя Плотникова // ТГВ. 1862. № 48. С. 323–326.

Мнение законоучителя Тобольской гимназии Льва Иваницкого // ТГВ. 1863. № 4. С. 18–22.

Мнение инспектора Доброхотова // ТГВ. 1863. № 4. С. 23.

Мнение старшего преподавателя математики Криницына // 1862. № 45. С. 304.

Несколько слов о педагогическом Съезде в Тобольске // ТГВ. 1865. № 33.

Нововведения Тобольской гимназии // Воспитание. 1863. Т. XIII. С. 41–43.

Ответ на замечания журнала «Воспитание» // ТГВ. 1863. № 18. С. 140–146.

Рудаков В. От Тобольской гимназии // ТГВ. 1862. № 45. С. 289–292.

Рудаков Ф. Сочувствие общества к учебным заведениям // ТГВ. 1862. № 49. С. 335–338.

Тобольским педагогам // Воспитание. 1863. № 10. С. 79–83.

G.K. Skachkova

*Tobolsk Pedagogical Institute named D. I. Mendeleev
(branch), Tyumen State University*

**Reformist Ideas of Teachers of the Tobolsk Classical Gymnasium
on the Pages of the Provincial Press and the Reaction of the
Russian Pedagogical Community (1862–1865)**

***Abstract.** The article provides information about the democratization of the educational process in the Tobolsk gymnasium (1862–1865), undertaken by the teaching staff headed by its head and the reflection of these processes on the pages of the newspaper "Tobolsk Provincial Vedomosti". Of interest is the ambiguous assessment of the reform initiatives of Tobolsk teachers in the Russian pedagogical press.*

***Keywords:** gymnasium, teacher, education, democratic reforms, provincial press, pedagogical community.*

Сулимов В.А.

*Тобольский педагогический институт им Д.И. Менделеева
(филиал), Тюменский государственный университет (г. Тобольск)*

Гончаров Ю.М.

*Алтайский государственный университет,
Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ, Алтайский филиал (г. Барнаул)*

Обучение польских беженцев в Западной Сибири во время Первой мировой войны

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ
в рамках научного проекта № 20-59-00010 «Этнические меньшинства
в Беларуси и России в условиях общественных трансформаций
XIX–XX вв.»*

Аннотация. *Статья посвящена проблемам образования польских беженцев в Западной Сибири во время Первой мировой войны. В статье рассматривается численность обучающихся поляков в учебных заведениях, размер оплаты за обучение, благотворительная деятельность, связанная с образованием беженцев. Государство поддерживало инициативу на местах по открытию частных школ и курсов грамотности для поляков-беженцев. В этом направлении осуществлялось взаимодействие министерств и ведомств, попечителей Варшавского и Западно-Сибирского учебных округов, благотворительных обществ.*

Ключевые слова: *Сибирь, поляки, беженцы, образование, Первая мировая война*

В годы Первой мировой войны в Западную Сибирь было перемещено значительное количество беженцев из Польши (Привислинский край – 10 губерний бывшего Царства Польского, входивших в состав Российской империи до 1917 г.), некоторая часть из которых стремилась получить образование, несмотря на тяготы военного времени.

Проблема обучения беженцев и репатриантов весьма актуальна в наше время. Изучение исторического опыта начала XX в. позволит учитывать сложности адаптации мигрантов в наши дни.

Ранее вопросы, связанные с обучением поляков, рассматривались в ряде публикаций [Островский 2012; Сулимов 2012; Сулимов 2014 и др.].

Возникавшие проблемы обучения поляков-беженцев в регионе решалась распределением учащихся по учебным заведениям Министерства народного просвещения всех типов (далее МНП). Например, в средних учебных заведениях Томска в 1915/1916 учебном году наблюдалась следующая картина. В губернской гимназии обучалось 9 беженцев, во второй мужской гимназии один поляк. Во 2-е реальное училище было принято два поляка. В Томской Мариинской женской гимназии занимались 11 беженок [ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2947. Л. 191, 196, 230, 237].

В Барнауле в мужской гимназии обучался один поляк, в женской гимназии, учрежденной М.Ф. Будкевич, 6 девочек. В женскую прогимназию поступили две сестры, освобожденные от платы за учение [ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д.2947. Л. 221, 277, 235–235об.]. В Ново-Николаевске в женской гимназии появились 4 полячки, в женской прогимназии – одна. В Каинской мужской гимназии обучались два беженца. В Мариинской женской гимназии – одна полька [ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2947.Л. 212об., 248, 271, 272].

В Омске в мужскую гимназию было принято 6 поляков. В первой женской гимназии учились 4 беженки, во второй женской гимназии – 6. В Омском низшем механико-техническом училище бесплатно обучался один беженец. В Омском 1-ом высшем начальном училище (далее ВНУ) учились 2 поляка. При этом книги и учебные пособия закупались для учеников из сумм, собранных от процентных ежемесячных отчислений с преподавателей. В Атамановском ВНУ обучалось 5 католиков [ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2947. Л. 193, 203, 233, 241, 286–286об., 289].

В городские начальные приходские училища Омска в 1915/1916 учебном году было принято 30 мальчиков и 27 девочек, из них 48 поляков. Учащимся выдавались книги, учебные принадлежности, одежда и обувь от Комитета беженцев и Римско-католического общества. Отдельная школа для беженцев открылась при Омском средне-хозяйственном училище и в помещении убежища для беженцев. Православные составляли половину учащихся [ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2947. Л. 280].

В Тобольской мужской гимназии обучался один беженец. В Тобольском мужском ВНУ – 2. В Тюменской женской гимназии учились 3 польки. В Тюменском 1-ом мужском ВНУ обучалось 3 поляка, во 2-м ВНУ – один [ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2947. Л. 223, 226, 256, 257, 264].

В Ялуторовской женской прогимназии одну полячку приняли во 2 класс. Плату за обучение в размере 14 руб. внесли ее родители. В материальной помощи ученица не нуждалась. Обучалась совместно с другими девушками. В приходском училище Ялуторовска и сельских училищах уезда находилось 4 поляка [ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2947. Л. 199, 265об.].

В Курганскую мужскую гимназию поступил поляк, имеющий состоятельных родителей. Потому никакими пособиями и освобождением от платы за учение не пользовался. В Курганскую женскую гимназию приняли 4 польки [ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2947. Л. 210, 215].

При необходимости благотворительными обществами вносилась плата за обучение беженцев. Оказывалась помощь книгами, одеждой. Государство не препятствовало деятельности обществ в данном направлении [ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2947.Л. 197].

В городах ощущался недостаток школ для получения детьми поляков беженцев начального образования. Активную роль в организации школ для беженцев играл попечитель Варшавского учебного округа (далее ВУО), находившийся в Москве. В марте 1916 г. он уведомил попечителя Западно-Сибирского учебного округа (далее ЗСУО), что вследствие ходатайства Совета съездов польских организаций помощи жертвам войны, им было дано разрешение на временное открытие и содержание Курганским отделением Общества вспомоществования бедным семействам поляков, участвующих в войне, и бедствующему польскому населению, пострадавшему от военных действий в г. Кургане, на основании правил 1 июля 1914 г. частного одноклассного начального училища для детей обоего пола поляков-беженцев [ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2947.Л. 170–170об.].

Затем Совет съездов польских организаций помощи жертвам войны ходатайствовал перед попечителем ВУО о разрешении Центральному бытательскому комитету по оказанию помощи пострадавшему населению Царства Польского (далее – ЦОК) открыть и содержать временно в г. Тюмени частное одноклассное начальное училище для обоего пола детей беженцев-поляков, с преподаванием на польском языке. Со стороны попечителя ЗСУО Тихомирова не встречалось препятствий к открытию в Тюмени школы для детей беженцев. 5 декабря 1916 г. попечитель ВУО разрешил ЦОК открыть и содержать в Тюмени данное училище. Было разрешено также открыть одноклассное училище для поляков беженцев в Томске [ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2947.Л. 177, 326, 341, 342].

Управление ВУО 21 сентября 1916 г. в соответствии с указаниями МНП дало разрешение польским организациям по оказанию помощи жертвам войны, а также некоторым лицам содержать в ЗСУО временно частные начальные училища для детей беженцев Привислинского края и низшие курсы для взрослых беженцев-поляков [ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2947. Л. 308].

Министерства империи длительное время согласовывали нормативную базу для открытия школ. Так, 10 ноября 1916 г. МНП уведомило попечителя ЗСУО о том, что в связи с ходатайством Совета съездов польских организаций по соглашению с МВД, министерство признало возможным временно разрешить лицам домашнего образования обучать детей начальной грамоте на польском языке в приютах для детей беженцев-поляков не старше 12 лет, открываемых польскими организациями. При этом дети старше 9 лет должны были обучаться и грамоте на русском языке. Кроме общего порядка открытия частных начальных школ для детей беженцев поляков, право разрешения на открытие этих школ предоставлялось попечителю ВУО, в случае непосредственного обращения к нему подобных ходатайств. Так же при открытии начальных школ для детей беженцев поляков, как относительно самого права на открытие таких школ, так и относительно благонадежности учредителей последних следовало основываться на удостоверениях, выдаваемых ЦОК, с тем, чтобы к обучению в школах допускались лишь исключительно дети беженцев поляков Привислинского края. К тому же допуск лиц домашнего образования без соответственного образовательного ценза разрешался лишь в отдельных случаях. ЦОК следовало о каждом случае выдачи удостоверения о благонадежности учредителя начальной польской школы для детей беженцев незамедлительно доводить до сведения местного гражданского начальства. Данное начальство, собрав сведения о благонадежности учредителя, могло решать вопрос о дальнейшем оставлении его в школе [ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2947. Л. 327–328].

Необходимо было решать проблему образования взрослых беженцев. 8 мая 1916 г. попечитель ВУО сообщил Томск об очередной инициативе ЦОК временно открыть в Тюмени частные низшие курсы грамоты для взрослых беженцев поляков, с преподаванием на польском языке. В 1916 г. курсы в Тюмени находились в стадии организации, занятия не начинались. Цель курсов состояла в занятии с пользой свободного времени беженцев – «слабосильных и престарелых», неспособных выносить тяжелый физический труд. На курсы записались

даже 70-летние женщины. Учителей еще не подобрали [ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2947. Л. 182, 184].

В станице Атамановской Акмолинской области также планировалось открыть низшие курсы для взрослых беженцев поляков. Однако не имелось пригодных помещений для их устройства. К тому же в Омске находилась римско-католическая школа. В результате войсковой наказной атаман Сибирского казачьего войска высказал пожелание об организации школы для беженцев в Омске [ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2947. Л. 352].

Решался вопрос с педагогическим персоналом для польских школ. 25 августа 1916 г. к попечителю ЗСУО обратилась с прошением Янина Прухницкая, дочь ревизора службы тяги Томской железной дороги. Закончив гимназию в Тарновском монастыре, в Галиции, девушка просила разрешить преподавать в частной польской школе для беженцев и держать экзамен на звание домашней учительницы [ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2947. Л. 334]. Попечитель Тихомиров отправил данное прошение на заключение директору народных училищ Томской губернии.

ЦОК ставил перед попечителем ЗСУО вопрос о допуске к преподаванию на низших курсах грамоты на хуторе Атаманском Акмолинской области Стефании Ленк, состоявшей учительницей Омского реального училища. В дальнейшем выяснилось, что Ленк отказалась от преподавания на курсах, так как они устраивались не вечером, как предполагалось ранее, а утром, когда она была занята в реальном училище [ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2947. Л. 314, 316].

Таким образом, можно сделать вывод, что Российское государство поддерживало инициативу на местах по открытию частных школ и курсов грамотности для поляков-беженцев. В этом направлении осуществлялось взаимодействие министерств и ведомств, попечителей Варшавского и Западно-Сибирского учебных округов, благотворительных обществ. Планировалось открыть частные школы для детей поляков беженцев в Тюмени, Кургане и Томске, низшие курсы для взрослых беженцев в Тюмени и станице Атамановской Акмолинской области. Переписка об организации школ и курсов затянулась. Польские школы были открыты в Барнауле, Каинске, Ново-Николаевске.

Литература

Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 126. Оп. 2. Д.2947.

Островский Л.К. Польская школа в Западной Сибири (1890-1920 гг.)// Вестник Томского государственного университета. Томск, 2012. История № 3 (19). С. 23–29.

Сулимов В.С. Гимназии Ишима во второй половине XIX – начале XX веков. Тюмень: ТОГИРРО, 2012. 208 с.

Сулимов В.С. Контроль государства за преподаванием Закона Божия учащимся инославных вероисповеданий в школах Западно-Сибирского учебного округа начала XX века // Политика, государство и право. Июнь 2014. № 6, 7 [Электронный ресурс]. URL: <http://politika.snauka.ru/2014/07/1777> (дата обращения: 15.07.2021).

V.S. Sulimov

*Tobolsk Pedagogical Institute named D. I. Mendeleev
(branch), Tyumen State University*

Yu. M. Goncharov

*Altay State University,
Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Altay Branch*

Education of Polish Refugees in Western Siberia During the First World War

The reported study was funded by RFBR and BRFFBR, project number 20-59-00010 «Ethnic minorities in Belarus and Russia in the conditions of social transformations of the 19–20 centuries»

Abstract. *The article is devoted to the problems of education of Polish refugees in Western Siberia during the First World War. The article considers the number of Polish students in educational institutions, the amount of tuition fees, charitable activities related to the education of refugees. The State supported the local initiative to open private schools and literacy courses for Polish refugees. In this direction, cooperation was carried out between ministries and departments, trustees of the Warsaw and West Siberian educational districts, charitable societies.*

Keywords: *Siberia, Poles, refugees, education, the First World War*

РЕЦЕНЗИИ

Кац Н.Г., Сторэлла К.Д.

Карнеги-Меллон университет (г. Питтсбург, США)

**Новое в изучении народонаселения Сибири:
К публикации монографии В.Н. Шайдурова
«Евреи, Немцы, Поляки в Западной Сибири XIX –начала XX в.»**

Монография Владимира Шайдурова является первым обобщающим историческим исследованием о представителях трех национальных групп населения Российской империи, внесших значительный вклад в дело освоения Сибири в XIX и в начале XX вв. [Шайдуров 2013]. Как хорошо известно, в силу особых исторических обстоятельств Россия оказалась многонациональным государством, в котором национальные связи развивались по двум направлениям: по вертикальному, за счет включения многочисленных народов и народностей, и по горизонтальному, определявшему характер отношений между этими людьми. Однако господствовавшая в советской историографии идея о том, что имперская Россия была тюрьмой народов, как и официальная установка на освещение исторического развития «титულных» народов и народностей, не давали исследователям возможностей изучать процессы развития других, меньших национальных групп населения. После распада СССР, в новых исторических условиях появилась возможность как в центре, так и на местах, начать эту работу, используя ранее недоступные архивные материалы и вновь опубликованные коллекции документов.

Новым в освещении истории народов России стал сравнительно-исторический подход к анализу их динамики и развития. Исследователи сегодня, включая и автора рецензируемой публикации, в рамках одной работы пытаются найти общие и отличительные моменты в развитии народов, проживавших на конкретной территории, в данном случае, в Сибири, в конкретно-исторический период. Были ли какие-либо общие закономерности в историческом развитии, в данном конкретном случае, евреев, немцев и поляков в Сибири? Как они появились в Сибири, что гнало их в этот отдаленный от центральной России регион с зачастую очень тяжелым климатом? Какие ниши в экономике Сибири могли

найти там для себя эти переселенцы? И, наконец, какую роль сыграли представители этих вновь сформированных общин в хозяйственно экономическом освоении Сибири? На эти, как и на многие другие важные вопросы и пытается ответить автор.

Первое, что приятно поражает читателя монографии, это ее богатая источниковедческая база, включающая материалы из центральных и Сибирских архивов, как и архива Истории Еврейского Народа (Иерусалим, Израиль). Эти впервые введенные в научный оборот документы, в купе с дореволюционными и недавно опубликованными сборниками документов и законов, статистическими источниками и делопроизводственными бумагами, письмами ссыльных и дореволюционной периодической печатью, позволили В. Шайдурову проследить национальную политику имперской власти в Сибири и показать, как, зачастую вопреки официальным установкам и контролю из Петербурга, местные власти в Сибири помогли представителям национальных общин включиться в жизнь региона. Интерес представляют также включенные в монографию обзоры сибирских губерний, ранее малоизвестные или закрытые для исследователей воспоминания участников событий и опубликованные исторические исследования на русском, немецком и польском языках. Вместе взятые источники дали возможность в динамике представить историю польской, еврейской и немецкой общин в Западной Сибири на основе сравнительного правового и демографического анализов, которые позволили автору изучить законодательную базу переселенческой политики и основные миграционные потоки, приведшие к формированию там национальных общин, осветить роль вертикальных и горизонтальных связей в их развитии, показать эволюцию гражданско-правового статуса членов общин и, наконец, рассказать об эволюции их хозяйственной жизни.

Вся первая глава монографии посвящена истории изучения и источникам, рассказывающим о жизни этих трех национальных общин в Западной Сибири. Глава является, практически, первым в российской историографии обзором источников и литературы по теме. Интересными представляются рассуждения автора об общих проблемах и некоторых особенностях в истории изучения еврейской, польской и немецкой общин в Сибири. Он пишет, например, о том, что в развитии историографии каждой из общин четко выделяются одни и те же периоды. Так, в первый период, начавшийся во второй половине XIX в. и продолжавшийся до 1917 г., доминировали работы, написанные как консервативными, так и либеральными представителями государственной школы.

Второй период (1920-е – 1960-е гг.) знаменовался запретом на изучение национальных групп, за исключением титульных. Исследователям позволялось включать материал с национальной окраской лишь в общий контекст повествования.

Третий период (1970-е – 1980-е гг.) характеризовался определением главных направлений в изучении этих общин в Сибири.

Наконец, в четвертый, в постсоветский период, в условиях методологического плюрализма и доступности архивных материалов, появилась возможность взглянуть на многие события по-новому, что, в свою очередь, активизировало исследователей в изучении национальной истории [Шайдуров 2013, 63].

История народов Сибири привлекала и продолжает привлекать историков США. Следует отметить, что в американской историографии также имеется ряд интересных исследований, которые носят обобщающий характер и освещают, главным образом, жизнь коренного населения Сибири, испытывавшего в полном объеме колонизаторскую политику царизма [Janet M. Hartley 2014; James Forsyth 1994; Alan Wood 1990]; Philip Desind 1991; Hattie Plum Williams 1975; William Bosch 2014 и др.]. Более разработанными представляются темы, относящиеся к истории российских евреев и немцев в Сибири, в то время как история колонии в этом регионе еще недостаточно изучена.

Представляет интерес содержащийся в первой главе монографии Шайдурова обширный историографический обзор источников и литературы, как дореволюционных, так и советских, и постсоветских, особенно трудов Сибирских историков и публикаций европейских и израильских исследователей. Касательно еврейской общины, В. Шайдуров, в частности, пишет о том, что в конце XIX – начале XX в. в отечественной иудаике сложились «внешний» и «внутренний» подходы в ее изучении. Если первый был основан на изучении еврейской истории с привлечением как еврейских, так и нееврейских источников, то второй анализировал, главным образом, внутриобщинные документы.

Автор правильно указывает, что в начале XX в. интерес к истории еврейского народа приобретает новую остроту в связи с участвовавшими погромами, обсуждением в обществе «дела Бейлиса» и «дела Дрейфуса» [Шайдуров 2013, 39]. Добавим, что другой, немаловажной причиной, стимулировавшей этот интерес, стал и подъем еврейской эмиграции из России в США.

Анализируя исследования предшественников и, в частности, публикацию Ю. Островского «Сибирские евреи» (СПб, 1911), основанную на статистике 1897 г., В. Шайдуров, указывает на

малочисленность еврейского населения в регионе (30500 чел.) и на то, что они были разбросаны на огромной территории Сибири. Следуя Ю. Островскому, автор подчеркивает, что так называемый «еврейский вопрос» в Сибири был порождением местных властей в корыстных целях [Шайдунов 2013, 40–41].

В недавних исследованиях российских историков, особенно представителей Сибирской школы иудаики, была заложена традиция рассмотрения истории еврейских общин Сибири в границах конкретных губерний. Результатом такого подхода стали публикации, освещающие правовое положение и хозяйственную деятельность еврейского населения Сибири в пореформенное время. Так, Л. Кальмина на примере Восточной Сибири успешно доказала, что этническая политика царизма к несибирским народам носила более либеральный характер, чем в Европейской России. Она также сделала вывод о том, что, как и в других регионах страны, представители еврейской общины Сибири пытались найти свою, а именно экономическую нишу, деятельность, не противоречившую действующему законодательству. Среди форм еврейского предпринимательства, согласно Л. Кальминой, долгое время преобладали такие, как извоз, производство масла, а в торговле и в промышленности они часто осваивали сферы, не дававшие сверхприбыль, как например фотография [Шайдунов 2013, 50–51].

К началу XX в. можно проследить ужесточение политики правительства в отношении этого меньшинства, связанное с ростом экономического влияния евреев, которое заставило власти принять меры, сдерживавшие их экономическую активность. К этому времени отмечается крупная концентрация евреев в городах Сибири. Пытаясь контролировать их профессиональную занятость, правительство ввело так называемый запрет на профессии, ограничив источники существования евреев в регионе главным образом, ремеслами [Шайдунов 2013, 48].

Наряду с территориально-хронологическим подходом, исследователи сегодня используют и проблемно-хронологический подход. Именно с этих позиций многие авторы анализируют проблемы внутриобщинной еврейской жизни, как и место евреев в пенитенциарной системе империи [Шайдунов 2013, 50].

Подводя итоги главы, В. Шайдунов отмечает начало качественно нового периода в развитии сибирской иудаики сегодня, связанного с формированием научных центров в Иркутске и Улан-Удэ. Отмечаются также и некоторые общие недостатки недавних публикаций, такие, как, например, оторванность реконструкций от макрорегионального

контекста, ограничение исследований рамками одной губернии и отсутствие сравнительного анализа правового, экономического и религиозного положения еврейского населения Сибири в разных ее регионах [Шайдунов 2013, 53].

Интересным представляется и анализ историографии о сибирской колонии, т.е. польской диаспоры в Сибири. История польской общины в Сибири до сих пор недостаточно изучена и одной из причин тому, как указывает автор, была недоступность архивных материалов. Аргументом В. Шайдунова является заявление о том, что «России так и не удалось превратить польские земли и население в неотъемлемую часть собственного организма» [Шайдунов 2013, 54]. В качестве доказательства правоты этого аргумента в главе рассказывается о русско-польском антагонизме, выразившемся в многочисленных восстаниях и, как следствие, в размещении поляков на территории империи, включая и Сибирь.

В советской историографии 1920–1960-х гг. главным направлением в разработке истории этой общины, которое продолжает вызывать интерес среди исследователей и сегодня, было изучение истории сибирской ссылки. Исследователям этого периода удалось привлечь архивные статистические сведения о ссыльных, их социальном составе и размещении по сибирским губерниям и областям. Было выяснено, что большинство из ссыльных поляков были выходцами из дворян, а их положение в ссылке зависело, в первую очередь, от отношения к ним местной администрации. В то же время ссыльные участники национально-освободительного движения встречали сочувствие со стороны широких слоев русского общества [Шайдунов 2013, 57].

С конца 1960-х гг. в Иркутске складывается центр изучения сибирской колонии, сделавший к концу XX в. Иркутский университет одним из ведущих центров российско-польских научных связей. Сегодня можно даже говорить о том, что региональной историографической особенностью стал преобладающий интерес к истории польской ссылки, религиозной жизни общины и общественно-политической жизни ее населения [Шайдунов 2013, 58]. Подавляющая масса публикаций рассказывает о жизни поляков в Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Среди всё еще неразработанных проблем по истории колонии в Сибири остаются такие, как ее социально-демографический анализ и вопросы экономической жизни. Отмечается и отсутствие серьезных историографических и обобщающих работ [Шайдунов 2013, 62].

Таким образом, на фоне значительных достижений в сибирской нудайке, изучение сибирской колонии продолжает быть весьма

блеклым, с доминирующим рассмотрением истории этой общины главным образом через призму политической ссылки конца XIX – начала XX в. [Шайдуров 2013, 64].

Вторая глава, «Еврейская Община в Западной Сибири в XIX – начале XX в.» повествует об особенностях формирования и развития этой общины. Автор указывает, что в течение долгого времени «еврейский вопрос» в Российском государстве носил латентный характер. И только со второй половины XIX в. он становится одним из центральных в национальной политике царизма. Интересным представляется анализ источников формирования общины в дореформенный период. Ссылаясь на документы в фондах Российского Государственного Архива древних актов и дореволюционные публикации Ю.И. Гессена, автор монографии пишет о роли каторги и ссылки в начальный этап формирования общины [Шайдуров 2013, 73–74].

Однако, уже в начале XIX в. делается попытка превратить евреев в земледельческое население России и поселить их в сельскохозяйственных колониях вне мест традиционного проживания. Разрабатывались различные проекты переселения евреев в Новороссию и даже в Тобольскую губернию, также предлагалось растворение еврейского населения в общероссийском организме, как путем его христианизации, так и через мероприятия аккультурационного характера [Шайдуров 2013, 75–76]. В 1827 г. на евреев распространилась и рекрутская повинность.

Нищета, царившая среди еврейского населения черты оседлости и попытки евреев улучшить свое экономическое положение, создали к началу 1830-х гг. внутренние предпосылки к включению их в переселенческий процесс. В то же время, отсутствие достаточного финансирования на местах, в губерниях, привело к приостановке этого процесса в 1837 г., а вскоре последовало и распоряжение о возвращении всех переселенческих партий на прежнее место жительства или направлении их в Херсонскую губернию. К концу 1830-х гг. царизму удалось решить задачу искоренения евреев из Сибири. Содержащиеся в главе материалы ставят под сомнение результаты сложившегося в литературе стереотипа о том, что более 1000 евреев успели переселиться в Сибирь до 1836 г. На самом же деле их число было значительно меньшим.

Ссылка и поселение евреев в Сибири ставили вопрос и о включении их в хозяйственную жизнь региона. Ссылных обычно направляли на работы в горные заводы. Немногим удавалось занять свое место в торговой «нише». В то время, как в петербургских кругах евреи рассматривались только как «вредная» группа населения, сибирская

администрация сделала для них послабления, которые привели к включению их в местную торговлю и винокурение [Шайдунов 2013, 83]. Специальные секретные предписания времени Николая I не позволяли евреям селиться в уральских казенных и частных заводах и в Алтайском горном округе с целью предотвращения хищения ими драгоценных металлов и «растления местного населения» [Шайдунов 2013, 85]. В целом, как подчеркивается в главе, законодательные акты этого периода по отношению к евреям носили запретительный характер. Так, установленные нормы ограничивали рост еврейской торговли, а решение о причислении евреев в купеческие гильдии Сибири оставалось за Министерством финансов. Для их подавляющей части был открыт только доступ в разряд государственных крестьян [Шайдунов 2013, 87–89].

Оказавшись в Сибири, евреи были выброшены за рамки черты оседлости, однако на них распространялись правовые нормы черты оседлости, хотя они и попадали под юрисдикцию Устава о ссыльных. Как результат, евреи оказывались в наиболее бесправном положении по сравнению с многими другими группами населения Сибири [Шайдунов 2013, 90].

Реформы 1860-х – 1870-х гг. дали евреям легальные основания для переселения в Сибирь. В первую очередь туда переселялись лица с высшим образованием, такие как врачи и педагоги. Другую группу составили кантонисты и их дети, а также ремесленники, получившие право повсеместного проживания. Тем не менее, уже в 1890-х гг. власти вновь возвратились к идее выселения евреев из Сибири. Были начаты многочисленные кампании по выявлению лиц без права на местожительства в регионе. Широко обсуждается и вопрос о черте оседлости для евреев в Сибири. Однако, поскольку евреи тяготели не к месту приписки, а к экономическим центрам, где они могли получать доход, часто местные власти сообщали в губернское полицейское управление о том, что на подконтрольной им территории евреи не проживали [Шайдунов 2013, 95].

В 1901–1902 гг. Сенат дал разъяснения о применении понятия «черты оседлости» к Сибири, где указывалось, что в этом регионе чертой оседлости для каждого еврея является тот округ или уезд, в котором он прописан [Шайдунов 2013, 96]. Монография рассказывает о дискриминационной политике Александра III и Николая II по отношению к этой группе населения. Столыпин сделал попытку провести свою, «еврейскую политику», которая, однако, не принесла никакого улучшения, а в ряде случаев, даже ужесточила антиеврейские законы, сохранив дискриминацию на законодательном уровне

[Шайдуrow 2013, 97]. И только Временное правительство смогло 20 марта 1917 г. принять подготовленное министром юстиции А. Керенским постановление, которое законодательным актом отменяло все ограничения в гражданских правах основанные на вероисповедании, вероучении или национальности [Шайдуrow 2013, 98].

Монография повествует и о процессе урбанизации еврейского населения Западной Сибири, его стремлении к компактности в расселении, высоком уровне нищенства, порой даже заменявшего для многих профессию. Местные материалы, особенно г. Тобольска, позволяют говорить об основных «экономических нишах», в которых существовали евреи. Это, в первую очередь, были торговля и транспорт, главным образом извозной промысел [Шайдуrow 2013, 103]. В пореформенное время наблюдалась и активизация частного еврейского капитала в золотодобыче. Источниками первоначального накопления капитала, особенно купеческого, были ростовничество, торговля, строительные подряды винооторговля и золотодобыча [Шайдуrow 2013, 104].

К началу XX в. наблюдаются и новые «ниши» еврейской активности в Западной Сибири, такие как, например, обработка и переработка сельскохозяйственной продукции, ювелирное ремесло и изготовление предметов искусства и роскоши. Автор делает вывод, что закрепление сибирского еврейства в «экономических нишах» создавало благоприятные условия для функционирования различных социальных институтов, связанных с религией, образованием, благотворительностью и т.д. [Шайдуrow 2013, 105–108].

Третья глава монографии повествует о жизни немцев Западной Сибири со второй половины XVIII до начала XX в. Рассказывается о периодах в досоветской истории этой общины. Первый, с XVIII в. до 1880-х гг., когда немецкое население было представлено военными, чиновниками и горными специалистами, оказавшимися по разным причинам в Сибири. Количество ссыльных немцев было незначительным. Местами их проживания были города и административно-хозяйственные центры. Представители немецкой общины в Западной Сибири, как и евреи, нашли свои «ниши» в ее экономике. Именно немецким специалистам принадлежит особая заслуга в развитии горно-металлургической промышленности на Алтае и в Забайкалье. В течении XIX в. должность западно-сибирского генерал-губернатора занимали четыре прусских и остзейских немца. А на Алтае даже сложились целые производственные немецкие династии. Велика была и роль членов немецкой общины и в средне

профессиональном образовании. Немало было немцев и среди врачей края [Шайдуров 2013, 110–111]. Однако, как указывает автор, передавая свои знания и опыт населению России, немцы разрушали уникальность своего положения в Западной Сибири, позволяя новым, русским специалистам выталкивать их из этих «ниш» [Шайдуров 2013, 113].

В этот первый период истории немецкой общины происходила ее быстрая ассимиляция русским населением. В дополнении к значительному числу браков с русскими женщинами, немаловажную роль в ускорении ассимиляционных процессов сыграло и отсутствие церковной организации, особенно в XVIII в. В результате ассимиляции, к началу пореформенного процесса численность немецкой общины в регионе была минимальной. Так, самая большая, Омская община, насчитывала только 251 чел. [Шайдуров 2013, 113].

Уже в последней четверти XIX в., в связи с обострением земельного вопроса в Европейской России, Сибирь начинает привлекать немецких поселян-собственников. Автор полагает, что немецкие переселенцы оказались в первой половине 1880-х гг. сначала на территории Тобольской губернии и на Алтае [Шайдуров 2013, 115]. При этом крестьяне-лютеране, переселявшиеся из внутренних губерний России, категорически отказывались селиться рядом русскими крестьянами, критиковавшими их религию.

В 1890-е гг. и в начале XX в. переселение начинает набирать обороты. Первыми, кто активно в него включились и доминировали до 1907–1908 гг., были поволжские немцы, а позже стали переселяться и немцы-колонисты из Украины и Крыма. В результате за Уралом ими было основано более 200 переселенческих поселков. Автор выделяет три группы поселений: алтайские, омские и павлодарские. Для этих поселений были характерны моноэтничность и моноконфессиональность, т.е. в каждом из этих поселков жили только немцы, принадлежавшие к одной конфессии: либо лютеране, либо католики, либо меннониты [Шайдуров 2013, 122]. Общим для поселков было и то, что подавляющее большинство в них составляли середняки. К началу Первой мировой войны удельный вес средне- и крупнокрестьянских хозяйств там достиг 40–50% [Шайдуров 2013, 124–125]. Ссылаясь на данные переписи 1917 г., автор пишет о сокращении доли пролетариата в районах немецкого расселения почти вдвое и о переходе его представителей в середняки [Шайдуров 2013, 142]. К тому же, прослеживается сходство в хозяйственной жизни поляков и немцев: в обеих общинах большинство их членов были связаны с обработкой земли, различных видов сырья и работой в качестве прислуги или поденщиков в городах [Шайдуров 2013, 127].

Весьма интересным представляется и сравнительно-демографический анализ статистики, относящейся к немецким, эстонским, русским и украинским поселениям на Алтае, позволивший В. Шайдурову сделать вывод о том, что если среди русских и украинских поселений в крае преобладал так называемый традиционный вид семьи, то среди их эстонских и немецких соседей распространение получила модернизированная семья. Такие семьи также получили распространение среди представителей таких национальных меньшинств на Алтае, как евреи, поляки, латыши и эстонцы. Уровень грамотности в немецких поселениях был самым высоким среди прочих национальных групп [Шайдуров 2013, 129–130, 132].

Анализируя изменения в экономике немецких колоний на Алтае, монография рассказывает о резком подъеме хозяйства колонистов к 1917 г., позволяющем говорить об своего рода «экономическом чуде». Во многом, успех немецких колонистов определялся их прежним местом жительства. Так, наиболее успешными были переселенцы из Новороссии, среди которых число зажиточных и крупнокрестьянских хозяйств превышало 58%. Большинство переехавших на Алтай из этого российского региона немцев, как и немцев, переехавших из Причерноморья, были зажиточными еще до переселения. В то же время, среди переселенцев из поволжских губерний, даже спустя 5–10 лет с момента водворения, доля бедняков, не имевших посева и рабочего скота, продолжала быть высокой. С позиции конфессии, наибольшая доля зажиточных хозяйств приходилась на меннонитов, а наименьшая – на католиков. К тому же, немецкие хозяйства на Алтае использовали сложные сельскохозяйственные машины, в то время как другие переселенцы и старожилы использовали только ручной труд. Огромное влияние на развитие немецких хозяйств в регионе оказали кооперация и развитие немецких кредитных товариществ [Шайдуров 2013, 143, 145–146, 149, 152].

Автор делает вывод о том, что к началу XX в. немецкая община стала важнейшей движущей силой аграрного развития Западной Сибири, ориентированной на ведение среднего и мелкого фермерского хозяйства. К середине 1920-х гг. община занимала уже одно из первых мест по численности среди нерусских этнических групп и насчитывала до 80,000 чел. [Шайдуров 2013, 158].

Четвертая, заключительная глава монографии, озаглавленная «Польская община Западной Сибири XIX – начала XX в.» повествует об особенностях возникновения и развития колонии в этом регионе Российской империи. В XVII в. первоначальным источником

формирования этой общины были военнопленные эпохи русско-польских войн. Начиная со второй половины XVIII в. и до середины XIX в. рост ее численности был связан со ссылкой в Сибирь участников освободительного движения [Шайдуrow 2013, 160–161].

Социальный состав колонии был весьма разнообразным. Тем не менее, значительную группу составляли дворяне. Так, после восстания 1830 г. 2/3 сосланных на поселение в Сибирь были дворяне. Некоторые из них, со сроком ссылки на 5 и более лет, не были лишены сословного статуса, и их имущество не было конфисковано. По окончании ссылки они имели право поселиться в губерниях европейской России. Другая многочисленная группа поселенцев включала шляхту, мещанство и крестьянство. Эти люди были лишены состояния и приговорены к конфискации имущества. Их положение было самым тяжелым в Сибири, т. к. они находились в зависимости от губернских властей, часто «забывавших» выплачивать полагающиеся пособия. Срок пребывания в разряде поселенцев определялся в 10 лет, по окончании которого они причислялись к разряду государственных крестьян без права возвращения на прежнее место жительства в Европейскую Россию. Ссылные приписывались к каким-либо крестьянским обществам и после ссылки должны были платить общегосударственные и местные налоги [Шайдуrow 2013, 162–164].

Ссылные поляки наделялись 15-десятичными земельными наделами, что предполагало прикрепить их к Сибири. Дети ссылных, рожденные до осуждения родителей, оставались в прежнем гражданском состоянии, в то время как дети, прижитые на поселении, записывались в ревизию, т.е. в группу населения империи, подлежащую обложению подушной податью [Шайдуrow 2013, 166].

Автор пишет о процессах трансформации национальной идентификации ссылных: многие из них пережились на местных девушках и стали навсегда сибиряками, другие пошли в батраки к крестьянам. В целом, многие ссылные предпочли «влиться в Сибирский социум», приняв его нормы и законы. Однако были и такие, кто мечтал вернуться на Родину и старался сохранить элементы национальной и религиозной польской жизни [Шайдуrow 2013, 166].

Монография повествует и о том, что высокий образовательный уровень польских поселенцев дал им возможность включиться в качестве вспомогательного персонала в производственную и торговую деятельность. Так, большой популярностью среди сибирских промышленников пользовались поляки-техники, способствовавшие внедрению технологических новшеств в регионе. Польские специалисты помогли также начать промышленное производство

кедрового масла, которое поставлялось в Европейскую Россию [Шайдуров 2013, 168, 169].

В то же время были и те, кто так и не смог найти себе «нишу» и финансово зависел от денежных средств и посылок, присылаемых родными. Наиболее успешными были потомки барских конфедератов и костюшковцев, ставшие в Сибири зажиточными и уважаемыми. Некоторые из них служили выборными, но были и такие, кому удалось даже стать чиновниками и, как правило, такие ссыльные и их потомки уже не стремились вернуться на родину. Таким образом, к началу XX в. Сибирская колония оказалась ассимилированной, а потомки ссыльных уже плохо говорили или совсем не могли говорить по-польски [Шайдуров 2013, 170].

Анализируя законодательные акты, В. Шайдуров указывает на то, что к 1860-м гг. уже была частично создана правовая база для политической ссылки. Специальные правила и инструкции регулировали условия препровождения, размещения и материального обеспечения ссыльных, как и правила их поведения и взаимоотношений с государственными учреждениями, ведавшими ссылкой [Шайдуров 2013, 170]. Тем не менее, когда в Сибирь были высланы участники польского восстания 1863–1864 гг., выяснилось, что многие правила и положения были трудно применимы, поскольку никогда прежде политическая ссылка не носила такой массовый характер. За участие в восстании были сосланы представители всех сословий, различного имущественного положения и гражданства, однако в общей массе преобладали бывшие дворяне. Всего было сослано около 18 тысяч участников восстания [Шайдуров 2013, 176]. В документах того времени они объявлялись «польскими переселенцами» [Шайдуров 2013, 171].

На волне либерализма, во второй половине 1860-х гг. начался процесс реабилитации участников Польского восстания. Так, причастные к беспорядкам лица, сосланные в административном порядке, получили право вернуться в Царство Польское. Для ссыльных поселян был открыт доступ лишь в крестьянство и мещанство [Шайдуров 2013, 172, 175].

Как и представители еврейской и немецкой общин, польские переселенцы, прибывавшие в Сибирь как ссыльные переселенцы после восстания 1863–1864 гг., постепенно определили и свои экономические «ниши», в рамках которых они пытались, с одной стороны, сохранить свое этническое единство, а с другой – интегрироваться в сибирский социум. И хотя законодательство запрещало ссыльным занимать какие бы то ни было должности на государственной и общественной службах,

в ряде губерний негласно было дано право предоставлять работу сосланным полякам. Высокий уровень грамотности позволил многим представителям полонии в Сибири стать писарями, часто имевшими большое влияние на волостное и сельское начальство, многие из них работали домашними учителями и преподавали различные дисциплины детям местных купцов и чиновников, а некоторые ссыльные, несмотря на запрет на получении специального патента, стали заниматься оптовой торговлей вином. Были и такие, кто пытался открыть гостиницы или заняться фотографическим делом. Однако обычно просители получали отказ в такого рода занятиях от властей [Шайдунов 2013, 178, 180, 182].

В целом, до 40% полонии было занято в промышленно-ремесленной сфере. Приведенные в монографии статистические данные убедительно показывают, что наибольшую активность по родам занятий проявляли польские мещане и некоторые другие ссыльные, в то время как польское крестьянство оставалось достаточно пассивным. Довольно высоким был и процент иждивенцев среди ссыльных (24,5%), которые существовали за счет средств, присылаемых родственниками [Шайдунов 2013, 183].

Уже в 1870–1880-е гг. бывшим ссыльным полякам разрешили причислиться в купеческие гильдии и заниматься золотодобычей и другими промыслами. Поэтому многие предпочли остаться на новом месте и продолжать свою деятельность. В результате, к началу XX в. произошли коренные изменения в формировании Сибирской полонии. Теперь, в дополнении к бывшим ссыльным переселенцам, в регион двинулись добровольные переселенцы из числа польских крестьян, военных, врачей и инженеров [Шайдунов 2013, 185]. Одним из условий для переселения крестьян стало достаточное наличие денежных средств, подтверждающее их материальное благосостояние.

По данным переписи 1897 г., за Уралом полония составляла 30,5 тыс. человек. Однако уровень ее урбанизации был низким, около 25%, поскольку значительная часть поляков водворилась преимущественно в сельской местности. Большинство поляков (43% семей) работало на земле, занималось обработкой сырья или работало в качестве прислуги в городах (15%). Часть поляков оказалась вовлеченной в различные отрасли добывающей промышленности и, в частности, в маслоделие, 80% продукции которой экспортировалась в Западную Европу. Кроме того, представители полонии приняли активное участие и в развитии мукомольного производства в Западной Сибири [Шайдунов 2013, 188–190].

Заклучая главу о истории Сибирской колонии, В. Шайдуров указывает, что в течении XIX – начала XX в. эта община прошла сложный путь развития, в котором все большую роль стало играть добровольное переселение. С точки зрения социально-экономической структуры Сибири, это означало, что государственная служба и каторга были заменены сельскохозяйственными занятиями и предпринимательством [Шайдуров 2013, 192].

Отмечая высокое качество рецензируемой публикации, необходимо поблагодарить ее автора за уникальную коллекцию малоизвестных исследователям исторических документов, содержащихся в ее приложении. Хотелось бы увидеть продолжение этого труда, которое бы повествовало о сложных судьбах этих трех общин в советский и постсоветский периоды, имеющих до сих так много белых пятен. Уникальность монографии делает ее весьма привлекательной и для зарубежных исследователей и широкого круга читателей в разных частях нашего глобального мира, желающих узнать правду о своих исторических корнях. Вот почему так желателен перевод исследования В.Н. Шайдурова на иностранные языки.

Литература

Шайдуров В.Н. Евреи, Немцы, Поляки в Западной Сибири XIX – начала XX в. СПб.: Издательство Невского Института Языка и Культуры, 2013. 260 с.

Janet M. Hartley. *Siberia: A History of the People*. Yale University Press, 2014. 312 p.

Forsyth James. *A History of the Peoples of Siberia: Russia's North Asian Colony 1581–1990*. Cambridge University Press, 1994. 476 p.

Wood Alan. *The Development of Siberia: People and Resources*. Palgrave Macmillan, 1990. 266 p.

Desind Philip. *Jewish and Russian Revolutionaries Exiled to Siberia, 1901–1917 Series: Jewish Studies, Book 6*. Edwin Mellen Press, 1991. 732 p.

Williams Hattie Plum. *The Czar's Germans: With Particular Reference to the Volga Germans*. Amer Historical Society of Germans, 1975. 236 p.

Bosch William. *The German-Russians: in Words and Pictures*. Create Space Independent Publishing Platform, 2014. 146 p.

Гончаров Ю.М.

Алтайский государственный университет (г. Барнаул)

Мамкина И.Н., Блинов А.В. Региональные модели управления образованием в императорской России: сибирский вариант: монография. Чита: ЗабГУ, 2020. 280 с.

В рецензируемой монографии представлены результаты научной рефлексии авторов по проблеме поиска представителями центральных и региональных органов власти оптимальных моделей управления образовательным пространством азиатской части Российской империи в контексте синтеза стратегии Министерства народного просвещения (далее МНП) за период его существования и особенностей развития региона [Мамкина, Блинов 2020, 11].

Актуальность и научная новизна исследования определяется объектно-предметной областью: сравнительным анализом региональных моделей управления образовательным пространством и степенью их адаптации, с одной стороны, к региональным особенностям, а, с другой – к стратегии МНП.

Данное издание является результатом устойчивого интереса авторов к рассматриваемой проблеме [Мамкина 2016; Блинов 2018].

Исследование основано на солидной информационной базе, представленной 118 историческими (в том числе 79 архивными единицами хранения из 8 центральных и региональных архивов) и 83 историографическими источниками.

В тексте монографии приводится большой объем статистического материала, аккумулированного в 29 таблицах.

Безусловным преимуществом исследования является авторская концепция, предусматривающая анализ региональных подходов к организации управления образовательным пространством Сибирского региона в зависимости от особенностей развития его составляющих – Западной и Восточной Сибири.

Материал выстроен в проблемно-хронологическом ракурсе: главы соответствуют основным этапам эволюции моделей регионального управления. Первая глава содержит анализ хронологического периода, когда сибирский образовательный ландшафт находился под контролем Казанского учебного округа (1802–1828 гг.).

Во второй главе представлен анализ периода с 1828 по 1885 г. и описаны подходы к управлению образовательными учреждениями

Сибири со стороны представителей региональной власти (гражданских губернаторов и генерал-губернаторов). Обоснованным представляется авторский вывод, что «к 1880-м гг. образовательное пространство Западной и Восточной Сибири, находясь вне окружной системы управления, имело устойчивые региональные черты, проявившиеся в отсутствии земских органов власти, бюрократизации, излишней централизации и авторитарности местных моделей управления» [Мамкина, Блинов 2020, 220].

Второй период, выделенный авторами, стал наиболее ярким примером сибирского регионализма, когда образовательное пространство Сибири после непродолжительного пребывания в рамках имперской окружной модели, оказалось под контролем структур, учитывающих региональную специфику.

Третий период (1885–1917 гг.) характеризуется дуализмом позиции центральной власти в управлении региональным образовательным пространством: если для Западной Сибири был учрежден на имперских началах учебный округ, то в Восточной сохранялась прежняя модель генерал-губернаторского управления, но подверженная модернизации. Трудно не согласиться с авторским мнением, что «в условиях затяжного периода освоения и инкорпорации Восточной Сибири в общеимперское пространство, сформировавшаяся региональная модель управления образованием являлась наиболее оптимальным вариантом модели переходного типа в контексте становления национальной единой системы образования» [Мамкина, Блинов 2020, 163].

Интерес представляет материал четвертого параграфа третьей главы, отражающий имперские и региональные проекты модернизации системы управления сибирским образовательным пространством и вывод авторов, подтверждающий единство исторического пути регионов Российской империи: «Политические события февраля 1917 г. открывали широкие возможности для преобразования системы..., а последующие события... полностью парализовали деятельность в этом направлении» [Мамкина, Блинов 2020, 217].

Рецензируемая монография является первым комплексным исследованием, позволяющим получить представление о тенденциях эволюции моделей управления на территории азиатской части Российской империи в период деятельности МНП в русле историко-правового и историко-педагогического подходов.

Литература

Блинов А.В. Модели управления учебными заведениями Министерства народного просвещения на территории Западной Сибири (1802–1917). Кемерово: ИНТ, 2018. 208 с.

Мамкина И.Н. Развитие системы общего образования в Восточной Сибири в условиях модернизации XIX – нач. XX в. Чита: ЗабГУ, 2016. 317 с.

Мамкина И.Н., Блинов А.В. Региональные модели управления образованием в императорской России: сибирский ВАРИАНТ: монография. Чита: ЗабГУ, 2020. 280 с.

Кальмина Л.В.

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук
(г. Улан-Удэ)*

**Современное историческое сибиреведение XVIII – начала XX в.
Вып. IV: Сб. науч. тр. / Под ред. Ю.М. Гончарова, В.Н. Шайдурова.
СПБ: Медианар, 2020. 294 с.**

*Учитель, воспитай ученика,
Чтоб было у кого потом учиться.
Е. Винокуров
(интерпретация Б. Левина)*

Традиция Барнаульской исторической школы отмечать юбилей ее видных представителей серийным изданием «Современное историческое сибиреведение» заложена без малого два десятка лет назад. По понятным причинам сборник научных трудов, приуроченный к такому событию, выходит нечасто. Но алтайские историки берут не числом, а уменьем. Каждое такое издание становится событием. Здесь нет места случайности – ни в формировании структуры сборника, ни в принципах пополнения издательского «портфеля». Каждый материал – плод многолетнего труда коллег – единомышленников, занимающихся близкими юбиляру проблемами. Таким, самым приятным для ученого образом, они приносят ему свои поздравления.

Четвертый выпуск сборника «Современное историческое сибиреведение XVIII – начала XX в.» (СПб., 2020) посвящен юбилею профессора В.А. Скубневского – легенде сибирской исторической науки, в 1990-е гг. возглавившего новое научное направление по изучению истории сибирского предпринимательства; лидера сибирского городоведения, которое является стержневым для барнаульских историков [Гончаров 2005, 34]. Основанная им научно-педагогическая школа «История Сибири XIX – начала XX в.» получила официальное признание Министерства образования РФ.

Структура сборника отражает круг интересов профессора В.А. Скубневского: история сибирского предпринимательства; этнические меньшинства и история межнациональных отношений в Сибири; демографическая характеристика сибирского общества и происходящие на ее территории социокультурные процессы. Отличительной чертой данного выпуска является многожанровость: в нем представлены сибирская история, историография и источниковедение, археография.

Первый раздел сборника, посвященный вопросам сибирской экономической истории, иркутские ученые Л.М. Дамешек и И.Л. Дамешек открывают статьей об экономической инкорпорации Сибири в состав Российской империи. Исследователи рассматривают место Сибири в экономике России имперского периода и российскую экономическую политику, в основе которой лежал рационализм в его петербургском понимании – максимальный эффект от эксплуатации сибирских земель. Отдавая должное юбиляру, внесшему серьезный вклад в изучение экономической политики в регионе, авторы разрабатывают проблему сквозь призму его трудов. «Исследователь-сибиревед, рискнувший заниматься изучением сюжетов хозяйственного, экономического развития этого макрорегиона, – раскрывают они процесс творческих исканий ученого, – заранее обрекает себя на длительное архивное «заточение», скрупулезные поиски разбросанного по разным архивным хранилищам и опубликованного сборниками статистического материала» [Современное историческое 2020, 14]. Терпение, упорство и изобретательность «алтайского Пимена» в поиске нужной информации отметил и его друг, коллега, соратник по исследованию дореволюционной истории сибирского рабочего класса, крупнейший специалист по экономической истории Сибири В.П. Зиновьев [Современное историческое 2020, 282, 283].

Купеческая «серия» представлена статьями известных исследователей В.П. Бойко и Е.В. Комлевой. Однако нам хотелось бы

остановиться на материале барнаульского ученого Н.Ю. Колокольцевой, который авторским видением менталитета купечества выпадает из популярного ныне тренда и тем особенно интересен. Идеализация и романтизация сословия после долгих лет представления его вселенским кнурово-вожеватовским злом требует поиска некоего баланса между этими двумя крайностями. Автору это вполне удалось. В статье купечество показано как довольно пестрая общность без единых внутрigrупповых интересов, чьи благотворительные акции, значимость которых автор не подвергает сомнению, диктовались в первую очередь прагматической «целью утверждения своего положения через завоевание политического влияния и власти». Без общественно-политического служения и участия в благотворительных мероприятиях призрачны были надежды на получение титула и звания, которые повышали общественный статус куда больше, нежели размер капитала [Современное историческое 2020, 56, 57].

Сибирский социум как «плавильный котел» разных этноконфессиональных общностей представлен во втором разделе сборника «Национальные меньшинства. Диаспоры. Межнациональные отношения в Сибири». Наряду с польской и еврейской темой, многие годы разрабатываемой известными специалистами И.Н. Никулиной и Ю.М. Гончаровым, на страницах сборника прозвучала тема украинской общины – малоизученный сюжет, который требует дальнейшей разработки. Автор статьи В.Н. Шайдуров, изучивший особенности формирования и адаптации украинской общины в Западной Сибири, пришел к выводу, что она во многом повторила структуру и судьбу русских переселенцев: преобладание крестьянской составляющей в переселенческой массе; трудности адаптации из-за слабой государственной поддержки и издержек переселенческого законодательства. Проживание вместе с русскими в одних поселениях и рассеяние в регионе вели к утрате идентичности в большей степени, чем у оказавшихся в аналогичных условиях других этнических общностей. В отличие от польской и еврейской общин, главным фактором образования которых была ссылка, основным источником пополнения украинской диаспоры стало добровольное переселение [Современное историческое 2020, 139, 141, 144].

Статья Л.В. Кураса и Б.Д. Цыбенова представила в непривычном ракурсе город Троицкосавск / Кяхту, который традиционно ассоциируется у нас с центром чайной торговли. Город показан как форпост Советской России на Востоке, где фактически замышлялась и планировалась монгольская революция, что, собственно, и позволило авторам назвать Троицкосавск ее «колыбелью» [Современное

историческое 2020, 178–179]. Статья открывает интереснейшую дискуссию о доле закономерности и случайности в формировании исторической роли города, оказавшегося в водовороте революционных событий. С одной стороны, эта роль была предопределена разворотом вектора мировой революции с запада на восток, состоянием монгольского общества после Синьхайской революции 1911–1912 гг. и приграничным статусом города. С другой, сложились обстоятельства немного иначе, его мог бы заменить иной город, к примеру, Урга.

На наш взгляд, статью уместнее было бы разместить в третьем разделе сборника, посвященного социокультурным процессам в Сибири, поскольку акцент в ней делается не столько на монгольских событиях, сколько на трансформации социальной функции уездного сибирского города – от центра чайной торговли до «базового субъекта для экспорта революции в Монголию» [Современное историческое 2020, 179].

В третьем разделе в первую очередь обращают на себя внимание статьи омского ученого М.К. Чуркина и новосибирского исследователя Н.П. Матхановой, которые роднит концепция: портрет личности в контексте эпохи. Источниковой основой статьи М.К. Чуркина послужили мемуары чиновников Переселенческого управления А.А. Татищева и В.Ф. Романова. Через исторический контекст автор показывает процесс формирования личности государственного чиновника как «продукта» двух противоположных факторов: нормативных практик воспитания, требовавших строгого следования определенному стилю поведения и образу жизни, и эпохи Великих реформ 1860-х – 1870-х гг., продиктовавших необходимость адаптации дворянства к новым экономическим и социально-политическим условиям. Исследуемые мемуары дают возможность разрушить устоявшийся стереотип чиновничества как исключительно сообщества взяточников и лихоимцев и показать влияние либеральных реформ на формирование иного понимания новым поколением дворянства своего служебного предназначения [Современное историческое 2020, 225, 226, 227].

Статья Н.М. Матхановой представляет собой публикацию писем известного сибирского просветителя и предпринимателя П.И. Макушина петербургскому книгоиздателю М.Н. Слепцовой, обнаруженных автором в РГАЛИ. Археографические статьи, наиболее трудоемкие в написании, к сожалению, стали большой редкостью на страницах сибирских изданий. Поэтому значимость данного материала трудно переоценить. Четыре письма, которые автор характеризует как официальное, полуофициальное и личные, дают представление о

процессе популяризации книги в Сибири в предреволюционные и первый революционный год. Последнее письмо, датированное 22 ноября 1917 г., отличается тонкой передачей сложного смешения чувств части интеллигенции: неприкрытым ужасом перед «проклятыми, кровавыми днями» и высоким долгом просвещения, который следует выполнять перед стремящимся к свету знания народом и в переживаемые им черные дни.

Заключительный блок сборника посвящен личности В.А. Скубневского. Личности в истории как науке: историография его трудов как исследователя истории предпринимательства; воспоминания о друге и учителе; список посвященных ему материалов в научных, популярных и справочных изданиях; защищенных под его руководством и при его научном консультировании кандидатских и докторских диссертаций.

Остается добавить, что редакторы сборника – питомцы школы профессора В.А. Скубневского, известные ученые доктор исторических наук, лауреат Государственной премии Российской Федерации Ю.М. Гончаров и петербургский историк, доктор исторических наук В.Н. Шайдуров, чьему юбилею посвящен свежий, пятый, выпуск сборника. Несмотря на юный по научным меркам возраст Владимир Николаевич имеет репутацию ведущего специалиста в изучении истории этнических меньшинств и этно-конфессиональных отношений в Сибири, чьи труды хорошо известны не только в России, но и в Польше, Германии, Израиле, США. Можно только порадоваться за Валерия Анатольевича Скубневского, ибо нет большего счастья для Учителя, чем редактирование сборника, изданного к юбилею его ученика, твердо усвоившего преподаваемые ему уроки и бережно несущего традиции своей AlmaMater.

Литература

Гончаров Ю.М. Барнаульская школа исторического городоведения // Современное историческое сибиреведение XVII – начала XX вв.: Сб. науч. труд. / Под ред. Ю.М. Гончарова. Барнаул: Аз Бука, 2005. С. 30–41.

Современное историческое сибиреведение XVIII – начала XX вв. Вып. IV: Сб. науч. труд. / Под ред. Ю.М. Гончарова, В.Н. Шайдурова. СПб: Медиана, 2020. 294 с.

Цыб С.В.

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы, Алтайский филиал (г. Барнаул)*

Гончаров Ю.М. Историография, источники и методы изучения городской семьи Западной Сибири второй половины XIX– начала XX в.: Монография. Барнаул: Издательство Алтайск. гос. ун-та, 2020. 168 с.

Знакомясь с новыми публикациями ученых-историков, мы узнаем, как правило, о результатах исследования тех проблем, которые занимали их внимание в последние годы, являясь для них самыми животрепещущими и актуальными. Рецензируемая книга доктора исторических наук, профессора, Ю.М. Гончарова переносит читателей во времена почти что 20-летней давности, так как здесь мы находим публикацию материалов его диссертации на соискание докторской степени, успешно полученной автором в 2003 г. Знакомясь с содержанием монографии, мы получаем прекрасную возможность не только оценить ее собственно научно-содержательную сторону, но и проследить истоки формирования личности выдающегося современного ученого, заслуги которого перед исторической наукой не нуждаются в каком-либо дополнительном представлении.

Главный и несомненный вывод, возникающий после прочтения этой книги: все замечательные достижения Ю.М. Гончарова в области изучения социально-экономической истории пореформенной Сибири основывались на классических опорных «столбах» нашей науки. Роль первого из них выполняла источниковая база. В том виде, в котором она представлена в рецензируемой книге, ее характеристика заслуживает таких эпитетов, как «грандиозная», «всеобъемлющая», «многообразная» и «информативная» (см. ее описание в «Библиографическом списке») [Гончаров 2020, 109–121]. Простое знакомство с перечнем источников наглядно демонстрирует огромный объем поисковой работы, проделанной в свое время автором, его исследовательскую целеустремленность и физическое трудолюбие, и можно уверенно признать, что этим привычкам, появившимся еще в ранние годы научной карьеры, Ю.М. Гончаров не изменял в дальнейшей своей научной биографии и остается верен им и сейчас.

Однако количественный фактор не всегда является главным аргументом в построении научно-исторических выводов, и поэтому на

первый план всегда выступает не только и не столько умение ученого механически извлекать и обобщать источниковую информацию, но и провести ее критическую оценку, выяснить степень ее достоверности и уровень репрезентативности. Совершенно ясно, что в своей исследовательской деятельности Ю.М. Гончаров всегда уделял значительное внимание этим требованиям исторического источниковедения, что неоднократно подтверждается характеристиками отдельных групп источников, присутствующих на страницах данной монографии: «Даже в начале XX в. семейное право Российской империи не приобрело стройной системы, чему способствовала в том числе, разрозненность источников семейного права...» [Гончаров 2020, 43]; «источниковая ценность законодательных актов заключается в том, что они позволяют судить о государственном регулировании брачно-семейных отношений... Одной из характерных черт законодательства изучаемого периода был значительный разрыв между принятием закона и сроком его введения... Большое значение законодательные акты также имеют при источниковедческом изучении других видов источников, в частности, при выяснении обстоятельств и степени достоверности источниковой информации» [Гончаров 2020, 44]; «информационный потенциал купеческих книг можно оценить, как высокий... Несомненным достоинством этого источника является то, что его сведения хорошо сопоставимы с данными других источников, в частности, обывательских книг и исповедных росписей... Недостатком некоторых купеческих книг... является то, что в них не указывается возраст всех членов семьи и имена женщин...» [Гончаров 2020, 46] и др. страницы из главы 2 книги.

Глубокое и аналитическое овладение историографией проблемы – вторая опора научных достижений Ю.М. Гончарова. Историографический обзор проблемы истории семьи и, в частности, западносибирской семьи времен возникновения и развития российского капитализма, изложенный в главе 1 монографии, проведен в полном соответствии с общепринятыми целевыми установками подобных обзоров – использовать опыт достижений своих предшественников и наметить пропущенные ими сюжеты и детали исследования темы, которые и должны определить пути и задачи нового обращения к теме. Вполне естественным и убедительным поэтому представляется следующий вывод автора: «Оценивая итоги изучения интересующей нас проблематики, необходимо отметить, что история городской семьи... второй половины XIX– начала XX в. является изученной чрезвычайно слабо. Многие из проблем исследования не были

поставлены предыдущими исследователями. Тем не менее, историками накоплен значительный и разнообразный материал, ... что создает условие для успешного решения поставленных задач исследования» [Гончаров 2020, 35].

С историографической частью книги Ю.М. Гончарова согласуется и характеристика методологических проблем исследования семьи (глава 4). Проявляя незаурядную осведомленность во всех существующих социологических концепциях, Ю.М. Гончаров избегает, однако, опасности попасть под воздействие какой-либо из них и приспособлять под ее положения фактический материал и целевые установки своего исследования, что, к сожалению, нередко наблюдается в современной науке, изучающей историю XIX и XX вв. Это становится понятным, например, из такой авторской сентенции: «Многоаспектность института семьи, многовариантность конкретно-исторических форм и типов брачно-семейных отношений требует для перехода к теоретическому осмыслению огромного количества эмпирических, конкретно-исторических работ. При этом необходимо объединение усилий специалистов различных общественных наук» [Гончаров 2020, 97].

Наконец, третьим «китом», подпирющим научные реконструкции Ю.М. Гончарова, становится использование самой разнообразной методики обработки информации источников. Это были и «традиционные количественные методы исторического исследования» [Гончаров 2020, 104], и методы, которые еще несколько десятилетий назад в отечественной науке назывались «новыми». В главе 3 рецензируемой монографии автор подробно описывает принципы и технологию составления компьютерной базы данных купеческих семей Западной Сибири, которую он вполне обоснованно представляет «комплексным источником» [Гончаров 2020, 77], позволяющим не только обобщать и группировать объемную информацию из отдельных групп источников, каждую из которых можно отнести к разновидности массовых источников, но и открыть новые познавательные горизонты в изучении проблемы. Можно безошибочно отметить, что грандиозная работа по формированию этой базы, начатая Ю.М. Гончаровым еще в 90-е гг. XX в., стала основой для появления его научных реконструкций не только в рамках разработки истории городской западносибирской семьи, но и смежных тем [Гончаров 2001; Гончаров, Чутчев 2004; Гончаров 2005; Гончаров 2014].

Книга написана безупречным в научном отношении языком и вместе с тем доступно для освоения ее содержания читателем различного уровня готовности к освоению исторической информации.

Иллюстративный материал дополняет содержание книги, хотя и расположен, как показалось рецензенту, недостаточно системно.

Не вызывает сомнения наша уверенность в том, что и в дальнейших своих научных исследованиях Ю.М. Гончаров останется приверженным описанным в данной книге принципам научно-исторического исследования и, применяя их к изучению нового фактического материала, не однажды порадует специалистов и любителей истории своими новыми публикациями.

Литература

Гончаров Ю.М. Историческое развитие семьи в России в XVIII–начале XX века // Преподавание истории в школе. 2001. № 7. С. 21–32.

Гончаров Ю.М., Чутчев В.С. Мещанское сословие Западной Сибири второй половины XIX–начала XX в. Барнаул, 2004.

Гончаров Ю.М. Очерки истории еврейских общин Западной Сибири (XIX– начало XX в.). Барнаул, 2005.

Гончаров Ю.М. Очерки повседневной жизни горожан Сибири второй половины XIX–начала XX в. Барнаул, 2014.

Гончаров Ю.М. Историография, источники и методы изучения городской семьи Западной Сибири второй половины XIX– начала XX в.: Монография. Барнаул: Издательство Алтайск. гос. ун-та, 2020. 168 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Блинов Алексей Владимирович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет», г. Кемерово.

Валитов Александр Александрович – кандидат исторических наук, научный сотрудник ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет», г. Тюмень.

Гончаров Юрий Михайлович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»; заведующий кафедрой теории и истории государства и права Алтайского филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ», г. Барнаул.

Дамешек Ирина Львовна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», г. Иркутск.

Дамешек Лев Михайлович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», г. Иркутск.

Деннингхаус Виктор – доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института культуры и истории немцев в Северо-Восточной Европе при Гамбургском университете, г. Люнебург, Германия.

Жукова Анастасия Евгеньевна – младший научный сотрудник Научно-образовательного центра исторических исследований и анализа ГАОУ ВО ЛО «Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина», г. Санкт-Петербург г. Пушкин.

Зиновьев Василий Павлович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры российской истории ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет», г. Томск.

Кальмина Лилия Владимировна – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник ФГБУН «Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук», г. Улан-Удэ.

Кац Наум Григорьевич – Карнеги-Меллон Университет, г. Питтсбург, США.

Климова Ольга Геннадьевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории государства и права ФГБОУ ВО «Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова», г. Барнаул.

Колокольцева Наталья Юрьевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории, ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» г. Барнаул.

Леончик Сергей – доктор исторических наук, профессор, Естественно-гуманитарный университет в г. Седльце, г. Седльце, Польша.

Никулина Ирина Николаевна – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», г. Барнаул

Пожарская Ксения Александровна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», г. Барнаул.

Санкин Евгений Валериевич – кандидат исторических наук, учитель истории, средняя общеобразовательная школа № 25, г. Сургут.

Семенова Ольга Александровна – младший научный сотрудник Научно-образовательного центра исторических исследований и анализа ГАОУ ВО ЛО «Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина», г. Санкт-Петербург г. Пушкин.

Скачкова Галина Константиновна – кандидат исторических наук, доцент, заведующий Музеем народного образования Тюменской области Тобольского педагогического института им Д.И. Менделеева (филиал) ФГБОУ ВО «Тюменский государственный университет», г. Тобольск.

Скубневский Валерий Анатольевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», г. Барнаул.

Сторелла Кармин Джон – Карнеги–Меллон Университет, г. Питтсбург, США.

Сулимов Вадим Сергеевич – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории, права, социально-экономических дисциплин и методик преподавания Тобольского педагогического института им Д.И. Менделеева (филиал) ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет», г. Тобольск.

Федотова Дарья Юрьевна – научный сотрудник ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет», г. Тюмень.

Цыб Сергей Васильевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин

ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ», Алтайский филиал, г. Барнаул.

Чуркин Михаил Константинович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории ФГБОУ ВО «Омский государственный педагогический университет», г. Омск.

Шиловский Михаил Викторович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории, культуры и искусств ФГАОУ ВО «Новосибирский государственный университет», заведующий сектором ФГБУН «Институт истории СО РАН», г. Новосибирск.

Научное издание

**СОВРЕМЕННОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ
СИБИРЕВЕДЕНИЕ XVIII – НАЧАЛА XX В.**

Выпуск V

Сборник научных статей

Текст публикуется в авторской редакции

Подписано в печать 15.09.2021. Формат 60×90/16. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 14. Тираж 500. Заказ 104.

Выпущено ООО «Медиапапир»
с готового оригинал-макета, предоставленного авторами.
194021, Санкт-Петербург, Политехническая ул., д. 24, лит. В,
пом. 11-Н № 25, 26.
Тел.: (812) 987-75-26
mediapapir@gmail.com www.mediapapir.com www.mediapapir.ru